

А. Ю. Кожевников

РУССКИЙ ПАТРИОТИЗМ И СОВЕТСКИЙ СОЦИАЛИЗМ

Алексей Кожевников

**Русский патриотизм и
советский социализм**

«Прометей»

2017

УДК 94(100)"654"
ББК 63.3(0)

Кожевников А. Ю.

Русский патриотизм и советский социализм /
А. Ю. Кожевников — «Прометей», 2017

ISBN 978-5-906879-77-6

Монография посвящена одному из наиболее противоречивых явлений общественной и культурной жизни СССР на протяжении почти всей его истории (1917–1985 гг.) – идеям русского патриотизма. На основе широкого круга источников выявляются корни и прослеживается дальнейший генезис новой патриотической идеологии, исследуются формы ее проявления, особенности отношения советских властей к «русскому фактору» в политической и культурной жизни того времени. Альтернативным официальному курсу проектам решения «русского вопроса», предлагаемым русскими национал-патриотами (диссидентами), посвящена отдельная глава книги. Для историков, политологов и всех, интересующихся прошлым нашего Отечества.

УДК 94(100)"654"
ББК 63.3(0)

ISBN 978-5-906879-77-6

© Кожевников А. Ю., 2017
© Прометей, 2017

Содержание

От автора	6
Глава 1. Истоки «левого патриотизма»	8
§ 1. Патриотическая идея в оценках российской революционной интеллигенции XIX века	8
§ 2. Большевизм и русский вопрос в начале XX века	21
Глава 2. От идеи «мировой революции» к государственному патриотизму (октябрь 1917–1953 гг.)	29
§ 1. Идеи «красного патриотизма» в годы Гражданской войны (1918–1920 гг.)	29
§ 2. Патриотическая идея в советской политике и пропаганде 1920-х гг.: «за» и «против»	51
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Алексей Кожевников

Русский патриотизм и советский социализм

© Кожевников А. Ю., 2017

© Издательство «Прометей», 2017

* * *

*Столетию Великого Октября,
светлой памяти моих учителей – патриотов России –
Аполлона Гоигорьевича Кузьмина
и Сергея Николаевича Семанова
посвящается эта книга*

От автора

Патриотизм как понятие, как социокультурное явление, как форма выражения национального самосознания и как идеологический компонент уже на протяжении многих столетий является объектом острых политических и научных дискуссий. Право называть себя подлинно патриотической силой, призванной бороться за национальные интересы, отстаивать суверенитет своего государства, бороться за его могущество и процветание оспаривают многие партии, общественные организации, политические группировки современной России – как «правого», так и «левого» направлений, а также представители «центра». После нескольких лет разгула национал-нигилизма, презрения к патриотической идее, радикального антисоветизма и русофобии, культивируемых в том числе и на социальном уровне в последние годы «перестройки» и в начале ельцинских «реформ» (1991–1993 гг.), российская власть была вынуждена заняться поиском новой «национальной идеи» и разработкой новой государственной идеологии. Объяснение такой, во многом непоследовательной и конъюнктурной «переориентации» определенных кругов ельцинского руководства на «патриотические ценности» следует искать не только в результатах провальных для либералов-западников выборов в Государственную Думу в декабре 1993 г. (как известно, победу на них одержали «оппозиционные» партии – ЛДПР и КПРФ), сколько в осознании властью предержащими простой истины: существование государства и легитимность существующего режима невозможны без опоры на патриотическую (или квазипатриотическую) идею, скрепляющую единство нации¹. Насколько это удалось властям за 25 лет либеральных «реформ» – другой вопрос.

В последние 15 лет патриотическая идея все более активно декларируется госчиновниками – вчерашними адептами либерализма, антисоветчиками, криминальными дельцами разных уровней, в одночасье ставшими ярыми «государственниками». Объясняется подобное лицемерие просто: для компрадорской буржуазии, захватившей власть на территории бывшего СССР, прежние откровенно антинациональные, антигосударственные, ультралиберальные идеологические установки не могли в новых условиях оставаться действенным инструментарием для сохранения этой власти и строя. Кроме того, необходимо было создать пропагандистскую «завесу» для социума, служащую прикрытием политики дальнейшего закабаления и разграбления России, – но уже под другими лозунгами, с апелляцией к иным символам и «ценностям». Для этого проводникам нового идеологического курса потребовались «новая»-старая интерпретация событий дореволюционного прошлого (в духе существовавших до 1917 г. официальных установок), концепция российской государственности (фактически воскресившая уваровскую теорию «официальной народности»), наконец, – наследие русских консервативных мыслителей XIX-начала XX веков. Впрочем, если говорить о последних (а не о бесславно канувшей в Лету царской Империи), то русские консерваторы, – люди, бесспорно, яркие и талантливые, – не только не смогли (в отличие от революционеров) создать массового движения, способного прийти к власти или влиять на нее, но и вообще предложить обществу новый социальный проект. Как показала история, утописты-консерваторы, оторванные от народа, чуждые ему, так и не смогли сформулировать простые и понятные для многомиллионной России социальные и патриотические лозунги, ту самую Русскую Идею. Конкретизировать и реализовать ее в XX веке удалось только большевикам.

Эта книга – о русском революционном и советском патриотизме, его корнях и эволюции на протяжении двух столетий (1816–1985 гг.). Монография не содержит анализа исто-

¹ См.: Вдовин А. И. Русские в XX веке. Трагедии и триумфы великого народа. М., 2013. С. 469–470.

риографии, источниковой базы и понятийного аппарата рассматриваемой темы (ввиду своей хронологической и фактологической объемности эти вопросы требуют специального исследования). Автор также не ставил целью показать весь спектр отношений к патриотической идеологии в различных политических левых направлениях XIX – начала XX веков (позднее народничество, эсеры, меньшевики, анархисты и др.). Для более детального ознакомления с особенностями восприятия патриотической идеи российскими левыми читателю можно порекомендовать вышедшее недавно фундаментальное исследование – монографию «Патриотизм и национализм как факторы российской истории (конец XVIII в. – 1991 г.)»².

При выборе тематики и хронологии в исследовании русского революционного и советского патриотизма XIX–XX вв. автор счел целесообразным опираться на известную ленинскую «триаду» – три периода революционного движения в России, радикального его направления: декабризм, раннее народничество и революционные демократы (А. И. Герцен, Н. Г. Чернышевский), большевизм. Первые два направления, при всем критическом к ним отношении, В. И. Ленин считал главными двигателями революционного процесса в России, в известной степени предопределившими появление большевизма (статья «Памяти Герцена», 1912 г.). Именно от них вел «генеалогию» своего движения будущий создатель Советского государства и новой патриотической идеологии. Иное, сугубо отрицательное отношение у вождя пролетариата было к своим политическим оппонентам – поздним народникам («друзьям народа»), к их идейным продолжателям – эсерам и к умеренным социал-демократам – меньшевикам. Подобный подход был присущ (вплоть до «перестройки») советской идеологии и исторической науке, отказывавшим оппонентам Ленина не только в подлинной «революционности», но и в патриотизме.

Основная часть книги приходится на советский период истории России. На широком круге источников (в том числе выявленных впервые) анализируются процесс зарождения новой патриотической идеологии в Советском государстве, ее особенности и формы проявления, отношение к «русскому фактору» со стороны большевистской власти. Особое внимание в работе уделено процессу трансформации патриотической идеи в СССР 1930-х – начала 1950-х гг. и ее последствиям для советской культуры и официальной пропаганды. Подробно исследуются особенности позднесоветской патриотической идеологии, вопросы взаимоотношений русских национал-патриотов и коммунистической власти в 1960-х – первой половине 80-х гг. Отдельная глава посвящена русским националистам-диссидентам тех лет, рассматриваются их, альтернативные официальным, проекты, касающиеся вопросов государственного устройства России и положения ведущего этноса СССР – русского народа.

² См., например: *Зверев В. В.* Народ, патриотизм и национализм в русском народничестве // Патриотизм и национализм как факторы российской истории (конец XVIII в. – 1991 г.) / Отв. Ред. В. В. Журавлев. М., 2015. С. 113–206; *Савельев П. Ю.* Проблемы патриотизма, национализма и интернационализма в идеологии российской социал-демократии // Там же. С. 226–246.

Глава 1. Истоки «левого патриотизма»

§ 1. Патриотическая идея в оценках российской революционной интеллигенции XIX века

С момента своего появления на политической арене коммунистическое движение заявило о себе как сила интернациональная, призванная объединить рабочие массы наиболее развитых капиталистических стран для совершения общеевропейской, а в перспективе – мировой пролетарской революции. В «Манифесте Коммунистической партии», написанном К. Марксом и Ф. Энгельсом в 1848 г., четко обозначались «национально-государственный» статус пролетариата в условиях господства буржуазно-капиталистических отношений и будущее этого ведущего революционного класса после завоевания им политической власти: «...Рабочие не имеют отечества. У них нельзя отнять то, чего у них нет. Так как пролетариат должен прежде всего завоевать политическое господство, подняться до положения национального класса, конституироваться как нация... Национальная обособленность и противоположности народов все более и более исчезают уже с развитием буржуазии, со свободой торговли, всемирным рынком, с единообразием промышленного производства и соответствующих ему условий жизни. Господство пролетариата еще более ускорит их исчезновение»³.

Соответственно, идеи государственного патриотизма, национального патриотизма вообще трактовались основоположниками «научного коммунизма» в сугубо отрицательном контексте – как порождение буржуазного общественно-экономического строя, а такое понятие, как «нация» являлось, по сути, синонимом буржуазии, пришедшей в своё время к власти в результате революционного переворота. Подобная оценка понятий «Отечество» и «патриотизм» на протяжении десятилетий служила предметом острой полемики в европейских интеллектуальных кругах. Не остались от нее в стороне и русские марксисты. Г. В. Плеханов в статье «Патриотизм и социализм» (1905 г.) попытался дать свою трактовку знаменитым словам К. Маркса из «Манифеста»: «Слова «рабочие не имеют отечества» написаны были в ответ идеологам буржуазии, обвинявшим коммунистов в том, что те хотят «уничтожить отечество». Ясно, стало быть, что у авторов Манифеста речь шла об «отечестве», понимаемом в совершенно определенном смысле, т. е. в том смысле, который придавали этому понятию буржуазные идеологи... Так как по условиям современного мирового хозяйства социалистическая революция, которая положит конец господству капитала, должна быть международной, то в умах сознательных рабочих идея *отечества*, объединяющего в одно солидарное и полное «исключительности» целое все классы общества, по необходимости должна уступить место бесконечно более широкой идее солидарности революционного человечества, т. е. «пролетариев всех стран». И чем шире делается могучая река современного рабочего движения, тем дальше отступает психология патриотизма перед психологией интернационализма»⁴.

Вопрос об отношении к идеологии государственного и национального патриотизма рассматривался западноевропейскими марксистами и их последователями в России с точки зрения решения конкретных задач социальной борьбы. Идея Отечества, чувство «национальной привязанности», в своей буржуазной интерпретации, по мнению левых интернаци-

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: В 50 т. М., 1955–1981. Т. 4. С. 444.

⁴ Плеханов Г. В. Избранные философские произведения: В 5 т. М., 1956–1958. Т. 3. С. 90, 94–95 (курсив в оригинале).

оналистов, разобщали народные массы, являлись препятствием на пути к их революционной организации и поэтому подлежали осуждению. Подобное отношение к патриотической идее было также характерно и для многих представителей русского революционного движения XIX столетия, развивавшегося под влиянием западноевропейской просветительской и социалистической мысли.

«Патриотизм» господствующего дворянского сословия, его культура, религия традиционно являлись для российских революционеров официальным идеологическим обоснованием существующих в стране социально-политических порядков. Уваровская «теория официальной народности», консервативная «охранительная» публицистика, попытки внедрения элементов русского национализма в имперскую идеологию при Александре III, дискриминационная политика в отношении «иностранцев», позиция Православной Церкви, благословлявшей действия правящих кругов, – все эти проявления «великодержавного» курса царской власти в области идеологии, религии, культуры и национальных отношений служили объектом беспощадной критики со стороны левой интеллигенции – от революционных демократов 1840-х гг. до русских марксистов начала XX века. В этом отношении показательны высказывание А. И. Герцена, характеризующее идеологическую политику Николая I: «Россия, патриотизм были всего лишь средством укрепить самодержавие, народ никогда не обманывался насчет национализма Николая; ярчайшее выражение его царствования – девиз деспотизма: «Пусть погибнет Россия, лишь бы власть осталась неограниченной и нерушимой»»⁵.

Зачастую антипатриотизм являлся своеобразным «ответом» оппозиционно настроенных слоев российского общества XIX столетия на существующий идеологический «патриотический» официоз. При этом понятия «угнетающее самодержавное государство» и «Родина» нередко отождествлялись. Такая негативная оценка России, ее национальной истории представителями дворянской и «разночинной» интеллигенции берет свое начало в знаменитом первом «Философическом письме» П. Я. Чаадаева (1829 г.), в котором он, по его же словам, оказался «желчным в отзывах о родине», утверждая, что русские «миру ничего не дали, ничего у мира не взяли»⁶. «Как сладостно отчизну ненавидеть!! / И жадно ждать ее уничтоженья», – восклицал философ-эмигрант эпохи Николая I В. С. Печерин⁷. Спустя полвека ему вторил русский поэт В. Я. Брюсов, разделявший леворадикальные взгляды своего времени: «Родину я ненавижу, – / я люблю идеал человека»⁸. Поэт-народник П. Ф. Якубович в стихотворении «К Родине», написанном на каторге, отвергал саму идею любви к своей отчизне, обрекающей ее сынов на страдания: «За что любить тебя? Какая ты нам мать, / Когда и мачеха бесчеловечно-злая / Не станет пасынка так беспощадно гнать, / Как ты детей своих казнишь, не уставая?»⁹.

Подобное отношение к своей стране формировалось не без влияния западной культуры и идеологии. В представлении русских «западников» («правых» и «левых») Европа являлась оплотом передовой современной цивилизации и родиной наиболее прогрессивных социальных и политических учений. В разработке собственных идеологических концепций русские революционеры опирались на труды своих западных учителей. Это касалось и национального вопроса. Понятие «национальность», наполняющее патриотическую идею реальным культурно-этническим содержанием, также виделось отдельным представителям революционной интеллигенции препятствием на пути осуществления мечты о «всемирном социалистическом братстве». Так, М. В. Буташевич-Петрашевский, следуя учению западноевро-

⁵ Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1954–1966. Т. 7. С. 201.

⁶ Чаадаев П. Я. Поли. собр. соч.: В 2 т. М., 1991. Т. 1. С. 330, 338.

⁷ Цит. по: О России и русской философской культуре. М., 1990. С. 75.

⁸ Брюсов В. Я. Собр. соч.: В 7 т. М., 1973–1975. Т. 1. С. 100.

⁹ Цит. по: «О русская земля!» Сб. М., 1971. С. 221.

пейских социалистов-утопистов, считал, что «социализм есть доктрина космополитическая, стоящая выше национальностей: для социалиста различие народов исчезает, есть только люди»¹⁰.

Показательно, что в трудах ряда ведущих революционных мыслителей 1820–50-х гг. официально патриотизму противопоставлялась идея подлинного «народного» патриотизма. Русский народ (прежде всего крестьянство) рассматривался ими как один из наиболее бесправных и угнетаемых в Империи и поэтому провозглашался потенциальной движущей силой в национально-освободительной борьбе и в будущих великих социальных преобразованиях. Подобные взгляды отчетливо просматриваются в программных документах и художественных произведениях декабристов, публицистике и письмах В. Г. Белинского, А. И. Герцена, статьях и поэзии Н. П. Огарева.

Для декабристов было характерно признание русских главенствующей нацией России. Основными факторами, способствовавшими формированию национального патриотизма как одной из главных составляющих идеологии декабризма, являлись: влияние идей европейских просветителей второй половины XVIII века и Великой французской революции, противопоставивших народный (буржуазный по своей сути) «национализм» прежнему пониманию патриотизма как выражения «дворянской преданности» своему монарху; осознание того, что русские являются наиболее угнетаемым народом Российской империи; осуждение «антинациональных» проявлений в политике Александра I (в частности, его намерения присоединить в 1817 г. к подвластной царской короне польской территории исконно русские земли); неприятие «иностранного засилья» (прежде всего, немецкого) в высших слоях царской бюрократии¹¹. Именно «немецкая централизация» в последние годы правления императора вызвала, по мнению поэта и революционера Н. П. Огарева, ответную реакцию в русских патриотических кругах: «Петербургская централизация была наследие немецкое; вызвав русские силы на свет, она осталась немецкою... Немецкая централизация в Петербурге проникнута духом татарщины и была уродливым соединением кнута с шпицрутенами, грабежа с канцелярией. Противодействующие ей силы выразились в том блестящем меньшинстве, из которого возникло 14 декабря; оно соединяло в себе чутье русского народного социализма с французско-либеральным понятием гражданского права, требовало освобождения крестьян и колебалось между республикой и конституционной монархией...»¹².

Особое влияние на формирование патриотических взглядов декабристов имели события Отечественной войны 1812 г., в которой многие из них приняли участие. Как отметит впоследствии М. И. Муравьев-Апостол, «именно 1812 год, а вовсе не заграничный поход создал последующее общественное движение, которое было в своей сущности не заимствованным, не европейским, а чисто русским»¹³. «Мы были дети 12 года», – скажут о себе позднее первые революционеры России¹⁴. Отечественная война 1812 г. оценивалась декабристами как событие, оказавшее решающее влияние на формирование национального самосознания русских. Декабрист И. Д. Якушкин писал: «Война 1812 г. пробудила народ русский к жизни и составляет важный период в его политическом существовании»¹⁵. По мнению декабриста А. Е. Розена, «народная война вызвала такую уверенность в народной силе и патриотической восторженности, о коих до того времени никакого понятия, никакого предчув-

¹⁰ Философские и общественно-политические произведения петрашевцев. М., 1953. С. 432.

¹¹ См.: Федоров В. А. Декабристы и их время. М., 1992. С. 56; Якушкин И. Д. Записки // Декабристы. Избранные сочинения: В 2 т. М., 1987. Т. 2. С. 388–389.

¹² Огарев Н. П. Избр. соч.: В 2 т. М., 1956. Т. 2. С. 446–447.

¹³ Цит. по: Афанасьев В. В. Рылеев. Жизнеописание. М., 1982. С. 300.

¹⁴ Мемуары декабристов. Южное общество. М., 1982. С. 178.

¹⁵ Записки декабриста И. Д. Якушкина. М., 1951. С. 7.

ствия не имели»¹⁶. Более сотни будущих представителей декабристского движения участвовали в Отечественной войне 1812 г., 65 человек сражались на поле Бородина¹⁷. Именно декабристы первыми указали на народный характер этой войны, явившейся, по их мнению, определяющим событием в формировании гражданственности и патриотизма в русском обществе. «Наполеон вторгся в Россию, тогда народ русский ощутил свою силу, тогда пробудилось во всех сердцах чувство независимости, сперва политической, а впоследствии народной. Вот начало свободомыслия России», – отметит позднее декабрист А. А. Бестужев¹⁸. Ярko проявившийся в годы войны патриотизм русских, стремление к национальной независимости могли бы стать, по мысли декабристов, прочной основой для будущих социальных преобразований. Свержение самодержавной власти, ликвидация крепостнических порядков, социальное освобождение народа рассматривались участниками движения 14 декабря как задачи, от решения которых зависела историческая судьба Российского государства. Тем болезненнее была реакция многих декабристов на бесправное положение народа-победителя. Н. И. Тургенев писал: «Можно ли будет без сердечной горести видеть то, что я всего более люблю и уважаю, русский народ, в рабстве и унижении?»¹⁹.

Декабристы стремились создать собственную патриотическую идеологию, которая служила бы теоретическим обоснованием революционного движения и социальных преобразований в новой России. Как справедливо отмечал историк В. А. Федоров, патриотизм декабристов «коренным образом отличался от официального». По мнению ученого, декабристы «главную свою задачу видели в борьбе с феодально-абсолютистскими порядками и считали, что прогресс нации может быть обеспечен лишь коренными политическими преобразованиями... Борьба за эти преобразования рассматривалась ими в первую очередь как глубоко патриотическая задача «спасения» России»²⁰. Показательно, что первая декабристская организация называлась Союз спасения или Союз истинных и верных сынов Отечества. Одной из главных задач этого тайного общества было «отстранение иноземцев от влияния в государстве»²¹. Патриотическая идея стала одной из основополагающих компонент в идеологии декабризма. Это находило свое выражение даже в личных документах членов Тайного общества. Так, декабрист М. Ф. Орлов в письме С. Г. Волконской подчеркивал: «Прежде всего, каждый русский должен быть русским во всем. Во всем должна господствовать идея родины. Именно ей он должен посвятить свои усилия, свои успехи, свои надежды»²². К. Ф. Рылеев полагал, что для приема нового члена в Северное общество необходимым условием являлась бы «пламенная любовь к России» и готовность пойти «для благ ее... на всякое самоотвержение»²³. Примечательно, что в современной российской историографии обозначилось направление, выделяющее «государственнический» и даже «националистический» характер идеологии декабристов. Так, историк С. М. Сергеев отмечает: «Декабристы, подобно своим отцам, отнюдь не чувствовали себя «лишними людьми», «государственными отщепенцами»... Будущие члены Тайного общества... были готовы пойти на прямое неповиновение верховной власти во имя интересов государства, истинными выразителями которых они себя ощущали. Служение Отечеству перестало быть для них синонимом служению монарху,

¹⁶ Розен А. Е. Записки декабриста. Иркутск, 1984. С. 56.

¹⁷ Федоров В. А. Декабристы и их время. С. 40.

¹⁸ К истории суда над декабристами // Советские архивы. 1963. № 1. С. 35.

¹⁹ Декабрист Н. И. Тургенев: Письма к брату С. И. Тургеневу. М.-Л., 1936. С. 198.

²⁰ Федоров В. А. Декабристы и их время. С. 42.

²¹ Восстание декабристов. Материалы. Документы. М., Л., 1925-1986. Т. 3. С. 49.

²² Цит. по: Ланда С. С. Дух революционных преобразований. М., 1975. С. 179.

²³ Цит. по: Бокова В. М. Эпоха тайных обществ. М., 2003. С. 462.

их патриотизм – уже не династический, а националистический, патриотизм *граждан*, а не *верноподданных*»²⁴.

Постреволюционная Россия виделась многим декабристам как государство русского народа. Так, в программном документе Южного общества «Русская правда» (1823 г.), составленном П. И. Пестелем, даже предлагались меры по ассимиляции всех малых народов новой революционной республики с русским народом. Руководитель Южного общества утверждал, что «в отношении к различным народам и племенам, Россию населяющим, беспрестанно должно неперменную цель иметь в виду, чтобы составить из них всех только один народ и все различные оттенки в одну общую массу слить так, чтобы обитатели целого пространства Российского Государства все были Русские»²⁵. Далее П. И. Пестелем указываются «многообразные способы» к достижению поставленной цели «русификации» народов страны: «Средства общие состоят главнейшее в том, чтобы, во-первых, на целом пространстве Российского государства господствовал один только язык Российский (имеется в виду русский язык – *А. К.*). Во-вторых: так как ныне существующее различие в названиях народов и племен, Россию наполняющих, всегда составлять будет из жителей Российского Государства отдельные друг от друга массы и никогда не допустит столь для блага отечества необходимого совершенного в России единства, то чтобы все или различные имена были уничтожены и везде во всеобщее название Русских воедино слиты»²⁶. Показательно, что русской ассимиляции по данному проекту подлежали и «народы кавказские» (народы Северного Кавказа – *А. К.*). Данные народы подразделялись на два разряда: «мирные» (находившиеся под властью России) и «буйные» (сопротивляющиеся русской экспансии). Если первой группе возможно было «дать российское правление и устройство», то вторую, по мнению Пестеля, следовало «силою переселить во внутренность России», сломив их сопротивление и также предоставив ей права российского гражданства²⁷.

Эти жесткие меры, предлагаемые автором «Русской правды», не являлись свидетельством его ксенофобии. Как отмечает историк О. И. Киянская, Пестель считал, что «любое национальное своеобразие: культурное, религиозное или политическое – уничтожало принцип равных возможностей. И поэтому народам предоставлялся выбор: либо слиться с русскими, приняв их образ жизни и формы правления, либо испытать на себе много неприятностей – вплоть до выселения из страны»²⁸. В современной российской историографии приводится и другое истолкование «русификаторского» проекта, предлагаемого П. И. Пестелем. По мнению историка Н. Д. Денисовой, подобные взгляды являлись реакцией декабристов на дискриминационную политику, проводимую правительственными кругами Империи в отношении русского народа. Автор монографии, посвященной национально-правовым аспектам «Русской правды», отмечает: «Российское правительство начала 19 века... старалось по возможности облегчить участь нерусских народов, особенно тех, которые были недавно присоединены. Подобное стремление можно было бы только приветствовать, если бы в результате несоразмерная тяжесть государственных расходов, военных и трудовых повинностей не ложилась преимущественно на русский народ... Таким образом, на практике существовала явная диспропорция соотношения прав и обязанностей русского народа и других народов России – не в пользу первого (что представляло собой грубое и недопустимое нарушение принципов, на которых, как считал Пестель, должно быть основано госу-

²⁴ Сергеев С. М. Восстановление свободы. Демократический национализм декабристов // Вопросы национализма. 2010. № 2. С. 79–80.

²⁵ Восстание декабристов. Т. 7. С. 121.

²⁶ Восстание декабристов. Т. 7. С. 121.

²⁷ Там же. С. 144–145.

²⁸ Киянская О. И. Павел Пестель: офицер, разведчик, заговорщик. М., 2002. С. 225.

дарственное устройство). Принадлежность к русской нации не давала никаких особых преимуществ ни народу, ни знати... Ставя задачу создания единой нации, которая в конкретных условиях данной страны могла означать лишь русификацию, Пестель обязан был учесть это обстоятельство»²⁹. Конечной целью будущего государственного и национального переустройства для Пестеля являлось «построение единой и неделимой России», в которой все племена и народы сольются в единый русский народ³⁰.

Подобный путь решения национального вопроса в «Русской правде» П. И. Пестеля служил в советской историографии декабризма объектом жесткой научной критики. Так, историк Н. С. Прозорова писала о пренебрежительном отношении Пестеля к национальной культуре и национальным языкам народов России³¹, историк Р. Х. Яхин подчеркивал «дворянскую ограниченность» автора «Русской правды»³². Ведущий декабриствед, академик М. В. Нечкина утверждала, что политическая идеология Пестеля, «его взгляды на национальный вопрос носили на себе печать великодержавности»³³. Б. Карташев и В. Муравьев даже заявили, что «национальный вопрос Пестелем разрешался шовинистически»³⁴. Однако, как справедливо отмечает историк Н. Д. Денисова, «у Пестеля же, наоборот, предусмотрено слияние всех народов России в единый русский народ, так что о ненависти и речи быть не может»³⁵.

Являясь убежденным сторонником централизованного унитарного государства, П. И. Пестель категорически отвергал принцип федерализма: «Легко убедиться можно в решительном преимуществе неразделимого образования государства над федеративным, особенно применяя оное к России при обширном ее пространстве и большом количестве племен и народов, ее населяющих»³⁶. Федеративная форма устройства республики, по мнению автора документа, могла бы стать помехой и для идеологии государственного патриотизма, необходимой для объединения всех граждан страны: «Слово государство при таком образовании будет слово пустое, ибо никто нигде не будет видеть государства, но всякий везде только свою частную область; и потому любовь к отечеству будет ограничиваться любовью к одной своей области»³⁷. Кроме того, исторический пример «удельной системы» в Древней Руси (эту систему Пестель называл «видом федеративного устройства») показывал, что страна «горькими опытами и долголетними бедствиями жестоко заплатила за сию ошибку в прежнем ее государственном образовании»³⁸. Несмотря на то, что в другой программе декабристов – «Конституции» Н. Муравьева (1825 г.) первоначально провозглашалась федеративная форма будущего государственного устройства, как необходимое средство противодействия чрезмерному усилению центральной власти, в окончательном (третьем) варианте документа принцип федерализма фактически отвергался. Предполагаемые автономные державы превращались в «области, равные нынешним генерал-губернаторствам», а их столицы – в обычные административные центры, подчиненные верховной государственной власти³⁹. Таким образом, к моменту своего выступления декабристские организации скло-

²⁹ Денисова Н. Д. Национальный вопрос в конституционном проекте П. И. Пестеля «Русская правда». М., 2004. С. 106–107.

³⁰ Там же. С. 107.

³¹ Прозорова Н. С. Политические взгляды П. И. Пестеля // Автореф. дисс... канд. юрид. наук. М., 1952. С. 14.

³² Яхин Р. Х. Государственно-правовые взгляды П. И. Пестеля // Автореф. дисс. канд. юрид. наук. М., 1952. С. 14.

³³ Нечкина М. В. Движение декабристов: В 2 т. М., 1955, Т. 2. С. 83.

³⁴ Карташев Б., Муравьев В. Пестель. М., 1958. С. 266.

³⁵ Денисова Н. Д. Национальный вопрос. С. 109.

³⁶ Там же. С. 126.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же. С. 127.

³⁹ См.: Дружинин Н. М. Революционное движение в России в XIX в. М., 1985. С. 296.

нялись к учреждению унитарной формы государственного устройства после прихода к власти. В «Конституции», также как и в «Русской правде» население страны провозглашалось русским: «Русскими почитаются все коренные жители России и дети иностранцев, родившиеся в России»⁴⁰. Тот же принцип распространялся и на построение социальной структуры будущего государства: «Названия и сословия однодворцев, мещан, дворян, именитых граждан заменяются все названием Гражданина или Русского»⁴¹. Каждый гражданин был «обязан носить общественные повинности, повиноваться законам и властям отечества и явиться на защиту Родины, когда востребует того Закон»⁴².

Следование идеям русского патриотизма нашло свое отражение и в литературном творчестве декабристов. Участники тайных революционных обществ, многие из которых были талантливыми литераторами, обращались в своих произведениях к героическому прошлому русского народа, черпая в нем реальные исторические факты, которые способствовали бы пропаганде в обществе идей свободолюбия, национальной независимости, любви к своей Отчизне. Эти мотивы отчетливо проявились в «Думах» К. Ф. Рылеева («Димитрий Донской», «Иван Сусанин», «Волынский»), стихотворениях П. А. Катенина («Мстислав Мстиславич»), А. А. Бестужева («Михаил Тверской») и др. Глубоко патриотическими по своей идейной направленности явились «Письма русского офицера» декабриста Ф. Н. Глинки, повествующие о подвиге русского народа в Отечественной Войне 1812 года. В своих пропагандистских сочинениях, написанных для простонародья, декабристы поднимали тему «иноземного засилья» в царской бюрократии эпохи Александра I и в русском обществе тех лет, тем самым оценивая существующий политический порядок как антинациональный (например, в агитационной песне «Царь наш – немец русский» К. Ф. Рылеева и А. А. Бестужева)⁴³.

Уже после подавления восстания 14 декабря 1825 г. участники движения на допросах открыто декларировали свою приверженность патриотической идее, как моральной основе своей политической деятельности. Так, в показаниях следственной комиссии поэт и декабрист В. К. Кюхельбекер отмечал: «Взирая на блистательные качества, которыми бог одарил народ Русский, народ первый в свете по славе и могуществу своему, по своему звучному, богатому, мощному языку, коему в Европе нет подобного, наконец по радушию, мягкосердию, остроумию и непамятозлобию, ему пред всеми свойственному, я душой скорбел, что все это подавляется, все это вянет и, быть может, опадет, не принеся никакого плода в нравственном мире!»⁴⁴. Член общества Соединенных славян Я. М. Андреевич заявил следователям: «Желая блага своему отечеству, видя его угнетаемо несправедливостями... решился отыскать причину злополучия моих соотечественников и, найдя, истребить оную, хотя бы самому стоило жизни»⁴⁵. В своем письме к родителям, написанном незадолго до казни, П. И. Пестель сделал следующее признание, излагающее мотивы его политической деятельности: «Настоящая моя история заключается в двух словах: я страстно любил мое Отечество, я желал ему счастья»⁴⁶. Декабрист А. А. Бестужев в письме Николаю I утверждал, что члены тайного общества решились на переворот, основываясь «вообще на правах народных и в особенности на затерянных русских»⁴⁷. Об униженном положении рус-

⁴⁰ Проект Конституции Н. Муравьева // Декабристы. Избранные сочинения.: В 2 т. Т. 1. С. 86.

⁴¹ Там же. С. 88.

⁴² Там же.

⁴³ К. Ф. Рылеев и А. А. Бестужев // Декабристы. Избранные сочинения.: В 2 т. Т. 1. С. 238–239.

⁴⁴ Восстание декабристов. Т. 2. С. 166.

⁴⁵ Там же. Т. 5. С. 388.

⁴⁶ Бумаги И. Б. Пестеля // Русский Архив. 1975. Т. 4. С. 421.

⁴⁷ Цит. по: Афанасьев В. В. Рылеев. Жизнеописание. С. 300.

ских и искусственно создаваемых препятствиях, не позволяющих представителям коренной национальности занимать значимые государственные посты, писал молодому императору П. Г. Каховский: «Мне мало известны способности государственных людей, но как ревностному сыну отечества простительно надеяться, что у нас, конечно, нашлись бы русские заместить места государственные, которыми теперь обладают иностранцы. Очень натурально, что такое преобладание обижает честолюбие русских и народ теряет к Правительству доверенность»⁴⁸.

Идеологи народничества А. И. Герцен и Н. П. Огарев, позиционировавшие себя правопреемниками декабризма, также считали русское население Российской империи ведущей силой революционных преобразований. Историческая роль, которую суждено будет сыграть русскому народу, представлялась теоретикам общинного «крестьянского социализма» как проявление своеобразного «революционного мессианизма»⁴⁹. Так, в статье 1849 г. «La Russie» («Россия») А. И. Герцен утверждал: «Россия приходит к жизни как народ... гордый своей силой, в эпоху, когда другие народы чувствуют себя усталыми и на закате... Множество народов сошло с исторической сцены, не изведав всей полноты жизни, но у них не было таких колоссальных притязаний на будущее, как у России»⁵⁰. Герцен предрекал великое будущее России, русскому народу, как «молодой» европейской нации, которую еще не затронуло разложение буржуазного «мещанского» Запада, и которой суждено сказать свое «новое слово» в социалистическом преобразовании мира: «Национальный элемент, привносимый Россией, – это свежесть молодости и природное тяготение к социалистическим установлениям»⁵¹. «Просвещенная Европа», по мысли бывшего представителя радикального западничества, после подавления революций 1848 г. исчерпала свой политический и идеологический потенциал: «Роль теперешней Европы кончена; после 1848 года она разлагается с невероятной быстротой»⁵². Как справедливо отмечал биограф Герцена В. А. Прокофьев, «убежденный в том, что умирающая Европа завещала грядущему миру социализм, Герцен отвернулся от полутрупа, он ищет, откуда придет этот грядущий мир. Именно духовная драма, пережитая Герценом на Западе, заставила его повернуться к нему спиной, обратить все свои взоры, возложить все надежды на мир славянский, на Россию»⁵³.

Осуждая «допетровский» и «петербургский» деспотизм (при общей положительной оценке преобразований Петра I), А. И. Герцен обозначал последний не только как антинародный по своей сути, но, прежде всего, как антирусский, антиславянский. Характеризуя высший бюрократический слой эпохи Николая I в работе «О развитии революционных идей в России» (1851 г.), ее автор отмечал: «Русское правительство – не русское, но вообще деспотическое и ретроградное. Как говорят славянофилы, оно скорее немецкое, чем русское, – это-то и объясняет расположение и любовь к нему других государств. Петербург – это новый Рим, Рим мирового рабства, столица абсолютизма; вот почему русский император братается с австрийским и помогает ему угнетать славян. Принцип его власти не национален, абсолютизм более космополитичен, чем революция»⁵⁴. Романовская монархия «рода Голь-

⁴⁸ Цит. по: Из писем и показаний декабристов. СПб., 1906. С. 20–21.

⁴⁹ Примечательно, что именно в этом, полвека спустя, обвиняли А. И. Герцена социал-демократические публицисты. Так, Л. Д. Троцкий в своей статье, посвященной 100-летию со дня рождения великого писателя и революционера (1912 г.), критикуя Герцена за утопические народнические взгляды, назвал его «социальным русофилом» и «провозвестником русского мессианизма» (См.: Троцкий Л. Д. Герцен и Запад (К столетию со дня рождения) // Троцкий Л. Д. Политические силуэты. М., 1990. С. 203).

⁵⁰ Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1954–1965. Т. 6. С. 220–221.

⁵¹ Там же. Т. 7. С. 255.

⁵² Там же. Т. 12. С. 167.

⁵³ Прокофьев В. А. Герцен. М., 1987. С. 268–269.

⁵⁴ Герцен А. И. Собр. соч. Т. 7. С. 255.

штейн-Готторпов», состоящая в союзе с Австро-Венгрией и Пруссией, покровительствуя «немецким своякам и дядям», являлась, по мнению Герцена, главным препятствием к общеславянскому единству. Это единство может быть достигнуто только в результате социальной революции, когда «сгруппировавшись в союз свободных и самобытных народов, славянский мир вступит, наконец, в истинно историческое существование»⁵⁵. Следуя идее революционного панславизма, Герцен задается вопросом: «Не имеем ли мы право считать Россию зерном кристаллизации, тем центром, к которому тяготеет стремящийся к единству славянский мир, и это тем более, что Россия покуда единственная часть великого племени, сложившаяся в сильное и независимое государство?»⁵⁶. Единая славянская республика – ««союз свободных и самобытных народов» должна будет организована на основе «федерализации», поскольку «централизация» противна славянскому духу»⁵⁷. Однако, именно царизм являлся главным препятствием для естественного исторического тяготения славянских народов к объединению, центром которого могла бы стать Россия. Как подчеркивал А. И. Герцен, «свободная федерация» славян невозможна при самодержавии, поскольку Николай I своей политикой предаёт интересы братских славянских народов, «предоставляет помощь и золото палачам славян... Он боится всякого движения, всякой жизни; он боится национального сознания, он боится пропаганды»⁵⁸.

Другой теоретик революционного народничества М. А. Бакунин, также являвшийся сторонником идеи панславизма и осуждавший германские абсолютистские режимы (к которым он причислял и русский царизм), в отличие от А. И. Герцена, не рассматривал Россию как возможный центр объединения для создания будущей славянской федерации. В своей статье «Основы новой славянской политики» (1849 г.) он утверждал, что политика освобожденного от иноземного порабощения славянства станет не политикой государств, а политикой «независимых свободных людей», которые «основывают свое новое могущество на неразрывном и братском союзе всех народов, составляющих славянское племя, и не будут искать никакой другой централизации, кроме той, которая вытекает из соединения всех славян»⁵⁹. В статьях Бакунина конца 1840-х – начала 1850-х гг. все отчетливее стали проявляться элементы революционного анархизма, отрицалась идея государственности, объединение славянских народов сводилось к созданию абстрактной свободной федерации с общим гражданством. В противоположность этой точке зрения, А. И. Герцен в «Письме русского к Маццини» (1849 г.) подчеркивал ведущую роль России, как «сильного и независимого государства» в сплочении славянских народов после революции. «Россия – это организованный славянский мир, это славянское государство. Именно ей должна принадлежать гегемония» – писал он⁶⁰. Примечательно, что тремя годами ранее, указывая на «искус-

⁵⁵ Там же. С. 315.

⁵⁶ Там же. С. 316.

⁵⁷ Там же. С. 315.

⁵⁸ Там же. Т. 6. С. 235.

⁵⁹ Цит. по: Бутаков Я. А. М. А. Бакунин // Общественная мысль России XVIII – начала XX века: Энциклопедия. М., 2005. С. 36–37.

⁶⁰ Герцен А. И. Собр. соч. Т. 6. С. 235 (курсив – в оригинале). Столицей будущей общеславянской федерации А. И. Герцен, тем не менее, предполагал не Москву или какой-либо другой российский город, а Константинополь, находящийся на стыке славянской и восточной цивилизаций. В письме к английскому поэту и издателю В. Линтону («Старый мир и Россия», 1854 г.) Герцен писал об этом следующее: «Время славянского мира настало... Где водрузит он свое знамя? К какому центру он тяготеет?... Ни Вена, город рококо-немецкий, ни Петербург, город новонемецкий, ни Варшава, город католический, ни Москва, город только русский, – не могут претендовать на роль столицы объединенных славян. Этой столицей может стать Константинополь – Рим восточной церкви, центр притяжения всех славяно-греков, город, окруженный славяно-эллинским населением» (Там же. Т. 12. С. 199). Парадоксальным образом суждение Герцена совпало со взглядами его давнего оппонента – консервативного мыслителя, историка и идеолога панславизма М. П. Погодина, также считавшего Константинополь возможной столицей будущего единого славянского государства (т. н. «Дунайского союза»), но организованного на совершенно иных социально-политических началах, под эгидой русского православного царя (См.: Багдаса-

ственный» характер и «безнациональность» Австрийской империи, друг Герцена, литературный критик В. Г. Белинский также писал о той роли, которая предначертана историей России – единственному независимому славянскому государству: «Мы скажем, что решительно не верим в возможность крепкого политического и государственного существования народов, лишенных национальности, следовательно, живущих чисто внешнею жизнью. В Европе есть одно такое искусственное государство, склеенное из многих национальностей; но кому же не известно, что его крепость и сила – до поры и времени? Нам, русским, нечего сомневаться в нашем политическом и государственном значении: из всех славянских племен только мы сложились в крепкое и могучее государство... В народе, чуждом внутреннего развития, не может быть этой крепости, этой силы. Да, в нас есть национальная жизнь, мы призваны сказать миру свое слово, свою мысль»⁶¹.

В годы Крымской войны, несмотря на враждебные выпады в свой адрес английской, французской и немецкой печати, революционер-эмигрант А. И. Герцен постоянно подчеркивал, что остается патриотом своей Родины, верящим в великое будущее русского народа, призванного сплотить славянство в революционной борьбе. Так, в своей речи «Народный сход в память Февральской революции», произнесенной в Лондоне в феврале 1855 г., Герцен, в ответ на выдвинутые против него «буржграфами революции» обвинения в панславизме и приверженности к России и «русскости», заявил: «Мне стали ставить в укор любовь мою к славянам, мою веру в величие их будущности, наконец, самую мою деятельность... Доселе никогда еще не требовали ни от одного выходца или изгнанника, чтобы он ненавидел свое племя, свой народ... Если б я ненавидел русский народ, если б я не верил в него, меня бы не было здесь»⁶². По свидетельствам современников, речь Герцена, посвященная революционному движению в России, произвела огромное впечатление на западную аудиторию⁶³. Внимательно следивший за драматическими событиями Крымской кампании «лондонский изгнанник» с восхищением писал о подлинном героизме русских солдат, противопоставляя его политическому режиму Николая I с его псевдопатриотической риторикой: «Год, который был так беспощаден для царя (1855 г. – *А. К.*), показал нам снова неисчерпаемую, здоровую мощь русского народа. Как все это странно и полно глубокого значения! Русь оживала в то время, как он отходил, и отходил от того, что *не имел веры в свой народ*»⁶⁴. Он знал Альму и Евпаторию⁶⁵, но крымской Сарагосы⁶⁶, но богатырской защиты Севастополя не предвидел... Воздух 1612 и 1812 годов повеял в России при вести о неприятельском нашествии, и ни один человек не поверил турецко-крестовому походу за «просвещение и свободу»⁶⁷. Как полагал А. И. Герцен, события войны послужат существенной политической активизации российского общества⁶⁸.

Стремление к объединению всех оппозиционно настроенных к николаевской «немецкой» монархии русских патриотов привело А. И. Герцена к мысли о возможном союзе сторонников «крестьянского социализма» со славянофилами. Призывая своих недавних оппо-

рян В. Э. Панславизм // Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века: Энциклопедия. М., 2010. С. 342).

⁶¹ Белинский В. Г. Собр. соч.: В 9 т. М., 1976–1982. Т. 8. С. 195.

⁶² Герцен А. И. Собр. соч. Т. 12. С. 254.

⁶³ Там же. С. 533–534.

⁶⁴ Курсив в оригинале.

⁶⁵ Речь идет о сражении с силами англо-французского экспедиционного корпуса при реке Альме в Крыму (сентябрь 1854 г.), в котором русская армия потерпела поражение, а также ее неудачное наступление на Евпаторию (февраль 1855 г.).

⁶⁶ Севастополь А. И. Герцен уподобил испанскому городу Сарагосе, героически оборонявшемуся в 1808–1809 гг. от наполеоновских войск.

⁶⁷ Лозунгом борьбы за «просвещение и свободу» французский император Наполеон III стремился обосновать свою интервенцию против России.

⁶⁸ Герцен А. И. Собр. соч. Т. 12. С. 308.

нентов оставить «ставшую отныне ребяческую борьбу, соединиться во имя России, а также во имя независимости», Герцен обозначает ту идеологическую основу, на которой, по его мнению, мог бы состояться политический союз: «А социализм, который так решительно, так глубоко разделяет Европу на два враждебных лагеря, – разве не признан он славянофилами так же, как нами? Это мост, на котором мы можем подать друг другу руку»⁶⁹. Несмотря на явный утопизм этого предложения следует отметить, что надежды Герцена привлечь на сторону русских социалистов бывших «друзей-врагов» из славянофильского лагеря имели под собой определенную основу. Славянофилы, так же как и их недавние оппоненты – революционные западники 1840-х гг., перешедшие в последние годы николаевского царствования на позиции русского патриотизма и панславизма (А. И. Герцен, Н. П. Огарев, М. А. Бакунин) – выступали за самобытный путь развития России и русского народа, являлись сторонниками крестьянского общинного устройства как основы хозяйственной и социальной жизни деревни, обличали крепостнические порядки и «душевредный деспотизм» петербургской власти. Политический режим имперской России оценивался славянофилами как антинациональный по своей сути. И. С. Аксаков писал: «Детищам петербургского периода нашей истории ненавистнее всего... не революционеры, но люди, стоящие за русскую народность»⁷⁰. Ему же принадлежат слова, характеризующие положение русского народа в Империи: «Народ и не подозревает, что он служит только орудием для исполнения замыслов, направленных против существенных интересов русской земли и русской народности, он и не подозревает, что он, в сущности, презираем. Его разумению недоступны те хитросплетенные узы, которыми опутывается его свобода, его жизнь, весь духовный мир России»⁷¹. Другой теоретик славянофильства, И. В. Киреевский указывал, что в имперской России «мнению русскому, живительному, необходимому для правильного здорового развития всего русского просвещения, не только негде было высказаться, но даже негде было образоваться»⁷². Так, в связи с усилением репрессивной политики властей в последние годы царствования Николая I (т. н. период «мрачного семилетия»), в марте 1849 г. был арестован деятель славянофильства Ю. Ф. Самарин. Как отмечает историк А. Левандовский, «Поводом к аресту послужили рукописные «Рижские письма», в которых Самарин весьма резко критиковал антинациональные, с его точки зрения, действия русской администрации в Остзейском крае». Вскоре после этого был арестован другой представитель славянофильского лагеря – И. С. Аксаков, «посмевавшийся» в своей частной переписке выразить возмущение произволом властей по отношению к его другу и соратнику. Той же весной у его брата Константина и отца Сергея Тимофеевича произошло неприятное столкновение с московской полицией, вынудившей их «в соответствии с высочайшим указом» сбрить бороды и отказаться от ношения русской одежды»⁷³.

При всей схожести оценок положения русских в Российской империи, приверженности идее социального освобождения народа, неприятию «немецкого» петербургского деспотизма, стремлении видеть в крестьянской общине основу для будущей организации национальной и хозяйственной жизни государства, предполагаемый А. И. Герценом союз между его сторонниками и представителями «московского» славянофильского кружка не мог состояться в принципе. Герцен и его единомышленники выступали за революционное преобразование России на основах «крестьянского социализма», в то время как славянофилы являлись сторонниками постепенного решения крестьянского вопроса путем «реформ

⁶⁹ Там же. Т. 7. С. 248.

⁷⁰ Цит. по: Цимбаев Н. И. И. С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. М., 1978. С. 248.

⁷¹ Там же. С. 214.

⁷² Цит. по: Цимбаев Н. И. Славянофильство. М., 1986. С. 259.

⁷³ См.: Левандовский А. А. Время Грановского. М., 1990. С. 257.

сверху». Преклонение перед личностью «коронованного революционера» Петра I⁷⁴ (при всем сугубо отрицательном отношении к построенной им «немецкой» империи), пропаганда современных западных просветительских идей, призывы к объединению с революционными силами Европы в борьбе за установление республиканской формы правления на территории бывших монархий, наконец, атеистическое мировоззрение Герцена – все это не могло способствовать объединению сторонников воссоздания «допетровской» православной Руси с идеологами «русского социализма». Вместе с тем следует отметить, что представители славянофильства приняли деятельное участие в общественном движении 2-й половины 1850-х – начала 1860-х гг., используя для пропаганды своих идей возможности «Вольной русской типографии». Так, И. С. Аксаков в 1858–1863 гг. тайно посылал корреспонденции для лондонских изданий А. И. Герцена⁷⁵. Во второй половине 1850-х гг. своеобразным «информатором» и негласным сотрудником герценовских изданий являлся один из ведущих идеологов славянофильства Ю. Ф. Самарин⁷⁶.

Отдавая должное деятельности славянофилов 1840–50-х гг., являвшейся самобытным проявлением формирующегося общественного и национального сознания в годы николаевского царствования, А. И. Герцен впоследствии отметит: «С них начинается *перелом русской мысли*. И когда мы это говорим, кажется, нас нельзя заподозрить в пристрастии. Да, мы были противниками их, но очень странными. У нас была *одна* любовь, но *неодинакая*. У них и у нас запало с ранних лет одно сильное, безотчетное, физиологическое, страстное чувство, которое они принимали за воспоминание, а мы – за пророчество: чувство безграничной, обхватывающей все существование любви к русскому народу, русскому быту, к русскому складу ума. И мы, как Янус или как двуглавый орел, смотрели в разные стороны, в то время как *сердце билось одно*»⁷⁷. Один из ведущих теоретиков революционно-демократического направления 1850-х – начала 60-х гг. Н. Г. Чернышевский, не являвшийся сторонником общественно-политической концепции, которой придерживались славянофилы, вместе с тем указывал, что их идеи – своеобразное и новое выражение патриотической и социальной мысли, отличающееся от традиционных западных учений, оправдывающих власть капитала. В статье «Заметки о журналах (1857 г.) он писал: «Человек, любящий родину и принимающий выводы науки на Западе, должен, однако же, сказать, что столь общее отрицание всякой справедливости в славянофильстве неосновательно. Если уж должно делать выбор, то лучше славянофильство, нежели та умственная дремота, то отрицание современных убеждений, которое часто прикрывается эгидою верности западной цивилизации, причем под западную цивилизацию понимаются чаще всего системы, уже отвергнутые западной наукой, и факты, наиболее прискорбные в западной действительности, например, порабощение труда капиталу, развитие искусственных потребностей, удовлетворяемых роскошью и т. д.»»⁷⁸.

В трудах ведущих теоретиков народничества 1860–70 гг. П. Н. Ткачева и П. Л. Лаврова социализм «утратит» свои специфические «русские» черты и будет рассматриваться как сугубо интернациональная идеология. Так, в своей статье «Революция и принцип национальности» (1878 г.) П. Н. Ткачёв подчеркивал: «Невозможно в одно и то же время быть социалистом и оставаться националистом; между принципом социализма и принципом национальности существует непримиримый антагонизм»⁷⁹. Другой революционер-народник П. Л.

⁷⁴ Герцен А. И. Собр. соч. Т. 7. С. 170.

⁷⁵ Воронин И. А. И. С. Аксаков // Общественная мысль России XVIII – начала XX века. С. 16.

⁷⁶ Прокофьев В. А. Герцен. С. 362.

⁷⁷ Герцен А. И. Собр. соч. Т. 9. С. 170.

⁷⁸ Цит. по: Ланищев А. П. Николай Гаврилович Чернышевский. М., 1989. С. 145, 147.

⁷⁹ Цит. по: Вдовин А. И. Российская нация: Национальнополитические проблемы XX века и общенациональная российская идея. М., 1996. С. 48.

Лавров утверждал, что национальность – «не более, как случайное пособие или случайная помеха деятельности социализма»⁸⁰. Теоретик «революционного панславизма» М. А. Бакунин с конца 1860-х гг. становится сторонником всемирного братства народов, предусматривающего преобразование «свободной федерации индивидуумов в коммуны, коммун в провинции, провинций в нации, наконец, этих последних в Соединенные Штаты сперва Европы, а затем всего мира» («Федерализм, социализм и антитеологизм», 1869 г.⁸¹).

Первая половина XIX столетия – время становления революционного движения в России. Основывающаяся на просветительских, а позднее и на социалистических западных учениях, идеология этого движения в условиях самодержавия получила свое патриотическое выражение – как национальное и демократическое.

Патриотическая идея приобрела качественно иное, противоположное официальному идеологическому курсу содержание, согласно которому главным ее «носителем» провозглашались не царствующая династия и ее политические институты, а сам народ. Русский патриотизм, ярко выраженный в идеологии декабристов, в произведениях В. Г. Белинского, А. И. Герцена, Н. П. Огарева, являлся не только признанием исторической роли русского народа, но и реакцией на его социальную и национальную дискриминацию в Российской империи. Русские, как наиболее угнетаемая самодержавной властью нация, должны были стать движущей силой будущего революционного переворота и главенствующим этносом нового государства (унитарной русской республики – по проекту П. И. Пестеля, или политическим центром общеславянской федерации, как полагал А. И. Герцен). Отвергая официальную версию истории России как идеологическое обоснование деспотической власти, декабристы, В. Г. Белинский, А. И. Герцен предрекали великую будущность русскому народу как главной силе грядущих революционных преобразований, опирающейся на традиции социальной и национально-освободительной борьбы. Следует также отметить, что эта концепция в корне отличалась от антипатриотических и нигилистических оценок оппозиционно настроенной к самодержавию интеллигенции, отвергавшей прошлое и ставящей под сомнение историческое будущее русского народа. В 1860 – 70-е гг. русская революционная идеология утратила свое патриотическое содержание.

К концу XIX столетия, под влиянием западноевропейского марксистского учения, в среде российской радикальной интеллигенции распространяется сугубо интернационалистская трактовка социализма, ведущей силой и созидателем которого провозглашался «международный пролетариат». Однако, в условиях многонациональной Российской империи, при наличии наиболее многочисленного «государствообразующего» народа, русский («великорусский») вопрос, а также непосредственно связанные с ним вопросы отношения к патриотической идее и государству, оказали самое существенное влияние на идеологию и тактику революционной борьбы.

⁸⁰ Там же. С. 47.

⁸¹ Бутаков Я. А. Бакунин. С. 38.

§ 2. Большевизм и русский вопрос в начале XX века

Большевики, позиционировавшие себя составной частью европейской социал-демократии («одним из отрядов всемирной армии пролетариата»⁸²), уделяли национальным проблемам своей страны особое внимание. В 9-м параграфе Программы партии, разработанной на II съезде РСДРП в 1903 г., в соответствии с известным положением марксистской теории, признавалось «право на самоопределение за всеми нациями, входящими в состав государства»⁸³. Однако практическое осуществление данного положения определялось необходимым условием: поддержка социал-демократией решения о государственном самоуправлении и отделении нации не должна была противоречить задачам «пролетарского интернационализма», т. е. классовой солидарности между рабочими разных национальностей в борьбе против существующего политического строя. Неоспоримым такое решение о самоопределении признавалось лишь в том случае, если оно вело к развитию революционной ситуации. Соответственно, поощрялся и национализм угнетаемого самодержавной властью конкретного народа. «В каждом буржуазном национализме угнетенной нации, — отмечал В. И. Ленин, — есть общедемократическое содержание против угнетения, и это-то содержание мы безусловно поддерживаем»⁸⁴. Вместе с тем, признавая прогрессивный характер борьбы «угнетенных наций» за своё социальное и национальное освобождение, вождь большевистского крыла РСДРП делал существенную оговорку: «Принцип национальности исторически неизбежен в буржуазном обществе, и, считаясь с этим обществом, марксист вполне признает историческую законность национальных движений. Но, чтобы это признание не превратилось в апологию национализма, надо, чтобы оно ограничивалось строжайше только тем, что есть прогрессивного в этих движениях, — чтобы это признание не вело к затемнению пролетарского сознания буржуазной идеологией»⁸⁵.

Принцип «национального самоопределения» никак не распространялся на саму большевистскую РСДРП, которая В. И. Лениным проецировалась как жестко централизованная организация всего российского пролетариата. Все попытки национального «дробления» партии ленинским руководством решительно отвергались. Этим и объяснялась острая критика большевиками позиции Бунда и ряда других социал-демократических партий, провозглашавших себя выразителями интересов прежде всего своего национального пролетариата и стремившихся занять более автономное по отношению к ленинской РСДРП положение. Сторонники этого направления в российской социал-демократии фактически придерживались концепции «национально-культурной автономии», разработанной представителями «австро-марксизма» О. Бауэром и К. Реннером. По данной теории наличие персональной автономии предполагало также и создание политической организации по национальному признаку. Для большевиков — сторонников единой централизованной партии такой подход был абсолютно неприемлем. Показательны в этом отношении строки молодого партийного пропагандиста И. В. Сталина из его работы «Национальный вопрос и социал-демократия» (1913 г.): «Мы знаем, к чему приводит межевание рабочих по национальностям.

Распадение единой рабочей партии, разбивка союзов по национальностям, обострение национальных трений, национальное штрейхбрехерство, полная деморализация в рядах социал-демократии, — таковы результаты организационного федерализма. История социал-демократии в Австрии и деятельность Бунда в России красноречиво свидетельствуют об

⁸² КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 8-е изд.: В 10 т. М., 1970-1972. Т. 1. С. 60.

⁸³ Там же. С. 63.

⁸⁴ Ленин В. И. Поли. собр. соч.: В 55 т. М., 1958-1970. Т. 25. С. 275.

⁸⁵ Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 24. С. 131.

этом. Единственное средство против этого – организация на началах интернациональности. Сплочение на местах рабочих всех национальностей России в единые и целостные коллективы, сплочение таких коллективов в единую партию – такова задача»⁸⁶.

Принцип партийного «централизма» в известной степени проецировался В. И. Лениным и на форму национально-территориальной организации будущего пролетарского государства, которое рассматривалось как единая демократическая республика: «Марксисты ни в коем случае не будут проповедовать ни федеративного принципа, ни децентрализации»⁸⁷. Это высказывание повторяло теоретическое положение классиков марксизма, также являвшихся сторонниками создания единого государства. Так, в 1891 г. Ф. Энгельс, рассматривая вопрос о форме будущего государства рабочих, отмечал: «Пролетариат может употреблять лишь форму единой и неделимой республики. Федеративная... уже становится помехой»⁸⁸. Таким образом, основоположники марксистского учения и их наиболее радикальные последователи в России – большевики выступали за создание унитарного государства, как необходимой формы политической и экономической организации общества в условиях совершившейся революции и возможного враждебного окружения⁸⁹. Как полагали идеологи коммунистического движения, после победы мировой революции разные типы союзных государств должны будут слиться в единую демократическую республику, а в перспективе – перейти от нее к безгосударственному общественному самоуправлению⁹⁰. В ходе этого процесса произойдет сближение наций, которые после естественного разрушения государственных перегородок, экономической и культурной ассимиляции сольются в единую наднациональную общность.

Декларируемое большевиками право наций на самоопределение было не только ярким лозунгом, способствующим привлечению многонациональных масс России к борьбе с самодержавием, но и могло в перспективе стать основой для будущего воссоединения народов в условиях социалистического государства. Главным препятствием этому, по мнению Ленина, являлся «великорусский национализм», как неотъемлемая компонента национальной политики и идеологии царского режима. В декабре 1913 г., в письме к одному из руководителей закавказских большевиков С. Г. Шаумяну Ленин подчеркивал: «Отделение вовсе не наш план. Отделение мы не проповедуем. В общем мы против отделения. Но мы стоим за право на отделение ввиду черносотенного великорусского национализма, который так испоганил дело национального сожительства, что иногда больше связи получается после свободного отделения!»⁹¹. Решение национального вопроса, – как указывал в том же письме лидер большевизма, – заключалось в создании национальных автономных образований в рамках созданного народного государства.

⁸⁶ Сталин И. В. Соч.: В 13 т. М., 1946–1951. Т. 2. С. 364.

⁸⁷ Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 24. С. 144.

⁸⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: В 50 т. М., 1955–1981. Т. 22. С. 238.

⁸⁹ Российский историк В. Т. Логинов в своем исследовании приводит эпизод, повествующий о встрече в Цюрихе в январе 1917 г. В. И. Ленина с бежавшими из германского плена солдатами царской армии: «Перед ним сидели двое солдат, прошедших фронт, побывавших в плену. Ленин внимательно, не перебивая, слушал их рассказы. Сначала о плене. О тех ужасах, которые творились в концлагерях. О той пропаганде, которую вели немцы. Тысячи военнопленных они сгруппировали по национальному признаку и всячески пытались разжечь антирусские, сепаратистские настроения. Для украинцев, например, пригласили галицийских лекторов из Львова. Но результат оказался ничтожным: из 27 тысяч украинцев, сидевших в лагере, лишь 2 тысячи высказались за «самостоятельность». Остальные, с величайшим удовлетворением отметил Ленин, «впадали в ярость при мысли об отделении от России... Факт знаменательный! Не верить нельзя... А восток, от «австрийского типа» развития судьба России избавит» (Логинов В. Т. Неизвестный Ленин. М., 2010. С. 38). Эти слова вождя большевистской партии, взятые из письма к Инессе Арманд (Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 49. С. 377), ярко характеризовали государственно-унитаристские взгляды Ленина накануне Февраля.

⁹⁰ Ленин В. И. Поли. собр. соч.: В 55 т. М., 1958–1970. Т. 24. С. 144.

⁹¹ Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 48. С. 235. См. также: Модели общественного переустройства России. XX век. М., 2004. С. 498–506.

Отношение большевиков к русскому населению Российской империи носило двойственный характер, определявшийся не только подчеркнутым интернационализмом их идеологии, но и тактикой революционной борьбы. Во многих теоретических документах и партийной публицистике «великороссы» обозначались как нация, «угнетающая» другие национальности самодержавной России, «окрещенной» большевиками, вслед за французским публицистом А. де Кюстином, «тюрьмой народов». В ленинских выступлениях встречается ничем не обоснованное даже с позиций «классового подхода» утверждение, что «великороссы» угнетают «большее число наций, чем какой-либо другой народ»⁹². Столь предвзятое отношение к самому многочисленному народу страны в известной степени провоцировалось «русификаторским» курсом правительства в национальных районах Империи, официальной пропагандой, крайним шовинизмом поддерживаемых властью «черносо-тенных» организаций. Хотя зачастую «великодержавная» политика властей проецировалась большевиками на все русское население. В. И. Ленин писал: «Возьмем позицию угнетающей нации. Может ли быть свободен народ, угнетающий другие народы? Нет. Интересы свободы великорусского населения требуют борьбы с таким угнетением. Долгая история, вековая история подавления движений угнетенных наций, систематическая пропаганда такого подавления со стороны «высших» классов создали громадные помехи делу свободы самого великорусского народа в его предрассудках»⁹³. Следует также отметить и традиционно негативное отношение левых социал-демократов к наиболее многочисленному социальному слою страны – русскому крестьянству, которое в большинстве своем рассматривалось как «мелкобуржуазное» и «реакционное» (что соответствовало классическому определению основоположников марксизма). Вместе с этим, в теоретических работах большевистских лидеров подчеркивалась роль русского рабочего класса как передового отряда всероссийского пролетариата, призванного «освободить все человечество от позора царской монархии»⁹⁴. Доля русских среди членов ленинской РСДРП, вступивших в партию до Февраля 1917 г., составляла 56,5 %, что также не могло не «корректировать» позиции ее руководства по «великорусскому вопросу»⁹⁵.

Все более активное массовое участие русского населения в революционной борьбе постепенно меняло отношение к нему со стороны интернационалистов-ленинцев. Так, в январе 1917 г. в докладе, посвященном годовщине событий первой русской революции, В. И. Ленин, в частности, отмечал: «Революция создала революционный народ, руководимый революционным пролетариатом». Благодаря ей «новый дух повеял во всей массе русского народа. Только теперь крепостная, пребывающая в медвежьей спячке, патриархальная благочестивая и покорная Россия совлекла с себя ветхого Адама, только теперь русский народ получил действительно демократическое, действительно революционное воспитание»⁹⁶. Однако «русский фактор» в представлении большевиков не имел самостоятельного значения и рассматривался как одна из составляющих общероссийского пролетарского движения. Любая попытка национальной «интерпретации» социализма воспринималась как покушение на основы марксистской теории и отступление на позиции буржуазного национализма. Как подчеркивал Ленин, «буржуазный национализм и пролетарский интернационализм – вот два непримиримо-враждебных лозунга»⁹⁷.

⁹² Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 31. С. 433.

⁹³ Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 25. С. 275.

⁹⁴ Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 26. С. 18.

⁹⁵ Поляков Ю. А., Киселёв И. Н. Численность и национальный состав населения в 1917 г. // Вопросы истории, 1980. № 6. С. 46.

⁹⁶ Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 30. С. 313.

⁹⁷ Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 24. С. 123.

Поддерживаемый правящими кругами и декларируемый крайне правыми партиями («Союзом русского народа» и др.) русский национализм, по мнению большевистских руководителей, являлся одним из главных препятствий на пути к социальному освобождению многонациональных пролетарских масс России и реализации права наций на самоопределение. В резолюции по национальному вопросу, принятой на Поронинском совещании ЦК РСДРП в сентябре 1913 г., указывалось, что принципиального отстаивания права угнетенных наций на самоопределение требует «дело свободы самого великорусского населения, которое неспособно создать демократическое государство, если не будет вытравлен черносотенный великорусский национализм, поддерживаемый традицией кровавых расправ с национальными движениями и воспитываемый систематически не только царской монархией и всеми реакционными партиями, но и холопствующим перед монархией великорусским буржуазным либерализмом»⁹⁸.

Вопрос об отношении к «черносотенному» русскому национализму, как одной из важнейших идеологических составляющих самодержавной политики, был конкретизирован В. И. Лениным в том же 1913 г. в цикле теоретических статей по национальному вопросу. Так, в своей статье «Рабочий класс и национальный вопрос», обличая союз буржуазии с наиболее реакционными силами, объединившимися против революционных пролетарских масс, он отмечал: «Россия – пестрая в национальном отношении страна. Правительственная политика, политика помещиков, поддерживаемых буржуазией, проникнута вся насквозь черносотенным национализмом. Политика эта направлена своим острием против большинства народов России, составляющих большинство ее населения»⁹⁹. Теперь буржуазия боится рабочих, ищет союза с Пуришкевичами, с реакцией, предаёт демократизм, отстаивает угнетение или неравноправность наций, развращает рабочих националистическими лозунгами. Один только пролетариат отстаивает в наши дни истинную свободу наций и единство рабочих всех наций»¹⁰⁰. Как видно из вышеизложенного, именно «черносотенный великорусский национализм» властей и их буржуазных политических «попутчиков» продолжал, по мысли Ленина, оставаться едва ли не главным идеологическим врагом угнетаемого пролетариата и национальных меньшинств. В более поздней статье «О праве наций на самоопределение» (1916 г.) вождь большевизма в дискуссии с Р. Люксембург дает еще более резкую характеристику русскому национализму как выражению феодально-самодержавной идеологии: «Увлеченная борьбой с национализмом в Польше, Роза Люксембург забыла о национализме великорусов, хотя именно этот национализм и страшнее всего сейчас, именно он менее буржуазен, но более феодален, именно он главный тормоз демократии и пролетарской борьбы»¹⁰¹.

Стратегия революционной борьбы, направленная на разрушение Империи и ликвидацию ее политических институтов, требовала нанести главный удар по великодержавию и национализму, – главным, по мнению большевиков-ленинцев, идеологическим основам существующей власти, которым не должно быть места в будущем интернациональном пролетарском обществе. «Ни одной привилегии ни для одной нации, ни для одного языка!», – призывал своих соратников В. И. Ленин, – «Ни малейшего притеснения, ни малейшей несправедливости к национальному меньшинству! – вот принципы рабочей демократии»¹⁰².

⁹⁸ КПСС в резолюциях. Т. 1. С. 388.

⁹⁹ Поданным переписи 1897 г. «великороссы» составляли 44,3 % населения Российской империи, т. е. численное меньшинство. Однако вместе с малороссами (17,8 %) и белорусами (4,7 %) общее количество «русского населения», в тогдашнем его понимании, составляло 66,8 % (Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897. СПб., 1905. Т. 2. С. 1–6).

¹⁰⁰ Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 23. С. 149.

¹⁰¹ Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 25. С. 275.

¹⁰² Там же. С. 150.

Только интернациональное сплочение рабочих, как полагали идеологи большевизма, могло бы стать прочным залогом победоносной революции и построения общества социальной справедливости.

Русская национальная культура также рассматривалась вождем большевизма с позиций ее «соответствия» задачам классовой борьбы. Для воспитания пролетариата годились лишь «демократические и социалистические элементы» этой культуры. «Черносотенная и клерикальная» культура являлась таким же идеологическим оружием в руках господствующих классов, как и национализм¹⁰³. Исходя из этого, В. И. Ленин в статье «Критические заметки по национальному вопросу» подчеркивал: «Может великорусский марксист принять лозунг национальной великорусской культуры? Нет. Такого человека надо поместить среди националистов, а не марксистов. Наше дело – бороться с господствующей, черносотенной и буржуазной национальной культурой великороссов, развивая исключительно в интернациональном духе и в теснейшем союзе с рабочими иных стран те зачатки, которые имеются и в нашей истории демократического и рабочего движения»¹⁰⁴. Соответственно, для эффективной революционной пропаганды, изобличающей пороки эксплуататорского строя, могли быть пригодны лишь произведения русских классиков «демократического направления» (В. Г. Белинского, Н. Г. Чернышевского, Н. А. Некрасова и др.), антиклерикальная публицистика Л. Н. Толстого, сочинения «пролетарских» писателей (Максима Горького, Демьяна Бедного и др.). Творчество и взгляды «архискверного» (по выражению В. И. Ленина) «реакционера» Ф. М. Достоевского¹⁰⁵ и большинства представителей дворянской и буржуазной культуры вряд ли могли быть полезны для решения этих задач¹⁰⁶. Такое нигилистическое отношение левых радикалов к «духовным основам» Российского государства – патриотической идее, религии, национальной культуре, – постоянно вызывало враждебную реакцию не только у официальных властей, но и у представителей «правого» политического лагеря.

С началом Первой мировой войны в августе 1914 г. большевистская РСДРП – единственная европейская социал-демократическая партия, заявившая о своей антивоенной позиции, фактически оказалась в политической изоляции. Социалисты западных стран, ведущие деятели II Интернационала, большинство представителей российских оппозиционных партий либо встали на путь шовинистической пропаганды, либо провозглашали идеи патриотического «оборончества». Признанный теоретик русского марксизма и один из меньшевистских лидеров Г. В. Плеханов выдвинул лозунг «защиты Отечества»¹⁰⁷. Русско-германская война была объявлена официальными российскими властями «Второй Отечественной».

¹⁰³ Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 24. С. 120–121.

¹⁰⁴ Там же. С. 122.

¹⁰⁵ См.: Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 48. С. 295.

¹⁰⁶ Примечательно, что в своей повседневной жизни В. И. Ленин имел традиционные вкусы: высоко ценил русскую классическую литературу, особенно творчество А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого, и даже был поклонником поэзии великого князя Константина Романова. «Новомодные» и леворадикальные течения в литературе и искусстве им не признавались. Однако для Ленина-политика интересы революционного дела всегда были выше собственных эстетических пристрастий. См.: Ленин о литературе и искусстве. М., 1976. С. 56; *Валентинов Н.* Недорисованный портрет. М., 1993. С. 50–52; *Горький М.* Поли. собр. соч.: В 25 т. М., 1968–1976. Т. 20. С. 41, 48–49.

¹⁰⁷ В своем выступлении на митинге в Народном доме в Лозанне (октябрь 1914 г.) Плеханов подчеркивал: «Социализм отнюдь не исключает любви к отечеству... Маркс говорит, что каждый народ имеет право на существование, на автономию, но ведь это право предполагает право защиты; когда на него нападают, он должен защищаться. Иначе будет не интернациональная политика, а вненациональная, то есть утопическая, а не международная. Конечно, каждый обязан бороться прежде всего с шовинизмом своей страны, но в случае объявления войны нужно решить, кто нападает и со всей силой обрушиться на него» – Цит. по: *Шуб Д.* Политические деятели России (1850-ых – 1920-ых гг.). Сб. статей. Нью-Йорк, 1969. С. 158–159. Свое новое понимание патриотической идеи Г. В. Плеханов более подробно изложил в брошюре «О войне», выпущенной в Париже осенью 1914 г.

В сложившихся условиях большевики были поставлены перед необходимостью более четкого обозначения своей антивоенной позиции и разоблачения «предательской» роли «социал-шовинистов» – представителей русской и зарубежной социал-демократии, выступивших на стороне воюющих правительств. В октябре 1914 г. в Женеве публикуется Манифест ЦК РСДРП «Война и российская социал-демократия», написанный В. И. Лениным. Отмечая империалистический и захватнический характер разворачивавшейся мировой бойни, В. И. Ленин подчеркивал: «Захват земель и покорение чужих наций, разорение конкурирующей нации, грабеж ее богатств, отвлечение внимания трудящихся масс от внутренних политических кризисов России, Германии, Англии и других стран, разъединение и националистическое одурачение рабочих и истребление их авангарда в целях ослабления революционного движения пролетариата – таково единственное действительное содержание, значение и смысл современной войны. На социал-демократию прежде всего ложится долг раскрыть это истинное значение войны и беспощадно разоблачить ложь, софизмы и «патриотические» фразы, распространяемые господствующими классами, помещиками и буржуазией, в защиту войны»¹⁰⁸. Лениным был выдвинут лозунг превращения империалистической войны в гражданскую. Лидер большевиков считал, что для успешной борьбы рабочего класса и всех трудящихся масс России наименьшим злом было бы военное поражение царской монархии, что ускорило бы ниспровержение существующего строя.

Такая радикальная «антигосударственная» позиция большевиков вызвала возмущение в российских политических кругах, разделявших лозунг «война до победного конца». Официальная власть получила «козырь» для усиления репрессий в отношении большевистской РСДРП. Легальная деятельность партии была фактически запрещена, в июле 1914 г. закрыт ее главный печатный орган – газета «Правда», в ноябре того же года были арестованы и после суда сосланы в Сибирь депутаты-члены большевистской фракции в Государственной Думе. В российской и «союзнической» англо-французской печати была развернута кампания против большевиков, по обвинению их в «антипатриотизме» и «предательстве» интересов своего Отечества.

В связи с выдвинутыми обвинениями В. И. Ленину пришлось конкретизировать позицию партии по вопросу о патриотизме. В статье «О национальной гордости великороссов», опубликованной в декабре 1914 г., лидер большевиков, стремясь опровергнуть доводы политических противников, дает новую – «пролетарскую» трактовку патриотической идеи: «Чуждо ли нам, великорусским сознательным пролетариям, чувство национальной гордости? Конечно, нет! Мы любим свой язык и свою родину, мы больше всего работаем над тем, чтобы ее трудящиеся массы (т. е. 9/10 ее населения) поднять до сознательной жизни демократов и социалистов. Нам больнее всего видеть и чувствовать, каким насилиям, гнету и издевательствам подвергают нашу прекрасную родину царские палачи, дворяне и капиталисты. Мы гордимся тем, что эти насилия вызывали отпор из нашей среды, из среды великороссов, что *эта* среда выдвинула Радищева, декабристов, революционеров-разночинцев 70-х годов, что великорусский рабочий класс создал в 1905 году могучую революционную партию масс, что великорусский мужик начал в то же время становиться демократом, начал свергать попа и помещика... Мы полны чувства национальной гордости, ибо великорусская нация тоже создала революционный класс, тоже доказала, что она способна дать человечеству великие образцы борьбы за свободу и за социализм»¹⁰⁹.

В отличие от официальной патриотической доктрины, согласно которой единение самодержавной власти и её «подданных» являлось гарантией величия Империи, по ленинскому определению, реальными вершителями судеб России, её социального освобождения

¹⁰⁸ Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 26. С. 15.

¹⁰⁹ Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 26. С. 107. Курсив источника.

и дальнейшего развития являлись рабочий класс и беднейшее крестьянство. При этом В. И. Ленин особо подчеркивал «великую социалистическую роль великорусского пролетариата, как главного двигателя коммунистической революции»¹¹⁰. Так патриотическая идея в большевистской интерпретации обретала своё народное, «классовое» содержание. Роль русского трудового народа (прежде всего, пролетариата) в революционной борьбе многонациональных масс России провозглашалась в статье определяющей. Подлинный патриотизм великороссов, по мнению лидера большевиков, должен был основываться на революционных традициях народа. Примеры военных, научных и культурных достижений русских за всю их многовековую историю в данной работе не указывались.

Отвергая предъявленные большевистской партии обвинения в ее «антипатриотизме» и «пораженчестве», В. И. Ленин предложил свою трактовку понятия «защита Отечества», которая определялась тактическими задачами революционной борьбы великорусского пролетариата в условиях империалистической войны: «Мы говорим: нельзя в XX веке... «защищать отечество» иначе, как борясь всеми революционными средствами против монархии, помещиков и капиталистов *своего* отечества, т. е. *худших* врагов нашей родины, — нельзя великороссам «защищать отечество» иначе, как желая поражения во всякой войне царизму, как наименьшего зла для 9/10 населения Великороссии, ибо царизм не только угнетает эти 9/10 населения экономически и политически, но и деморализует, унижает, обесчещивает, prostituteрует его, приучая к угнетению чужих народов, приучая прикрывать свой позор лицемерными, якобы патриотическими фразами»¹¹¹. Таким образом, только революционная борьба против существующей самодержавной власти, социально-экономических порядков и «грабительской войны» — отвечала, по мнению лидера большевистской партии, коренным потребностям прогрессивного развития России, национальным интересам русского народа и являлась выражением подлинного патриотизма трудящихся масс.

Разрабатывая в годы Первой мировой войны теорию империализма, В. И. Ленин пришел к выводу о неравномерности экономического и политического развития ведущих и развивающихся капиталистических стран в условиях наступившей эпохи империализма. Эта неравномерность, в свою очередь, предопределяла разновременность созревания политических предпосылок для победы социалистической революции. По мнению В. И. Ленина, это опровергало классическую формулу основоположников марксизма о невозможности победы революции в одной стране и о возможности его победы лишь путем одновременной революции в наиболее развитых капиталистических странах. В условиях мировой войны, еще более обострившей противоречия капиталистического общества, победа социализма возможна, по утверждению лидера большевистского крыла РСДРП, даже в одной стране — «слабом звене» в цепи империалистических держав. В августе 1915 г., в статье «О лозунге Соединенных Штатов Европы», опубликованной в номере женевого «Социал-демократа» В. И. Ленин отмечал: «Неравномерность экономического и политического развития есть безусловный закон капитализма. Отсюда следует, что возможна победа социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой, капиталистической стране»¹¹². Читавшим эту сенсационную, ломавшую устоявшиеся марксистские стереотипы статью, нетрудно было догадаться, что вождь большевистской партии имел в виду и Россию.

Это теоретическое положение, выдвинутое В. И. Лениным, вызвало негативную реакцию в социал-демократическом меньшевистском лагере. Лидера большевиков обвинили в отступлении от канонов марксизма. Сторонники Ленина — «левые циммервальдцы» Н. И. Бухарин, К. Б. Радек, Ю. Л. Пятаков также не поддерживали теоретические новации. Не

¹¹⁰ Там же. С. 110.

¹¹¹ Там же. С. 109. Курсив источника.

¹¹² Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 26. С. 354.

остался в стороне от развернувшейся полемики и давний политический оппонент Ленина Л. Д. Троцкий. В газете «Наше слово» он писал: «Рассматривать перспективы социальной революции в национальных рамках значило бы становиться жертвой той самой национальной ограниченности, которая составляет сущность социал-патриотизма... В социал-патриотизме... подвизается национально-революционный мессианизм, который считает именно свое национальное государство – по состоянию ли его индустрии или по его демократической форме и революционным завоеваниям – призванным ввести человечество в социализм или в «демократию»»¹¹³. Однако, как показали последующие события, то, что называлось меньшевистскими лидерами «социал-патриотизмом» обретет в революционной России реальное политическое содержание.

Эволюция взглядов российской революционной интеллигенции 2-й половины XIX – начале XX вв. на патриотическую идею прошла путь от полного ее отрицания, как идеологической основы существующего строя и монархии до первых попыток «патриотического» обоснования социальной борьбы рабочего класса – силы, на которую опиралась партия большевиков. Абстрактный, оторванный от национальной почвы и основывающийся на ультра-интернационализме социализм не мог служить эффективным пропагандистским «пособием» в деле революционного воспитания великорусского пролетариата. Уже в годы Первой мировой войны большевики-интернационалисты столкнулись с необходимостью создания собственной патриотической идеологии. После Октября 1917 г. и возникновения первой Республики Советов понятие «патриотизм» получит качественно иное содержание в условиях нового социально-политического строя.

¹¹³ Троцкий Л. Д. К истории русской революции. М., 1990. С. 142-143.

Глава 2. От идеи «мировой революции» к государственному патриотизму (октябрь 1917–1953 гг.)

§ 1. Идеи «красного патриотизма» в годы Гражданской войны (1918–1920 гг.)

Октябрьская революция 1917 г. и приход большевистской партии к власти ознаменовали собой не только коренной слом социально-экономических и политических институтов прежней капиталистической России, но и явились началом новой государственности. Ее политическое содержание, основанное на принципе «диктатуры пролетариата», главные законы ее организации и функционирования были разработаны В. И. Лениным еще в августе-сентябре 1917 г. В известном теоретическом труде «Государство и революция» он писал: «Пролетариату необходима государственная власть, централизованная организация силы, организация насилия и для подавления сопротивления эксплуататоров и для *руководства* громадной массой населения, крестьянством, мелкой буржуазией, полупролетариями в деле «налаживания» социалистического хозяйства»¹¹⁴. Образовавшаяся на руинах Российской империи Советская Российская республика нуждалась не только в создании своего государственного аппарата, армии, хозяйственных органов, но и в собственной патриотической идеологии. Решающим фактором, повлиявшим на её формирование, явились начавшаяся с весны 1918 г. полномасштабная Гражданская война и иностранная военная интервенция.

Белогвардейское движение, которое ставило своей целью ниспровержение большевиков и выступало под лозунгами «единой и неделимой» России и освобождения ее от «засилья Интернационала», не смогло стать действительно «всенародным» и патриотическим. Во многом это объяснялось преимущественно дворянским и буржуазным социальным составом движения, отсутствием единой социально-политической программы и абстрактными националистическими призывами белых, которые не могли привлечь на свою сторону большинство крестьян, заинтересованных, прежде всего, в решении земельного вопроса. Карательные меры против мирного населения на территориях, «освобожденных» от большевизма, также не могли служить свидетельством «народного» характера белого движения. Главнокомандующий Добровольческой армией А. И. Деникин в своих мемуарах с недоумением констатировал, что после «освобождения» его войсками огромных российских территорий, ожидаемой поддержки белых со стороны всех враждебных Советской власти элементов не произошло¹¹⁵. Характерны в этом отношении и свидетельства иностранцев, наблюдавших положение в «белом лагере». Так, английский корреспондент телеграфировал 11 февраля 1920 г. из Новороссийска: «Год тому назад союзные державы соединенно решили покончить с большевиками. Но союзники и Деникин, сменивший Корнилова, и все мы допустили одну ошибку. Мы забыли ознакомиться с настроениями русского народа. Мы ожидали взрыва добровольческого движения, но он не осуществился»¹¹⁶.

¹¹⁴ Ленин В. И. Поли. собр. соч.: В 55 т. М., 1958–1970. Т. 33. С. 26. Курсив источника.

¹¹⁵ Деникин А. И. Очерки русской смуты. Берлин. 1926. Т. 5. С. 118.

¹¹⁶ Известия Всеукраинского революционного комитета и Харьковского губревкома. 1920. № 47. 13 февраля.

«Патриотическая» риторика белогвардейцев существенно дискредитировалась и фактом оказываемой им значительной финансовой и военной помощи со стороны Антанты. Эта помощь подтверждалась и официальными западными кругами. Так, факты поддержки армии Деникина британскими властями приведены одним из главных организаторов военной интервенции против Советской России У. Черчиллем в его работе «Мировой кризис» (вышла в период 1923–1931 гг.): «По совету генерального штаба, начиная с июля месяца 1919 г., Англия оказывала ему (Деникину) главную помощь, и не менее 250 тыс. ружей, 200 пушек, 30 танков и громадные запасы оружия и снарядов были посланы через Дарданеллы и Черное море в Новороссийск. Несколько сотен британских армейских офицеров и добровольцев в качестве советников, инструкторов, хранителей складов и даже несколько авиаторов помогали организации деникинских армий... Было бы ошибочно думать, что в течение всего этого года мы сражались на фронтах за дело враждебных большевикам русских. Напротив того, русские белогвардейцы сражались за наше дело»¹¹⁷. В 1919–1920 гг. расходы Великобритании на армию Деникина (Вооруженные Силы Юга России) составили около 100 млн. фунтов стерлингов¹¹⁸. Британское военное командование полностью обеспечивало потребности белых армий в артиллерии и стрелковом вооружении. При этом войска А. И. Деникина, Н. Н. Юденича и Е. К. Миллера было решено перевооружить исключительно английским оружием, а армию А. В. Колчака – винтовками из «русских заказов» периода Первой мировой войны. США, как одна из ведущих держав Антанты, также были заинтересованы во всемерной поддержке белогвардейцев. Американское правительство предоставило армии А. В. Колчака кредит в размере 262 млн. долларов и в счёт этой суммы на протяжении 1918–1919 гг. направили ему 450 тысяч винтовок, несколько тысяч пулеметов, сотни орудий, боеприпасы. Япония израсходовала на содержание белогвардейских формирований на Дальнем Востоке в 1918–1922 г. около 160 млн. иен¹¹⁹. После разгрома основных сил Колчака и Деникина организованная в 1920 г. в Крыму Русская армия П. Н. Врангеля сразу же была «взята на обеспечение» странами Антанты. Так, английское правительство ассигновало Врангелю 14,5 млн. фунтов стерлингов, французское правительство дало ему заём в сумме 150 млн. франков. Антанта предоставила армии Врангеля большое количество оружия, тяжелую артиллерию, танки, самолёты, передала ему почти все германское вооружение, оставшееся в Болгарии¹²⁰. Впрочем, среди лидеров белого движения появлялись военачальники, делавшие главную политическую и материальную «ставку» на немецкие оккупационные власти. Это, прежде всего, относилось к «освободительной» деятельности атамана Всевеликого войска Донского П. Н. Краснова. По справедливому замечанию историка А. В. Репникова, «успехи Дона в борьбе с Красной армией и устойчивость власти атамана в значительной мере были обусловлены его лояльностью и тесным сотрудничеством с командованием германских войск, занимавших часть территории области»¹²¹. В своем приказе «Всевеликому войску Донскому» от 17 мая 1918 г. Краснов потребовал, «чтобы все воздерживались от каких бы то ни было выходов по отношению к германским войскам и смотрели бы на них так же, как и на свои части». В письме к кайзеру Вильгельму (18 мая) с просьбой о поставках оружия атаман взамен предлагал установить «правильные торговые отношения» с Германией¹²². Впрочем, после капитуляции Германии в ноябре 1918 г. П. Н.

¹¹⁷ Черчилль У. Мировой кризис. М.-Л...1932. С. 166, 173; История Отечества в документах. 1917–1993 гг. М., 1994. Ч. 1. С. 148.

¹¹⁸ Соколов Т. Интервенты на Кубани. Краснодар, 1957. С. 12.

¹¹⁹ Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. М., 1987. С. 230.

¹²⁰ Там же. С. 235.

¹²¹ Репников А. В. П. Н. Краснов // Общественная мысль Русского зарубежья: Энциклопедия. М., 2009. С. 360.

¹²² См.: Петров В. И. Непокорившиеся кайзеровскому нашествию. М., 1988. С. 95.

Краснов обратился за поддержкой к Великобритании и Франции, «проявив склонность следовать политической конъюнктуре»¹²³.

Лидеры кадетов, правых эсеров, российского финансового капитала также охотно шли на контакты с представителями западных держав и рассматривали иностранную интервенцию как действенную меру в борьбе с большевизмом. На Ясском совещании лидеров российских буржуазных партий и представителей держав Антанты, проходившем в ноябре 1918 г., был разработан план совместных действий против большевизма. Члены «русской делегации» на совещании (октябристы В. В. Меллер-Закомельский и А. В. Кривошеин, кадеты П. Н. Милюков и М. М. Фёдоров, монархист В. И. Гурко, банкир В. П. Рябушинский и др.) выступили с призывом к странам Антанты «о немедленном приходе союзных вооружённых сил» на Юг России (в Одессу и Николаев) для поддержки белого движения в его борьбе с Советской властью¹²⁴. О своей деятельности в пользу западных держав и о контактах с представителями английской, французской, польской разведок в годы Гражданской войны дал подробные показания Военной коллегии Верховного Суда СССР в августе 1924 г. один из лидеров правых эсеров Б. В. Савинков. Признавая антинациональный характер своей борьбы с большевизмом – «властью, признанной русским народом», Савинков указывал на неизбежную зависимость антисоветских сил от иностранной помощи: «Я поступал так, как поступали все белые, опиравшиеся на иностранцев. А без опоры на иностранцев мы воевать не могли»¹²⁵. Еще более конкретное выражение это признание Савинкова получило в его знаменитом письме «Почему я признал Советскую власть», написанном после процесса: «Есть еще одно обстоятельство... Я говорю о связи с иностранными государствами. Кто борется – тот в зависимости от иностранцев: от англичан, французов, японцев, поляков... Кто борется, тот в железных тисках – в тисках финансовых, военных, даже шпионских. Иными словами, на границе измены. Ведь никто не верит в бескорыстие иностранцев. Ведь каждый знает, что Россия снится им как замаскированная колония, самостоятельное государство, конечно, но работающее не для себя, а для них»¹²⁶. Разоблачая коллаборационизм представителей крупной буржуазии, которая пошла на союз с Антантой в борьбе против большевизма, В. И. Ленин отмечал, что российская буржуазия «готова была на все, чтобы удушить Советскую власть самыми подлыми способами – предать Россию кому угодно, только чтобы уничтожить власть Советов...»¹²⁷.

Западные государства приняли самое активное участие в гражданской войне в России. К весне 1919 г. на территории бывшей Российской империи действовали войска 14 иностранных государств общей численностью более 300 тыс. человек¹²⁸. Разумеется, политическое и военное вмешательство «союзников» России в ее внутренний гражданский конфликт было продиктовано отнюдь не «миротворческими» намерениями. Кроме опасности распространения «коммунистической угрозы» на страны Европы и всего мира западные финансовые и политические круги беспокоила возможность восстановления сильного Российского государства с антикапиталистической идеологией. Наступившая после распада Российской империи «смута» создала благоприятные условия для передачи ее территорий под контроль иностранных держав и международного финансового капитала. В конце ноября 1917 г. на межсоюзной конференции в Париже правительства стран Антанты договорились о борьбе против победившей большевистской революции в России. 23 декабря 1917 г. между предста-

¹²³ Репников А. В. П. Н. Краснов. С. 36.

¹²⁴ Гражданская война и военная интервенция. С. 699.

¹²⁵ Борис Савинков на Лубянке. Документы. М., 2001. С. 553.

¹²⁶ Савинков Б. В. Воспоминания. М., 1990. С. 398.

¹²⁷ Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 37. С. 216.

¹²⁸ Барсенков А. С., Вдовин А. И. История России. 1917–2007. М., 2008. С. 84.

вителями Англии и Франции в Париже было заключено соглашение о всесторонней помощи белогвардейским формированиям, а также о разделе «сфер влияния» на территории бывшей Российской империи. По этому соглашению предполагалось отторгнуть от России Прибалтику, Украину, Кавказ, Дон, Крым, Среднюю Азию, Бессарабию и другие территории. Зоной английских интересов были признаны Кавказ, Дон и Кубань. В свою очередь, Украина, Бессарабия, Крым объявлялись французской зоной влияния. Была также достигнута договоренность о том, что Дальний Восток и Сибирь становятся преимущественно сферами влияния США и Японии¹²⁹.

Примечательно, что западные политические круги декларировали свою военную и финансовую поддержку белогвардейцев и собственную интервенцию как «помощь русским национальным силам»¹³⁰. В утверждённом 17 февраля 1919 г. Главным командованием армиями Антанты «Плане действий» по расширению военной интервенции провозглашалось, что «реставрация режима порядка в России является делом сугубо национальным, которое должен осуществить сам русский народ»¹³¹. Для успешного осуществления этого «национального дела» предлагались меры по «оккупации Украины» войсками союзных держав, «блокада побережья Балтийского моря британским флотом», «действия Франции в Сибири» и ее участие в «организации польской армии». Все эти действия должны были служить главной цели, которая также обозначалась в документе: «Для держав Антанты встает жизненная необходимость свергнуть его (Советское правительство – *А. К.*) как можно скорее, и возникает долг солидарности осуществить с этой целью совместные усилия»¹³².

«Русские национальные силы» в лице лидеров белого движения щедро расплатились со своими союзниками и кредиторами за оказанную помощь. Так, за период своего пребывания на русском Севере иностранные оккупанты, с согласия белогвардейцев, вывезли леса, льна, марганцевой руды на сумму более 3,5 млн. фунтов стерлингов. Во время пребывания в Крыму армии Врангеля интервенты вывезли с 1 февраля по 1 сентября 1920 г. около 3 млн. пудов зерна, 830 тыс. пудов соли, 120 тыс. пудов льна, 120 тыс. пудов табака, 63 тыс. пудов шерсти и другое сырье. Белогвардейцами фактически за бесценнок был продан США, Великобритании и Франции русский Черноморский торговый флот¹³³. На Дальнем Востоке только за первые три месяца 1919 г. американо-японские интервенты вывезли более 3 млн. шкурок ценной пушнины, за весь год – 14 млн. пудов сельди, вывозилось большое количество леса¹³⁴. В целях экономического закабаления русских дальневосточных территорий оккупанты создали при содействии белогвардейских властей во Владивостоке отделения банков США – национального Нью-Йоркского Сити-банка, Меркантиль Оверси и К°, Чайна-Джапан трейдинг банка, а также отделения японских банков – Спеш-и-Чосен-банка. Американские и японские монополии (Морган, Рокфеллер, Дюпон, Мицуи и Мицубиси) получали огромные прибыли от эксплуатации природных богатств Дальнего Востока. Япония получила от правительства Колчака право на продление рыболовной конвенции 1907 года, что дало возможность японским предпринимателям захватить в свои руки почти все русские рыболовные участки на дальневосточном побережье¹³⁵. За время белогвардейской диктатуры братьев Меркуловых в Приморье (1921–1922 гг.) японские интервенты расхи-

¹²⁹ Гражданская война и военная интервенция в СССР. С. 233.

¹³⁰ Из истории гражданской войны в СССР. М., 1961. Т. 2. С. 7.

¹³¹ Там же.

¹³² Там же. С. 8.

¹³³ Гражданская война и военная интервенция в СССР. С. 232, 235.

¹³⁴ Там же. С. 230.

¹³⁵ Героические годы борьбы и побед (Дальний Восток в огне гражданской войны). М., 1968. С. 90–91.

тили достояние региона на сотни млн. рублей золотом¹³⁶. Расширялась и религиозная американская экспансия при полном невмешательстве «русских патриотических властей». В 1918–1920 гг. на Дальний Восток засылались сотни американских проповедников. Ими были созданы отделения «Христианского союза молодых людей», субсидировались различные сектантские общины¹³⁷. Конкурирующие с американцами японские и французские власти также рассматривали российский Дальний Восток зоной своих геополитических и экономических интересов. Главную ставку в реализации своих планов они делали на белогвардейцев. В 1921 г. представителями Дальневосточной республики (ДВР) были преданы огласке документы, изобличавшие агрессивные планы японских политических кругов в этом регионе. В частности, был опубликован секретный договор между Японией и Францией, по которому последняя соглашалась на оккупацию японцами Дальнего Востока и Сибири. Для этих целей французской стороной предлагалась переброска из Европы на Дальний Восток в распоряжение японского командования и его ставленника атамана Г. М. Семенова частей врангелевских войск. В документе отмечалось, что «французское правительство готово поддерживать тот проект, чтобы японское правительство получило в Сибири свободу действий и чтобы бывшая армия Врангеля под руководством Семенова или других русских офицеров освободила занятые большевиками сибирские территории. После этого освобождения японское правительство может повести дело таким образом, что освобожденные области, находясь под японским протекторатом, но с русским управлением, подпадут совершенно под японское влияние». Был также опубликован секретный договор между Японией и атаманом Семеновым, по которому японская сторона брала на себя обязательства по снабжению его войск и белогвардейских формирований Р. Ф. Унгерна фон Штернберга оружием и деньгами. Разумеется, все это основывалось на согласии «белых вождей» пойти на возможные территориальные уступки «союзникам» в случае победы и даже признать иностранный протекторат¹³⁸. Эти и другие подобные факты никак не соответствовали «патриотическим» лозунгам «восстановления великой России», которые выдвигали лидеры и идеологи белого движения.

Развернувшееся широкое партизанское движение на территориях, оккупированных иностранными войсками, также свидетельствовало о нежелании народных масс признавать в лице зарубежных «освободителей от большевистского ига» новоявленных «спасителей» России. Неприкрытый грабеж национальных богатств страны и беспощадный террор оккупантов против мирного населения едва ли могли служить надежной основой для укрепления подобного пропагандистского образа. Характерное свидетельство содержится в мемуарах Члена Союзнической Судебной Комиссии, капитана А. Мандриллы. Утверждая, что победа большевиков объяснялась, прежде всего, народным стремлением к национальной независимости, он жестко критиковал союзников: «Их поведение помешало им преодолеть недоверие аморфных масс, для которых большевистская пропаганда нашла легкую наживку – разжигание ненависти к иностранцам, которые вмешиваются во внутренние дела России, прикрывшись маской фальшивого сентиментализма»¹³⁹.

Уже после разгрома основных сил белых армий Колчака и Деникина и иностранных интервентов И. В. Сталин в своей статье «К военному положению на Юге» (январь 1920 г.) указывал, что прямым следствием победы белогвардейцев явилась бы потеря национальной независимости России: «Деникин и Колчак несут с собой не только ярмо помещика и капита-

¹³⁶ Гражданская война и военная интервенция в СССР. С. 231.

¹³⁷ Героические годы борьбы и побед. С. 91.

¹³⁸ Героические годы борьбы и побед. С. 324; Международные отношения на Дальнем Востоке. М., 1951. С. 352.

¹³⁹ Цит. по: *Росси М.* Деятельность итальянского экспедиционного корпуса на территории России (1918–1919 гг.) // Версальско-Вашингтонская система: возникновение, развитие, кризис, 1919–1939 гг. Сб. статей. М., 2011. С. 151.

листа, но и ярмо англо-французского капитала. Победа Деникина-Колчака есть потеря самостоятельности России, превращение России в дойную корову англо-французских денежных мешков. В этом смысле Советское правительство есть единственно народное и единственно национальное в лучшем смысле этого слова правительство, ибо оно несет с собой не только освобождение трудящихся от капитала, но и освобождение всей России от ига мирового империализма, превращение России их колонии в самостоятельную свободную страну»¹⁴⁰.

Таким образом, большевизм, победивший в Петрограде, Москве и ряде центральных губерний страны, находясь во враждебном кольце интервентов и контрреволюции, *объективно* становился единственной политической силой, способной отстоять государственный суверенитет России. Пролетариат первой Республики Советов обрел свое Отечество, которое нуждалось в защите. Мобилизация трудящихся масс для обороны республики требовала создания новой армии и «реабилитации» идеи патриотизма, идеи Отечества.

Призыв к защите социалистического Отечества впервые прозвучал в феврале 1918 г., еще за несколько месяцев до начала широкомасштабной военной интервенции. 22 февраля 1918 г. публикуется написанный В. И. Лениным декрет-воззвание Совета Народных Комиссаров (СНК) «Социалистическое Отечество в опасности!». Он появился в критический момент истории молодой республики, когда Германия, воспользовавшись срывом мирных переговоров в Брест-Литовске, развернула наступление на Советскую Россию. Декрет гласил: «Социалистическая республика Советов находится в величайшей опасности. До того момента, как поднимется и победит пролетариат Германии, священным долгом рабочих и крестьян России является беззаветная защита республики Советов против полчищ буржуазно-империалистической Германии»¹⁴¹. После обозначения конкретных мер, необходимых для обороны республики, декрет-воззвание заканчивался словами: «Да здравствует социалистическое отечество!», «Да здравствует международная социалистическая революция!»¹⁴². Характерно, что наряду с призывом к защите Отечества стратегическая установка большевиков на мировую интернациональную революцию оставалась главенствующей. Основные надежды большевистское руководство возлагало на возможность победы революции в Германии, как родины европейской социал-демократии, и испытанного в классовых боях пролетариата. Россия, – *государство победившего* пролетариата, – рассматривалась как временный революционный плацдарм, отвоеванный у мировой буржуазии, который необходимо было отстоять. По свидетельству Л. Д. Троцкого, проект воззвания обсуждался при участии левых эсеров. В ответ на их замечание о неправомерности использования лозунга «Защиты Отечества», противоречившего задачам распространения мировой революции на страны Европы, В. И. Ленин указал на его политическую своевременность. По мнению главы советского правительства, такой лозунг «сразу показывает перемену нашего отношения к защите отечества на 180 градусов. Так именно и надо!»¹⁴³.

3 марта 1918 г. между Советской Россией и странами Четвертного союза был подписан мирный договор. От России в пользу Германии и ее союзников отторгались Украина, Польша, Литва, Латвия, западная часть Белоруссии, территории в Закавказье. Всего Советская Россия теряла около 1 млн. кв. км территории, входившей ранее в состав Российской

¹⁴⁰ Сталин И. В. Соч.: В 13 т. М., 1946-1951. Т. 4. С. 284–285.

¹⁴¹ Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 35. С. 357. В опубликованном вслед за ленинским декретом воззвании ВЦИК «Братья-крестьяне!» говорилось уже и о защите «социалистической Родины». Центральный советский орган обратился к находящимся на оккупированной немцами территории российским крестьянам с призывом: «Все, как один, на защиту революции, в ряды партизанских повстанческих отрядов. Пусть чувствует немецкий насильник, что он вошел в революционную страну, пусть знает, что ему не удастся утвердить своего владычества ни в одном городе, ни в одной деревне, ни в одном уголке нашей Красной социалистической Родины». – Цит. по: Фрайман А. Л. Революционная защита Петрограда в феврале-марте 1918 г. М.; Л., 1964. С. 217.

¹⁴² Там же. С. 358.

¹⁴³ Троцкий Л. Д. К истории русской революции. С. 215.

империи. По статьям договора советская сторона демобилизовала армию и флот, а также только что созданные части Красной Армии. Советское государство обязывалось уплатить Германии контрибуцию в 90 тонн золота¹⁴⁴. Крайне тяжелые и унижительные для России условия «мира» явились поводом для обвинений большевиков в предательстве национальных интересов страны и «сговоре» с германской стороной. Сложившееся положение требовало разъяснений позиции партии в отношении Брестского мира. В день переезда советского правительства в Москву (11 марта 1918 г.) В. И. Ленин пишет статью «Главная задача наших дней», носившую программный характер. В качестве эпиграфа были взяты слова поэта Н. А. Некрасова: «Ты и убогая, ты и обильная, / Ты и могучая, ты и бессильная / – Матушка-Русь!». Говоря о тяжелых последствиях Брестского мира (который, по исторической аналогии назван Тильзитским – между Наполеоном и Александром I в 1807 г.), В. И. Ленин указывал: «Мы принуждены были подписать «Тильзитский» мир... Надо измерить целиком, до дна, всю ту пропасть поражения, расчленения, порабощения, унижения, в которую нас теперь толкнули. Чем яснее мы поймем это, тем более твердой, закаленной, стальной сделается наша воля к освобождению, наше стремление подняться снова от порабощения к самостоятельности, наша непреклонная решимость добиться во что бы то ни стало того, чтобы Русь перестала быть убогой и бессильной, чтобы она стала в полном смысле слова могучей и обильной... У нас есть материал и в природных богатствах, и в запасе человеческих сил, и в прекрасном размахе, который дала народному творчеству великая революция, – чтобы создать действительно могучую и обильную Русь. Русь станет таковой, если отбросит прочь всякое уныние и всякую фразу, если, стиснув зубы, соберет все свои силы, если напряжет каждый нерв, натянет каждый мускул, если поймет, что спасение возможно *только* на том пути международной социалистической революции, на который мы вступили»¹⁴⁵. В той же статье со всей определенностью был заявлен тезис о наличии у победившего русского пролетариата своего, отвоёванного у международного капитала революционного Отечества и необходимости его защиты в условиях обостряющегося классового противостояния и реальной угрозы иностранной агрессии. Война трудящихся за независимость своей социалистической республики рассматривалась уже как «отечественная»: «Мы оборонцы с 25 октября 1917 г. Мы за «защиту отечества», но та отечественная война, к которой мы идем, является войной за социалистическое отечество, за социализм, как отечество, за Советскую республику, как *отряд* всемирной армии социализма»¹⁴⁶. Спустя три дня, в своем выступлении на IV Чрезвычайном Всероссийском съезде Советов (14 марта 1918 г.) глава советского правительства еще более определенно обозначил отношение большевизма к вопросу об «отечестве»: «С 25 октября мы сказали открыто, что мы за защиту отечества, ибо у нас есть это отечество»¹⁴⁷. Таким образом, классическая марксистская формулировка в сложившихся условиях признавалась политически неактуальной.

Высадка войск стран Антанты на Севере и Дальнем Востоке России весной 1918 г. стала началом широкомасштабной интервенции против молодой Советской республики. Это событие, а также нарастающее гражданское противостояние привели советское руководство к необходимости провозглашения революционной войны как войны Отечественной. В связи со сложившимся положением был переориентирован и партийно-пропагандистский аппарат. В марте 1918 г., в резолюции VII съезда РКП(б) отмечалось: «Исторически неизбежны в настоящий период начавшейся эры социалистической революции многократные военные наступления империалистических государств (как с Запада, так и с Востока) против Совет-

¹⁴⁴ Гражданская война и иностранная интервенция в СССР. С. 74.

¹⁴⁵ Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 36. С. 79–80. Курсив источника.

¹⁴⁶ Там же. С. 82 (курсив в тексте).

¹⁴⁷ Там же. С. 110.

ской России... Первейшей и основной задачей и нашей партии, и всего авангарда сознательного пролетариата, и Советской власти съезд признает принятие самых энергичных, беспощадно решительных и драконовских мер для повышения самодисциплины и дисциплины рабочих и крестьян России, для разъяснения неизбежности исторического приближения России к освободительной, отечественной, социалистической войне»¹⁴⁸.

Призыв к защите нового социалистического Отечества звучал не только в документах большевистской партии, но и в решениях местных советских органов. Так, в постановлении V съезда Советов Дальнего Востока (Хабаровск, 25–28 августа 1918 г.), проходившего в условиях начавшегося наступления объединенных войск американо-японских интервентов и белогвардейцев, подчеркивалось: «Мы будем бороться всеми силами, имеющимися в нашем распоряжении. *Ни одной пяди своей социалистической родины не уступим без боя.* Если же под напором огромных вражеских сил мы должны будем отойти от теперь занятых нами позиций, то сделаем это лишь в последнюю минуту с проклятием в устах и для того, чтобы, собравшись со свежими силами, вновь ринуться на обнаглевших врагов»¹⁴⁹.

Признание социальной борьбы русских трудовых масс как борьбы национально-освободительной, против агрессии западных буржуазных правительств и связанного с ними отечественного капитала – со всей определенностью было обозначено в заявлении наркоминдела Г. В. Чичерина, опубликованного на страницах газеты «Известия» в сентябре 1918 г. В «Ответной ноте Народного комиссара по иностранным делам», предъявленной представителям нейтральных держав, Чичерин подчеркивал: «Подавляющее большинство русского народа в лице Второго съезда рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов отдало власть в руки Рабоче-Крестьянского Правительства. Кучка капиталистов, желавших получить обратно в свои руки фабрики и банки, отнятые у них в пользу всего народа, кучка генералов, желающих снова палкой учить подчинению рабочих и крестьян, не признали этого решения русского народа. Они при помощи денег иностранного капитала мобилизуют контрреволюционные банды, при помощи которых обрезают Россию от хлеба, дабы костлявая рука голода задушила русскую революцию... Они предали Россию на юге, севере и востоке чужестранным империалистическим государствам, призывая чужие штыки отовсюду, откуда только их могут получить... Эту контрреволюционную клику, пользующуюся поддержкой иностранного капитала и русской буржуазии, желающей набросить на шею русского народа петлю рабства и войны, русский трудовой народ беспощадно подавит»¹⁵⁰. Задачи обороны республики от внешней агрессии и внутренней контрреволюции приобрели для советского руководства первостепенное значение. 29 июля 1918 г. объединенное заседание ВЦИК, Моссовета и представителей рабочих организаций объявило социалистическое Отечество в опасности и призвало трудящихся к его защите. Позднее, в начале сентября 1918 г. – в период, когда положение на фронтах стало наиболее критическим, – ВЦИК объявил Советскую республику единым военным лагерем. Постановление ВЦИК от 2 сентября гласило: «Все силы и средства Социалистической республики ставятся в распоряжение священного дела вооруженной борьбы против насильников»¹⁵¹. Обращает внимание использование здесь нехарактерной для коммунистов терминологии – борьба против классовых врагов впервые объявлялась «священной». Были приняты меры по организации централизованного руководства фронтами и военными учреждениями, 6 сентября 1918 г. был создан Революционный военный совет республики (РВСР) – орган, призванный осуществлять в условиях войны непосредственное руководство армией и флотом. Его председателем был

¹⁴⁸ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 8-е изд. М., 1970–1972. Т. 2. С. 26.

¹⁴⁹ Героические годы борьбы и побед. С. 80. Курсив источника.

¹⁵⁰ Известия ВЦИК. 1918. 13 сентября.

¹⁵¹ Правда. 1918. 4 сентября.

назначен Л. Д. Троцкий. Постановлением ВЦИК от 30 ноября 1918 г. образовывается чрезвычайный орган Советского государства – Совет рабочей и крестьянской обороны. Его возглавил В. И. Ленин, в первоначальный состав Совета были включены И. В. Сталин, Л. Д. Троцкий, Л. Б. Красин и другие партийные и советские руководители. На протяжении 1918 г. шёл процесс формирования Рабоче-Крестьянской Красной Армии, организации ее военных и политических структур.

Придерживаясь принципиальной установки на неизбежность скорой европейской революции, которая произойдёт лишь в случае удержания коммунистами власти в России, В. И. Ленин и большевики рассматривали вопрос о защите Отечества также в общем контексте решения задач мировой революции. В своем докладе на объединённом заседании ВЦИК и Моссовета 14 мая 1918 г. глава советского правительства подчеркивал: «Мы оборонцы после 25 октября 1917 года, мы завоевали право на то, чтобы защищать отечество... Мы защищаем отечество от империалистов... Мы защищаем не великодержавность: от России ничего не осталось, кроме Великороссии, – не национальные интересы, мы утверждаем, что интересы социализма, интересы мирового социализма выше интересов национальных, выше интересов государства. Мы оборонцы социалистического отечества... Это маленький островок среди окружающей империалистический мир войны, но на этом островке мы показали и доказали все, что может сделать рабочий класс»¹⁵². Классовое отношение к идее патриотизма проявлялась и в более поздних высказываниях В. И. Ленина. Патриотизм в своем дореволюционном «исконном» значении рассматривался как идеология буржуазии, идеология, мешающая сплочению интернациональных масс, замыкающая себя в национально-государственных границах. В ноябре 1918 г. Ленин констатировал: «Наша революция боролась с патриотизмом. Нам пришлось в эпоху Брестского мира идти против патриотизма (имеется в виду признание большевиками тяжелых и унижительных для России условий Брестского мира с Германией – А. К.). Мы говорили: если ты социалист, такты должен все свои патриотические чувства принести в жертву во имя международной революции»¹⁵³. Вместе с этим новая политическая обстановка, военное положение, в котором с весны 1918 г. оказалась Советская республика, объективно способствовали утверждению патриотической идеи как важного элемента пропаганды революционного оборончества.

Первые значительные победы Красной Армии над войсками белогвардейцев и чехословаков в Поволжье осенью 1918 г. укрепили позиции большевиков и способствовали переходу на их сторону значительной части среднего крестьянства. В ноябре 1918 г. В. И. Ленин отмечал: «Неизбежно наступил поворот в положении мелкобуржуазной демократии... Это поворот не случайный, не личный. Он касается миллионов и миллионов людей, которые поставлены в России в положение среднего крестьянства... Поворот касается всей мелкобуржуазной демократии. Она шла против нас с озлоблением, доходящим до бешенства, потому что мы должны были ломать все ее патриотические чувства. А история сделала так, что патриотизм теперь поворачивает в нашу сторону. Ведь ясно, что нельзя свергнуть большевиков иначе как иностранными штыками»¹⁵⁴.

В те же ноябрьские дни происходят революции в Германии и Австро-Венгрии. Эти события явились для большевиков не только подтверждением правоты их стратегии в отношении Брестского мира, но и укрепили уверенность в начале общеевропейской революции, в которой Советской России предстоит сыграть ведущую роль. 13 ноября 1918 г. ВЦИК аннулирует Брестский договор. Выступления В. И. Ленина того времени проникнуты идеями революционно-патриотического мессианства. Так, в своей речи на III съезде рабочей коопе-

¹⁵² Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 36. С. 341–342.

¹⁵³ Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 37. С. 213.

¹⁵⁴ Там же. С. 215–216.

рации 9 декабря 1918 г. он подчеркивал: «Раньше западные народы рассматривали нас и все наше революционное движение, как курьез. Они говорили: пускай себе побалуется народ, а мы посмотрим, что из всего этого выйдет... Чудной русский народ!.. И вот этот «чудной русский народ» показал всему миру, что значит его «баловство»». В настоящий момент, когда подошло начало немецкой революции, один из иностранных консулов говорил Зиновьеву: «Да еще не известно, кто больше использовал Брестский мир, вы или мы». Это говорил он потому, что все говорят то же самое. Все увидали, что это только начало всемирной великой революции. И это начало великой революции положили мы, отсталый русский «чудной» народ... Нужно сказать, что история идет странными путями: на долю страны отсталой выпала честь идти во главе великого мирового движения. Это движение видит и понимает буржуазия всего мира»¹⁵⁵.

Показательно, что выдвинутый В. И. Лениным тезис о ведущей роли русского народа в деле социального освобождения человечества нашел отклик и у представителей интеллигенции, ранее оппозиционно настроенной к новой власти. Недавний идейный оппонент большевизма А. М. Горький в своем выступлении на I конгрессе Коммунистического Интернационала в марте 1919 г. отмечал: «Сегодня началась великая работа освобождения людей из крепкой, железной паутины прошлого... Случилось так, что впереди народов идут на решительный бой русские люди... Сегодня они идут к победе или на смерть пламенно и мужественно, как старые, привычные бойцы... То, что творится сейчас на Руси, должно быть понято, как гигантская попытка претворить в жизнь, в дело великие идеи и слова, сказанные учителями человечества, мудрецами Европы... И если честные русские революционеры, окруженные врагами, измученные голодом, будут побеждены, то последствия этого страшного несчастья тяжко лягут на плечи всех революционеров Европы, всего ее рабочего класса... Русский рабочий верит, что его братья в Европе не дадут задушить Россию»¹⁵⁶.

Несмотря на следование марксистской установке на «мировую революцию» и учреждение для этих целей Коммунистического Интернационала, расчеты большевистских руководителей на скорую поддержку Советской России европейским (прежде всего, германским) пролетариатом не оправдались. Революции 1919 года в Баварии и Венгрии были подавлены интервентами и внутренней контрреволюцией. «Нас блокирует Европа, мы лишены ожидавшейся помощи европейского пролетариата, на нас со всех сторон... лезет контрреволюция», – констатировал В. И. Ленин¹⁵⁷. Однако, надежды на возможную поддержку Советской России со стороны пролетариата Европы (а с начала 1920-х гг. – и трудящихся Азии, прежде всего Китая) оставались у части большевистского руководства вплоть до начала 1930-х гг.

Продолжавшаяся Гражданская война, усиление иностранной интервенции, блокада центральных районов России, реальная угроза гибели Советского государства и коммунистической власти – все эти факторы объективно подвели большевистское руководство к более широкому использованию идей русского патриотизма в пропаганде революционного оборончества. В причудливом сочетании с идеями интернационализма и всемирной пролетарской революции русский патриотизм, в большевистской интерпретации (позднее названной философом Н. В. Устряловым «национал-большевизмом»), становился одним из элементов раннесоветской идеологии. Задача защиты революционного Отечества и «освободительная миссия» русского пролетариата по отношению к угнетенным другим стран и народов требовали воспитания у красноармейцев качеств интернационалиста и патриота. Этому способствовал ряд факторов. К концу гражданской войны в пятимиллионной РККА русские составляли абсолютное численное большинство – 77,6 %, украинцы – 13,7 %,

¹⁵⁵ Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 37. С. 347–348.

¹⁵⁶ Цит. по: Бунин И. А. Окаянные дни. М., 1990. С. 111.

¹⁵⁷ См.: Горький А. М. Поли. собр. соч. Т. 19. С. 36.

белорусы – 4 %, татары, башкиры, латыши и другие национальности – 4,7 % (кроме того, в частях Красной Армии в разное время служили около 200 тыс. зарубежных интернационалистов)¹⁵⁸. Другим немаловажным фактором являлась деятельность белогвардейских диверсионно-пропагандистских органов (прежде всего, колчаковского РОПД и деникин-ского ОСВАГ)¹⁵⁹, направленная на дискредитацию большевизма как «антинационального» движения, на идеологический подрыв Красной Армии и советского тыла. Широко практиковалась публикация и переброска в части РККА материалов об «антипатриотической» политике коммунистов (в частности, о «германо-большевистском заговоре» – фрагменты из так называемых «документов Сиссона»), фальшивых номеров партийных и советских газет («Правда», «Беднота» и др.), поддельные декреты Советского правительства и приказы по Красной Армии¹⁶⁰.

Все это заставляло руководство республики усилить пропагандистскую работу в РККА. В 1919 г. в Красной Армии и на Флоте окончательно сложилась структура партийно-политического аппарата: партиячейки, институт военных комиссаров, политотделы во главе с Политуправлением Реввоенсовета Республики (РВСР). Кроме политучебы, разъяснения политики партии и Советского государства предпринимались первые шаги по патриотическому воспитанию красноармейцев. Для этого понадобилось обращение к армейским традициям и военному теоретическому наследию дореволюционной России.

Показательно в этом отношении введение в октябре 1918 г. обязательной для всей Красной Армии «Служебной книжки красноармейца» – первого кодекса военной этики и учебника политграмоты советских вооруженных сил. Она была утверждена и издана за подписями В. И. Ленина и Я. М. Свердлова. Вместе с обозначением срока прохождения службы, перечислением выданного красноармейцу оружия, снаряжения и обмундирования в «Книжку» были включены основные положения Конституции РСФСР, некоторые декреты Советского правительства, рассказывалось о предназначении РККА, о военном долге красноармейца перед Советской республикой. «Книжка» призывала к отваге, мужеству, воинской доблести и преданности своей социалистической Родине. Свое новое содержание получило и понятие «воинской чести»: «Революционная *воинская честь* есть сознание собственного достоинства, как воина-революционера Рабоче-Крестьянской Красной Армии и гражданина свободной страны, исполняющего по совести свой долг»¹⁶¹. Характерным «новшеством» стала публикация в «Служебной книжке красноармейца» цитат из книги А. В. Суворова «Наука побеждать» (были включены 10 наиболее важных воинских правил великого русского полководца)¹⁶². В 1919 г. Политуправлением РВСР была издана листовка «Наказ красноармейцу», которая призывала к бережному отношению к военному имуществу и учила правилам поведения в бою. Листовка включала в себя несколько правил, составленных на основе русских народных пословиц и поговорок¹⁶³.

Эти факты свидетельствовали о стремлении большевистского партийного руководства и подчиненных ему политорганов РККА возродить некоторые, необходимые в военных условиях традиции русской армии, патриотическое воспитание военнослужащих. Политорганы Красной Армии (с 1946 г. – Советской Армии) на протяжении всей советской истории будут выполнять функцию «пропагандиста» политики Коммунистической партии в Воору-

¹⁵⁸ Самойленко В. Ф. Народ и армия едины. М., 1974. С. 10; Гражданская война и военная интервенция в СССР. С. 236.

¹⁵⁹ РОПД – Русское общество печатного дела (май-декабрь 1919 г.); ОСВАГ – Осведомительное агентство (август 1919 г. – март 1920 г.).

¹⁶⁰ Гражданская война и иностранная интервенция в СССР. С. 423–424.

¹⁶¹ Гражданская война и иностранная интервенция в СССР. С. 266; Суворовский сборник. М., 1951. С. 275–276. Курсив источника.

¹⁶² Там же.

¹⁶³ Листовки гражданской войны в СССР 1918–1922 гг. М., 1942. С. 19.

женных Силах, станут для армии главным проводником официальной линии, направленной на сочетание идей «пролетарского интернационализма» и русского патриотизма, получившего в 1930-е гг. наименование «советский патриотизм».

Следование русским военным традициям нашло отражение и во введении новой формы для военнослужащих РККА. В апреле 1918 г. приказом наркома по военным и морским делам Л. Д. Троцкого была учреждена комиссия по разработке формы обмундирования красноармейцев, а в мае объявлено положение о конкурсе по установлению форм одежды. В конкурсной разработке приняли участие известные русские художники того времени: В. М. Васнецов, Б. М. Кустодиев, М. Д. Езучевский и др. 16 января 1919 г. приказом РВСР был утвержден головной убор красноармейца – шлем из сукна со звездой, получивший неофициальное название «богатырка». Действительно, по своей форме новый головной убор напоминал древнерусскую «ерихонку» или шлем с бармицей. Позднее он получит название «фрунзевка» (по имени командующего войсками Восточного фронта М. В. Фрунзе), а затем и свое наиболее известное название – «буденовка» (по имени командующего 1-й Конной Армии С. М. Буденного). Различные модификации этого головного убора использовались в Красной Армии вплоть до начала Великой Отечественной войны¹⁶⁴.

Задача создания новых вооруженных сил Республики Советов требовала привлечения в их ряды опытных командных кадров царской армии. 10 июля 1918 г. Пятый Всероссийский съезд Советов вынес постановление о мобилизации в Красную Армию офицеров старой армии. 29 июля был принят Декрет СНК РСФСР об обязательном призыве на службу в Красную Армию бывших офицеров, чиновников, врачей. Показательно, что еще до принятия Декрета, к июню 1918 г. около 9 тыс. офицеров добровольно вступили в Красную Армию¹⁶⁵. К августу 1920 г. на службе в Красной Армии состояло 48 тыс. бывших генералов и офицеров царской армии, более 10 тыс. военных чиновников, 14 тыс. военных врачей. К концу Гражданской войны они составляли треть комсостава Красной Армии и Красного флота¹⁶⁶. Поскольку количество бывших царских офицеров, служивших красным, пополнялось незначительно, на службу в РККА за период войны было взято более 14 тыс. пленных белых офицеров. К 1920 г. среди командного состава РККА бывшие белые офицеры составляли 92,3 % командующих фронтами, 100 % начальников штабов фронтов, 91,3 % командующих армиями, 97,4 % начальников штабов армий, 88,9 % начальников дивизий и 97 % начальников штабов дивизий¹⁶⁷. За весь период войны в Красной Армии служило 775 бывших генералов и адмиралов – более половины состава генералитета (1263 человека на 1 января 1914 г.)¹⁶⁸. Среди кадровых военных царской армии, перешедших на службу к Советской власти в годы Гражданской войны можно назвать имена генерал-лейтенантов К. И. Величко и М. Д. Бонч-Бруевича, генерал-майоров Ф. Ф. Новицкого, А. А. Самойло, П. П. Лебедева, адмирала А. В. Немитца, контр-адмирала В. С. Альтфатера, полковников Б. М. Шапошникова, С. С. Каменева, И. И. Вацетиса, подполковника Д. М. Карбышева и др. Особое место в этом списке принадлежит знаменитому русскому военачальнику Первой мировой войны А. А. Брусилову. В 1916 г. он являлся главнокомандующим Юго-Запад-

¹⁶⁴ Вопрос о времени и мотивах создания формы остается дискуссионным. По мнению одних исследователей, она была изготовлена по эскизам В. М. Васнецова и К. А. Коровина еще в годы Первой мировой войны и предназначалась для предполагавшегося победного парада русских войск в Берлине. Невостребованная для этой цели она в 1918 г. была взята со складов для обмундирования Красной Армии. Другие исследователи считают, что форма была разработана в 1918 г. русскими художниками после соответствующего приказа Наркомвоенмора Л. Д. Троцкого. См.: Гражданская война и военная интервенция в СССР. С. 637–638; *Дерябин А. И.* Гражданская война в России 1917–1922. Красная Армия. М., 1998. С. 3–5; *Сопельняк Б.* Буденовка – любимый головной убор красноармейцев // *Вечерняя Москва*. 2010. № 27.

¹⁶⁵ *Гражданская война и иностранная интервенция в СССР*. С. 107.

¹⁶⁶ *Кавтарадзе А. Г.* Военные специалисты на службе Республики Советов. 1917–1920 гг. М., 1988. С. 167.

¹⁶⁷ *Волков С. В.* Трагедия русского офицерства. М., 2002. С. 316.

¹⁶⁸ *Кавтарадзе А. Г.* Военные специалисты на службе Республики Советов. С. 22.

ного фронта (войска которого осуществили прорыв австро-венгерского фронта), в мае-июле 1917 г. – верховным главнокомандующим. Когда весной 1918 г. представители белого командования обратились к Брусилову с письмом-предложением возглавить «добровольческие» силы на Дону, он ответил подателю этого письма: «Никуда не поеду. Пора нам забыть о трехцветном знамени и соединиться под красным»¹⁶⁹. С мая 1920 г. прославленный полководец был назначен председателем Особого совещания при главнокомандующем всех Вооруженных Сил Республики. Многие представители старой русской армии, принявшие Советскую власть, рассматривали службу в РККА как исполнение своего патриотического долга. Так, контр-адмирал В. С. Альтфатер, перешедший к большевикам еще в начале революции, говорил К. Б. Радеку в 1918 г.: «Я вам не верил, теперь буду помогать и делать свое дело, как никогда я этого не делал – в глубоком убеждении, что служу родине»¹⁷⁰.

Белое командование расценивало многочисленные факты сотрудничества генералитета и офицерства с советскими властями как измену «русскому делу». 14 ноября 1918 г. выходит приказ Главнокомандующего Добровольческой армии А. И. Деникина. В нем говорилось: «К стыду и позору русского офицерства много офицеров, даже в высоких чинах, служат в рядах красной армии»¹⁷¹. ... Объявляю, что никакие мотивы не будут служить оправданием этого поступка. Ведя смертный бой с большевизмом, мы в провокаторах не нуждаемся... Всех, кто не оставит безотлагательно ряды красной армии, ждет проклятие народное и полевой суд Русской Армии – суровый и беспощадный»¹⁷². Измена «белому делу» сурово каралась – многие служившие в Красной Армии бывшие царские генералы и офицеры, оказавшиеся в плену у белогвардейцев, за отказ перейти на их сторону были казнены. В их числе: генерал-лейтенант А. А. Таубе, генерал-майор А. В. Станкевич, генерал-майор А. П. Николаев, генерал-лейтенант А. П. Востросаблин и другие.

В Циркулярном письме ЦК РКП(б) об укреплении Красной Армии от 14 июля 1919 г. отмечалось: «Из числа офицеров за полтора года путём естественного отбора выделилась группа военных деятелей по большей части, которые с преданностью и самоотверженностью служат делу рабоче-крестьянской России. Сотни и сотни этих офицеров погибли в первых рядах, сражаясь бок о бок с нами против белогвардейцев. Сотни и сотни таких офицеров остаются в рядах нашей Красной Армии и служат ей верой и правдой. Само собой понятно, что эта часть офицерства заслуживает величайшего уважения со стороны рабочих»¹⁷³. Вместе с этим в письме ЦК РКП(б) обращалось внимание на факты предательства со стороны военспецов и содержался призыв к усилению роли армейских политкомиссаров¹⁷⁴. Это было определено решениями VIII съезда партии (март 1919 г.), осудившего политическую линию Л. Д. Троцкого в армии, выразившуюся в чрезмерном преклонении перед авторитетом военспецов и сведении к минимуму роли партийных организаций.

Усиление иностранной интервенции, продвижение белогвардейских войск к центральным районам страны требовали от советского правительства не только экстренных мер по созданию новой армии, но и налаживания эффективной политико-пропагандистской работы внутри республики, на фронте и на территории, занятой противником. Эта работа осуществлялась под руководством ЦК РКП(б), ВЦИК и СНК РСФСР – Наркоматом просвещения, Политуправлением Реввоенсовета Республики (ПУР), советскими издательствами, культотделами Советов, Российским телеграфным агентством при ВЦИК (РОСТА) и др. Наряду с

¹⁶⁹ См.: *Нестерович-Берг М. Л.* В борьбе с большевиками. Париж, 1931. С. 100.

¹⁷⁰ См.: *Агурский М. С.* Идеология национал-большевизма. М., 2003. С. 62.

¹⁷¹ Так в тексте – А. К.

¹⁷² Цит. по: *Шевцов П. А.* Страницы истории гражданской войны. М., 1992. С. 162.

¹⁷³ КПСС в резолюциях. Т. 2. С. 113.

¹⁷⁴ Там же.

призывами к мировой революции и к сплочению интернациональных сил в борьбе с международным капиталом, в советских пропагандистских документах 1918–1919 гг. (материалах периодической печати, воззваниях, листовках, агитплакатах и т. д.) все чаще обращались к идеям социалистического патриотизма, защиты территориальной целостности России.

Так, в листовке «Чего хотят англичане, французы, идущие против нас войной?», выпущенной в 1918 г. издательством ВЦИК, подчеркивалось: «Они (интервенты – *А. К.*) захватили дорогу на Мурманск, весь берег Белого моря, Онегу, Архангельск. Нашлись предатели, которые им помогли. Они пушками с крейсеров громили мирное население – за что, что мы им сделали?... Чего же хотите вы, король, президент, лорды и герцоги, купцы и банкиры, помещики Америки, Англии, Франции, Японии?». Далее в листовке приводятся их слова: «Мы хотим сожрать вас, мы хотим захватить ваши леса на севере, ваши гавани, ваши дороги. Мы хотим, чтобы лен и пенька, лес и хлеб, все, чем богата ваша страна, медь и железо, свинец, серебро, платина, золото, – все мы хотим захватить... Мы хотим захватить и север, и Волгу, и Урал, и Кавказ. Нам нужны ваши источники нефти, ваши рудники и шахты, ваши рыбные¹⁷⁵ ловли, все заберем!.. Мы хотим посадить вам на шею царя, потому что и в нашей стране (имеется ввиду Великобритания – *А. К.*) король Георг, – родственник Романова, потому что наша буржуазия – родная вашей, наши помещики – родные вашим...». Завершается листовка словами: «Вот чего хотят эти люди. Гоните их вон!»¹⁷⁶. Примечательно, что в данном документе представители русских эксплуататорских классов фактически отождествляются с иностранными захватчиками. Подобным образом обозначался антинациональный характер всего контрреволюционного движения. В одном из выпусков агитационного плаката – «Окон сатиры РОСТА» за 1919 г. генерал Деникин был представлен в образе свиньи, а противостоящий ему красноармеец – как страж новой России. Под рисунком был приведен текст В. В. Маяковского: «Русь – свинье не товарищ»¹⁷⁷. Борьба против иностранной интервенции заставляла большевиков-интернационалистов все чаще апеллировать к патриотическим чувствам русских, к их героическому прошлому. Например, в марте 1919 г., в оккупированной французскими войсками Одессе коммунистическим подпольем распространялась листовка с обращением к белогвардейцам: «Как вам не стыдно идти вместе с французами? Разве вы забыли 12-й год?»¹⁷⁸.

Использование большевиками идей русского патриотизма, обращение к национальным военным традициям в годы Гражданской войны еще не превратилось в определенную идеологическую линию, но являлось необходимым элементом политической пропаганды в условиях иностранной агрессии и гражданского противостояния. Публицист М. С. Агурский в своей работе «Идеология национал-большевизма», вышедшей в Париже в 1980 г., выдвигал гипотезу о том, что главным «теоретиком красного патриотизма и едва ли не его вождем оказывается Лев Троцкий»¹⁷⁹. В доказательство этого приводятся характерные цитаты Л. Д. Троцкого из его книги «Литература и революция», окрашенные в русско-патриотические тона. В частности, Троцкий утверждал, что «Октябрьская революция глубоко национальна»¹⁸⁰. Проводя параллель между деятельностью большевиков и радикальными реформами Петра I, противопоставляя русских революционеров государственному патриотизму эпохи Николая I, партийный лидер указывал на то, что «варвар Петр был национальнее всего бородатого и разужоренного прошлого», декабристы национальнее официальной

¹⁷⁵ Так в тексте – *А. К.*

¹⁷⁶ Цит. по: Гражданская война и иностранная интервенция в СССР. С. 515.

¹⁷⁷ Маяковский В. В. Собр. соч.: В 12 тт. М., 1978. Т. 7. С. 37.

¹⁷⁸ Цит. по: Агурский М. С. Идеология национал-большевизма. С. 159.

¹⁷⁹ Там же. С. 150.

¹⁸⁰ Там же. С. 151.

государственности Николая I, большевизм национальнее Врангеля и всей русской эмиграции¹⁸¹. Бездоказательность подобного утверждения М. С. Агурского подтверждается уже тем, что приведенные цитаты Л. Д. Троцкого содержатся в книге, написанной им в 1923 г., т. е. уже после окончания Гражданской войны. Книга отражала личные взгляды автора на вопросы отечественной истории и культуры и директивного характера не носила. Нет конкретных фактов, подтверждающих роль Троцкого в проведении патриотической пропаганды в РККА. Как отмечалось выше, к идеям патриотизма большевики обратились еще задолго до Октября 1917 г., и инициатива исходила непосредственно от В. И. Ленина. После VI съезда РСДРП(б) в августе 1917 г., когда Троцкий и группа «межрайонцев» были приняты в ряды партии, и в период гражданской войны – уже в должностях наркомвоенмора и председателя РВС республики новый партийный лидер не обозначил своей принадлежности к какой-либо национальности и не являлся пропагандистом патриотической идеи. Будучи убежденным интернационалистом, он постоянно это подчеркивал. В своих мемуарах «Моя жизнь», написанных в период эмиграции, Л. Д. Троцкий отмечал: «Национальный момент, столь важный в жизни России, не играл в моей личной жизни почти никакой роли. Уже в ранней молодости национальные пристрастия или предубеждения вызывали во мне рационалистическое недоумение, переходившее в известных случаях в безразличность, даже в нравственную тошноту. Марксистское воспитание углубило эти настроения, превратив их в активный интернационализм»¹⁸². Однако, пребывание на посту руководителя военного наркомата и Реввоенсовета республики на протяжении нескольких лет (1918–1925 гг.), и особенно в годы гражданской войны, способствовало формированию мнения о Л. Д. Троцком в среде интеллигенции как о «защитнике революционной Отчизны». Не случайно, в 1918 г. советскими политпропагандистами был выпущен плакат, где наркомвоенмор изображен в виде Георгия Победоносца. Текст плаката гласил: «Троцкий поражает дракона контрреволюции»¹⁸³. Тем не менее, опираясь на вышеприведенные исторические факты и материалы печати, можно утверждать, что главным инициатором введения элементов патриотической идеологии в советскую и партийную пропаганду тех лет следует считать В. И. Ленина.

Свое новое выражение идеи русского патриотизма как важная компонента пропаганды «революционного оборонничества» получают в период советско-польской войны. 25 апреля 1920 г. Польша, отвергнув мирные предложения советского правительства, вторглась на территорию Украины, 6 мая польскими войсками был взят Киев. Одновременно польская армия развернула наступление на Белоруссию. Страны Антанты, заинтересованные в создании «санитарного кордона» против большевизма, поддерживая провозглашенную польскими правящими кругами идею «великой Польши от моря до моря» (от Данцига до Одессы), оказали значительную материальную помощь режиму Ю. Пилсудского. По данным, приведенным российским историком М. И. Мельтюховым, «весной 1920 г. Англия, Франция и США поставили Польше 1494 орудия, 2800 пулеметов, 385,5 тыс. винтовок, 42 тыс. револьверов, около 700 самолетов, 200 бронемашин, 800 грузовиков, 4,5 тыс. повозок, 3 млн. комплектов обмундирования, 4 млн. пар обуви, средства связи и медикаменты»¹⁸⁴. О целях, преследуемых польским правительством, красноречиво свидетельствует документ, подготовленный по указанию Ю. Пилсудского 1 марта 1920 г. для командного состава Волынского фронта: «Глава государства и польское правительство стоят на позиции безусловного *ослабления России...* В настоящее время польское правительство намерено поддержать национальное украинское движение, чтобы создать самостоятельное украинское государство и

¹⁸¹ См.: Троцкий Л. Д. Литература и революция. М., 1991. С. 82.

¹⁸² Троцкий Л. Д. Моя жизнь. М., 1990. Т. 2. С. 63.

¹⁸³ См.: Емельянов Ю. В. Троцкий: мифы и личность. М., 2003. С. 240 (вкладка).

¹⁸⁴ Мельтюхов М. И. Советско-польские войны. М., 2004. С. 51–52.

таким путем значительно ослабить Россию, оторвав от нее самую богатую зерном и природными ископаемыми окраину. Ведущей идеей создания самостоятельной Украины *является создание барьера между Польшей и Россией*, переход Украины под польское влияние и обеспечение таким путем экспансии Польши, как экономической – для создания себе рынка сбыта, так и политической». В документе также указывалось на необходимость захвата черноморских портов, что позволило бы Польше занять «такое положение в отношении восточноевропейских государств, какое сейчас в отношении Польши занимают западноевропейские государства... Порты на Балтике будут иметь значение, когда Польша одновременно получит порты на Черном море»¹⁸⁵.

Нападение Польши на советские республики – Украину и Белоруссию было воспринято в Москве как начало новой интервенции стран Антанты против Советской России. 23 мая в советской печати публикуются тезисы ЦК РКП(б) «Польский фронт и наши задачи», в которых война с буржуазной и «шляхетской» Польшей объявлялась «центральной задачей всей рабоче-крестьянской России». Трудящиеся Советской России, как подчеркивалось в этом документе, должны были осознать, что отражение польской агрессии является общенациональным делом: «Рабочий и работница, крестьянин и крестьянка должны понять и почувствовать, что война с Польшей есть их война, есть война за независимость социалистической России». При этом в «Тезисах» указывалось, что эта война ведется за будущий «союз с социалистической Польшей и с пролетариями Европы и всего мира»¹⁸⁶. События апреля-мая 1920 г. привели, по мнению М. И. Мельтюхова «к определенному национальному сплочению в расколотой гражданской войной стране»¹⁸⁷. Призыв к национальному объединению в условиях польской агрессии нашел свое яркое выражение в письме генерала А. А. Брусилова к начальнику Всероссийского главного штаба Н. И. Раттелю и в воззвании к белому офицерству представителей генералитета бывшей царской армии.

В письме, направленном 1 мая 1920 г. Н. И. Раттелю, генерал А. А. Брусилов, выражая свое беспокойство обстановкой на советско-польском фронте, отмечал: «За последние дни пришлось мне читать ежедневно в газетах про быстрое и широкое наступление поляков, которые, по видимому желают захватить все земли, входившие в состав Королевства Польского до 1772 г., а может быть, и этим не ограничатся... При такой обстановке было бы желательно собрать совещание из людей боевого и жизненного опыта для подробного обсуждения настоящего положения России и наиболее целесообразных мер для избавления от иностранного нашествия... Первою мерою должно быть возбуждение народного патриотизма, без которого крепкой, боеспособной армии не будет». Признавая, что «старое павшее правительство было неправо, держа часть польского братского народа... под своим владычеством», А. А. Брусилов, вместе с тем, подчеркивал, что «свободная Россия, освободив поляков и дав им возможность самоопределиваться и устроиться по своему желанию, вправе требовать того же самого от них, и польское нашествие на земли, искони принадлежащие русскому православному народу, необходимо отразить силою...»¹⁸⁸.

Мотивация этого письма была изложена А. А. Брусиловым позднее: «Я хотел что-нибудь предпринять, чтобы оградить Россию от Польши, вместе с тем возбудить в армии национальный дух, вернее, расшевелить национализм». Прославленный полководец с возмущением писал о военном союзе врангелевцев и поляков, выступивших одновременно против Советской России, подчеркивая политическую недалекость сторонников «белого дела», не понимавших, что «поляки, завладев нашими западными губерниями, не отдадут

¹⁸⁵ Мельтюхов М. И. Советско-польские войны. М., 2004. С. 54 (курсив в тексте).

¹⁸⁶ КПСС в резолюциях. Т. 2. С. 184.

¹⁸⁷ Мельтюхов М. И. Советско-польские войны. С. 70.

¹⁸⁸ Правда. 1920. 7 мая.

их обратно без новой войны кровопролития». Окончательное разочарование в возможностях белого движения нашло отражение в следующих признаниях А. А. Брусилова: «Я думал, что пока большевики стерегут наши бывшие границы, пока Красная Армия не пускает в бывшую Россию поляков, мне с ними по пути. Они сгинут, а Россия останется. Я думал, что меня поймут там, на Юге. Но нет, не поняли»¹⁸⁹.

Опубликованное в «Правде» письмо А. А. Брусилова Н. И. Раттелю сопровождалось обширными редакционными комментариями. В них, в частности, отмечалось: «В высокой степени знаменательно, что А. А. Брусилов самым фактом предложения своих услуг для дела борьбы с буржуазно-шляхецкой Польшей как бы подтвердил от лица известных общественных кругов, что рабоче-крестьянская власть имеет право желать и требовать поддержки и помощи от всех честных и преданных народу граждан, независимо от их прошлого воспитания, в той великой борьбе на Западе, от которой зависит будущее России»¹⁹⁰.

Реввоенсовет республики, рассмотрев предоставленное Н. И. Раттелем письмо А. А. Брусилова, в котором излагалась идея создания Особого совещания, 2 мая принимает решение: «В целях всестороннего освещения вопросов, связанных с этой борьбой, от исхода которой зависит судьба не только украинского, но и русского народа... образовать при главнокомандующем всех вооруженных сил республики высокоавторитетное по своему составу особое совещание по вопросам увеличения сил и средств для борьбы с наступлением польской контрреволюции»¹⁹¹. 5 мая этот приказ был опубликован в «Правде». Председателем Особого совещания назначался Брусилов. В состав совещания вошли известные военачальники – А. А. Поливанов, В. Н. Клембовский, П. С. Балувев, А. Е. Гутор, А. М. Зайончковский, А. А. Цуриков, М. В. Акимов, Д. П. Парский и другие.

Одной из первых акций, предпринятых участниками Совещания, явилось составление воззвания «Ко всем бывшим офицерам, где бы они ни находились». 30 мая оно было опубликовано в «Правде». В нем, в частности, отмечалось: «Свободный русский народ освободил все бывшие подвластные народы и дал возможность каждому из них самоопределиться и устроить свою жизнь по собственному произволению. Тем более имеет право сам русский и украинский народ устраивать свою участь и свою жизнь так, как ему нравится, и мы все обязаны по долгу совести работать на пользу, свободу и славу своей родной матери России...». Раскрыв цели, преследуемые польскими интервентами, авторы воззвания обратились с патриотическим призывом к русскому офицерству сплотиться перед угрозой внешней агрессии: «В этот критический исторический момент нашей народной жизни мы, ваши старшие боевые товарищи, обращаемся к вашим чувствам любви и преданности к родине и взываем к вам с настоятельной просьбой забыть все обиды, кто бы и где их вам ни нанес, и добровольно идти с полным самоотвержением и охотой в Красную Армию на фронт или в тыл, куда бы правительство Советской Рабоче-Крестьянской России вас ни назначило, и служить там не за страх, а за совесть, дабы своей честной службой, не жалея жизни, отстоять во что бы то ни стало дорогую нам Россию и не допустить ее расхищения, ибо в последнем случае она безвозвратно может пропасть, и тогда наши потомки будут нас справедливо проклинять и правильно обвинять за то, что мы из-за эгоистических чувств классовой борьбы не использовали своих боевых знаний и опыта, забыли свой родной русский народ и загубили свою матушку-Россию»¹⁹². Примечательно, что на страницах главной газеты большевистской партии были опубликованы строки, в которых содержался призыв к «надклассовой» солидарности русских патриотов в условиях военной агрессии против России.

¹⁸⁹ Цит. по: Соколов Ю. В. Красная звезда или крест? М., 1994. С. 117.

¹⁹⁰ Правда. 1920. 7 мая.

¹⁹¹ Правда. 1920. 5 мая.

¹⁹² Правда. 1920. 30 мая.

2 июня 1920 г. Совнаркомом был принят декрет «О бывших офицерах», подписанный В. И. Лениным.

Декрет гласил: «Все те бывшие офицеры, которые в той или другой форме окажут содействие скорейшей ликвидации остающихся еще в Крыму, на Кавказе и в Сибири белогвардейских отрядов и тем облегчат и ускорят победу рабоче-крестьянской России над шляхетской Польшей, будут освобождены от ответственности за те деяния, которые они совершили в составе белогвардейских армий Врангеля, Деникина, Колчака, Семенова и проч.»¹⁹³. В декрете нашло свое отражение стремление Советского правительства привлечь опытные военные кадры для служения народной власти, гарантировавшей реабилитацию участникам белого движения, а также военнопленным белогвардейцам. Первые отклики на эти документы появились уже через несколько дней после их опубликования. Как пишет историк А. Г. Кавтарадзе, «группа бывших колчаковских офицеров, сотрудников хозяйственного управления Приуральского военного округа, обратилась 8 июня 1920 г. к военному комиссару этого управления с заявлением, в котором было сказано, что в ответ на обращение Особого совещания и декрет от 2 июня 1920 г. они испытывают «глубокое желание честной службой» искупить свое пребывание в рядах колчаковцев и подтверждают, что для них не будет более «почетной службы, чем служба родине и трудящимся», которым они готовы отдать себя всецело на служение «не только в тылу, но и на фронте»¹⁹⁴.

Идея патриотического, общенародного «надклассового» объединения в условиях военной польской интервенции получила свое выражение в публикациях советского журнала «Военное дело». Так, в мае 1920 г. на его страницах приводилась следующая оценка советско-польской войны: «Польша этой войной лишь содействует выздоровлению России. Пусть эта война для одних будет «гражданской» с точки зрения идеалов социализма, для других она «война за неприкосновенность, за цельность России», война за честь «русского флага», т. е. в чистом виде *оборона от внешних врагов*. Здесь Россия найдет путь к единению: беспартийный и коммунист, патриот и искренний член интернационала от сердца могут подать руку друг другу для совместных усилий в грядущей борьбе»¹⁹⁵. Еще более яркое выражение пафос русского революционного патриотизма получил в «Обзоре боевых действий Красной Армии» в мае месяце 1920 г. на страницах того же издания: «Наступила весна, и, несмотря на неимоверно тяжелые зимние походы и блестящие победы Красной Армии, ее оружие снова обнажено на *западе*, где гремит непрерывная канонада и решается вековой спор с *ляхами*. Еще несколько месяцев усилий красных бойцов Руси нужны для окончания цикла возгоревшихся войн 20-го века! Гремят призывом боевые трубы по всей Руси, сзывая бойцов на последний «смертный» бой с *ляхами*! *Эй Русь, вперед на защиту своих «вековых» прав — встань, как один против недруга!*»¹⁹⁶. Однако, как отмечает М. И. Мельтюхов, некоторые откровенно антипольские и «великорусские» публикации «Военного дела» вызвали недовольство Л. Д. Троцкого. В частности, это относилось к статье начальника Оперативного управления Полевого штаба РВСР Б. М. Шапошникова «Первые боевые шаги маршала Пилсудского», в которой «честный и открытый дух великорусского племени» противопоставлялся «природному иезуитству *ляхов*». По мнению наркомвоенмора, «это противоречило духу братства русского рабочего класса к трудящимся массам Польши»¹⁹⁷. Издание журнала «Военное дело» было приостановлено до радикального изменения состава редак-

¹⁹³ Кавтарадзе А. Г. Военные специалисты на службе Республики Советов. С. 169.

¹⁹⁴ Там же.

¹⁹⁵ Цит. по: Мельтюхов М. И. Советско-польские войны. С. 72. Курсив источника.

¹⁹⁶ Там же (курсив — в тексте).

¹⁹⁷ Там же. С. 626; см. также: Советско-польские отношения в политических условиях Европы 30-х годов XX столетия. М., 2001. С. 61–62.

ции. Это свидетельствовало, что Б. М. Шапошников и другие авторы журнала своими антипольскими публикациями «переступили» определенную идеологическую «черту», отделяющую партийную пропаганду революционного оборончества от явных призывов к русскому национализму. Предпринятая в отношении журнала мера также соответствовала указанию ЦК РКП(б) редакциям газет, подчеркивавшему, что «в статьях о Польше и польской войне необходимо строжайшим образом исключить возможные уклоны в сторону национализма и шовинизма»¹⁹⁸.

В результате успешно проведенного контрнаступления в мае-июле 1920 г. Красная Армия освободила захваченные противником территории Украины и Белоруссии и вступила в пределы Польши. Еще за несколько дней до освобождения столицы Белоруссии Минска, 2 июля РВС Западного фронта отдает знаменитый приказ № 1423: «Красные солдаты! Пробил час... Войска Красного Знамени и войска гниющего белого орла стоят перед смертельной схваткой... Оправдаем же надежды социалистического отечества... На западе решаются судьбы мировой революции. Через труп Белой Польши лежит путь к мировому пожару. На штыках понесем счастье и мир трудящемуся человечеству. На запад к решительным битвам, к громкозвучным победам. Стройтесь в боевые колонны, пробил час наступления на Вильно, Минск, Варшаву. Марш!»¹⁹⁹. 23 июля В. И. Ленин направил члену РВС Юго-Западного фронта И. В. Сталину телеграмму, текст которой красноречиво свидетельствовал о настроениях большевистского руководства, предвкушавшего скорую победу европейской революции: «Положение в Коминтерне превосходно. Зиновьев, Бухарин, а также и я думаем, что следовало бы поощрить революцию тотчас в Италии. Мое личное мнение, что для этого надо советизировать Венгрию, а может быть, также Чехию и Румынию»²⁰⁰.

В тот же день Главнокомандующий Вооруженными силами Республики С. С. Каменев отдал приказ советским войскам овладеть Варшавой.

Отношение И. В. Сталина к предстоящей военной операции на территории Польши было изначально скептическое. В статье «Новый поход Антанты» («Правда», 25–26 мая 1920 г.), подчеркивая освободительный характер действий Красной Армии на украинских и белорусских землях, Сталин, вместе с тем, отмечал, что предстоящая революционная война, перенесенная на территорию сопредельного государства, будет в корне отличаться от внутрироссийского гражданского конфликта. И прежде всего это касалось тыла противостоящей стороны: «Ни одна армия в мире не может победить... без устойчивого тыла... Слабость Колчака и Деникина объяснялась тем, что у них не было «своего» тыла, что они, проникнутые истинно-русскими, великодержавными стремлениями, вынуждены были строить фронт, снабжать и пополнять его в значительной степени за счет нерусских элементов, враждебных к таким стремлениям, вынуждены были действовать в районах, заведомо чуждых для их войск... В отличие от тыла Колчака и Деникина, тыл польских войск является однородным и **национально** спаянным. Отсюда его единство и стойкость. Его преобладающее настроение – «чувство отчизны» – передается по многочисленным нитям польскому фронту, создавая в частях национальную спайку и твердость. Отсюда стойкость польских войск»²⁰¹. Законы классовой борьбы, по мнению Сталина, также не действовали бы в подобных условиях: «Классовые конфликты (в Польше – А. К.) еще не достигли такой силы, чтобы прорвать чувство национального единства и заразить противоречиями разнородный в классовом отношении фронт. Если бы польские войска действовали в районе собственно Польши, с

¹⁹⁸ Мельтюхов М. И. Советско-польские войны. С. 71.

¹⁹⁹ Там же. С. 110.

²⁰⁰ Цит по: Емельянов Ю. В. Троцкий: мифы и личность. С. 342.

²⁰¹ Сталин И. В. Соч. Т. 4. С. 323. Курсив источника.

ними, без сомнения, трудно было бы бороться»²⁰². Месяц спустя, в беседе с корреспондентом УкрРОСТА, Сталин предупреждал, что польская армия располагает значительными резервами и опирается на помощь Антанты. Исходя из этого, он считал «неуместным то бахвальство и вредное для дела самодовольство, которое оказалось у некоторых товарищей: одни из них не довольствуются успехами на фронте и кричат о «марше на Варшаву», другие, не довольствуясь обороной нашей Республики от вражеского нападения, горделиво заявляют, что они могут помириться лишь на «красной советской Варшаве»²⁰³.

Однако сторонники разжигания «мирового революционного пожара» были настроены иначе и, прежде всего, рассчитывали на «классовую сознательность» польского пролетариата. Советско-польские мирные переговоры зашли в тупик. Тем временем в Польше была объявлена дополнительная мобилизация. В течение июля в польскую армию пришли 573 тыс. мобилизованных и 160 тыс. добровольцев²⁰⁴. Пропагандистская кампания «защиты национальной независимости», а также предпринятые правительством меры, направленные на сглаживание социальных противоречий (закон, ограничивавший помещичье землевладение и предоставляющий льготы крестьянским хозяйствам) способствовали сплочению польского общества. По мере приближения советских войск к Варшаве сопротивление поляков возрастало. 4 августа премьер-министр Великобритании Д. Ллойд-Джордж потребовал немедленного прекращения наступления советских войск, угрожая возобновлением блокады и направлением английского флота к берегам России. Между тем, на заседании Политбюро 5 августа, на котором рассматривался британский ультиматум, наркомвоенмор Л. Д. Троцкий уверял партийных соратников, что 16 августа Красная Армия возьмет Варшаву²⁰⁵. 16 августа польские войска, использовав численное преимущество, нанесли контрудар по 3-й и 15-й армиям Западного фронта. Началось отступление Красной Армии по всему фронту. К 25 августа советские войска отошли на линию Липск-Вислочь, восточнее Бреста. Следствием поражения под Варшавой стало заключение в октябре 1920 г. перемирия с Польшей на значительно менее выгодных для Советской России условиях по сравнению с предлагаемыми польской стороной в июле. Анализируя причины поражения советских войск, В. И. Ленин впоследствии отмечал: «Когда мы подошли к Варшаве, наши войска оказались настолько измученными, что у них не хватило сил одерживать победу дальше, а польские войска, *поддержанные патриотическим подъемом в Варшаве, чувствуя себя в своей стране, нашли поддержку, нашли новую возможность идти вперед*. Оказалось, что война дала возможность дойти почти до полного разгрома Польши, но в решительный момент у нас не хватило сил»²⁰⁶. Эти слова лидера большевизма, убежденного интернационалиста и сторонника мировой пролетарской революции являлись фактическим признанием действительности патриотической пропаганды и необходимости учитывать «национальный фактор» в условиях революционной войны.

Постепенное затухание военного конфликта с Польшей позволило командованию Красной Армии перебросить войска на южное направление – против выступивших из Крыма белогвардейских частей генерала П. Н. Врангеля, сменившего в апреле 1920 г. А. И. Деникина на посту главнокомандующего ВСЮР. Еще до начала наступления советских войск в Северной Таврии (28 октября) среди врангелевцев стала распространяться листовка – «Воззвание к офицерам армии барона Врангеля», составленная участниками Особого Совещания и подписанная Председателем ВЦИК М. Калининым, Председателем СНК В. Ульяновым

²⁰² Там же. С. 324.

²⁰³ Сталин И. В. Соч. Т. 4. С. 333.

²⁰⁴ Емельянов Ю. В. Троцкий: мифы и личность. С. 342.

²⁰⁵ Там же.

²⁰⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 321 (курсив мой – А. К.).

(Лениным), Народным комиссаром по военным делам Л. Троцким и Председателем Особого Совещания при Главкоме А. Брусиловым. Апеллировавший к патриотическим чувствам русских офицеров, оказавшихся в «белом лагере», текст листовки гласил:

«Все, что есть честного в русском офицерстве, уже стало на защиту Советской России и борется за ее независимость, за возможность мирного труда, за власть трудящихся на фронтах против Польши и Врангеля. **И только вы** до сих пор еще **ведете братоубийственную войну**, находясь в стане наших врагов...

Во имя единогодушного труда всех и всего, что есть честного в русском народе, руководимые заботой о возрождении трудовой России, мы призываем вас:

Откажитесь от постыдной роли на службе у польских панов и французских ростовщиков и сложите оружие, бесчестно направленное против собственного народа»²⁰⁷.

Тот же призыв прозвучал позднее – в дни вступления частей Красной Армии в Крым. 11 ноября Революционный Военный Совет Южного фронта и его командующий М. В. Фрунзе обратились по радио к офицерам, солдатам, казакам и матросам врангелевской армии: «Борьба на юге заканчивается полной победой советского оружия. Пали Краснов и Деникин, завтра падет Врангель. Все попытки восстановить в России капиталистический строй с помощью иностранных империалистов кончились позорно. Великая революция победила, великая страна отстояла свою целостность. Белые офицеры, наше предложение (о прекращении сопротивления – *А. К.*) возлагает на вас колоссальную ответственность. Если оно будет отвергнуто и борьба будет продолжаться, то вся вина за бессмысленно пролитую русскую кровь ляжет на вас»²⁰⁸. Это предложение «белой» стороной было проигнорировано. Врангель приказал закрыть все радиостанции, за исключением одной, обслуживаемой офицерами²⁰⁹.

Победа над Врангелем означала окончание вооруженной борьбы с «белой» контрреволюцией и иностранной интервенцией на большей части территории России (Дальний Восток, находившийся под контролем белогвардейцев и оккупационных японских войск, будет освобожден частями Народно-революционной армии Дальневосточной республики лишь в октябре 1922 г. и затем включен в состав РСФСР). Оценивая победу трудящихся Республики Советов в гражданской войне как высшее проявление «революционного», народного патриотизма, В. И. Ленин в заключительном слове по докладу о концессиях на фракции РКП(б) VIII съезда Советов 21 декабря 1920 г. подчеркивал: «Патриотизм человека, который будет лучше три года голодать, чем отдать Россию иностранцам, это – настоящий патриотизм, без которого мы три года не продержались бы. Без этого патриотизма мы не добились бы защиты Советской республики... Это – лучший революционный патриотизм»²¹⁰.

Пришедшие к власти в России в октябре 1917 г. большевики являлись убежденными сторонниками мировой революции и своей конечной целью провозглашали построение коммунистического интернационального общества, в котором государственные и национальные перегородки, разъединяющие международный пролетариат, будут со временем разрушены. Однако реальность гражданской войны, иностранная интервенция и существование молодой Советской республики в условиях международной изоляции заставили большевистских руководителей скорректировать свою идеологическую политику, «реабилитировать» патриотизм как одну из главных составляющих государственной пропаганды 1918–1920 гг. (понятия «патриотизм», «национальная гордость» были введены в большевистский идеологический лексикон В. И. Лениным еще в 1914 г.). Идея защиты социалистического

²⁰⁷ См.: Соколов Ю. В. Указ. соч. С. 126 (выделено в тексте листовки).

²⁰⁸ Фрунзе М. В. Избр. произв.: В 2 т. М., 1957. Т. 1. С. 419.

²⁰⁹ Шкаренков Л. К. Агония белой эмиграции. М., 1987. С. 16.

²¹⁰ Ленин В. И. Поли. собр. соч.: В 55 т. М., 1958–1970. Т. 42. С. 124.

Отечества как важный элемент пропаганды революционного оборончества была провозглашена в феврале 1918 г. и свое окончательное выражение получила в ходе советско-польской войны весной-летом 1920 г. В период Гражданской войны идея русского патриотизма будет использоваться большевиками как идея революционная, служащая задачам российского и международного пролетариата.

§ 2. Патриотическая идея в советской политике и пропаганде 1920-х гг.: «за» и «против»

Несмотря на победу в Гражданской войне и освобождение территории центральной России от войск белогвардейцев и иностранных интервентов, политическое и экономическое положение Советской республики оставалось крайне тяжелым.

Война явилась страшной трагедией в истории народов России и, прежде всего, русского народа. За годы гражданского противостояния (с осени 1917 до начала 1921 гг.) население России уменьшилось на 10887 тыс. человек. В результате голода, эпидемий, продолжавшихся военных столкновений, контрреволюционного и красного террора население страны в 1921–1922 гг. сократилось на 3446 тыс. человек. В 1917–1921 гг. из России эмигрировало около 2 млн. человек – почти вся политическая, финансово-промышленная, значительная часть военной, научной и культурной элиты.

Первая мировая и последовавшая за ней Гражданская войны привели к катастрофическому спаду производства: в начале 1921 г. объем промышленного производства в стране составлял 12 % от уровня 1913 г. В результате засухи в 1922 г. голодало до 27 млн. человек, погибло около 1 млн. крестьян. Трагическим последствием войны, голода и смертности населения стало массовое сиротство: в 1922 г. в России насчитывалось около 4 млн. беспризорных детей. Резко возросла безработица и уголовная преступность. Значительная часть населения деклассировалась. Крестьянские восстания (в Тамбовской губернии и других центральных регионах России, в Сибири), события в Кронштадте, забастовки рабочих, бандитизм, террор против партийных и советских работников – все это было проявлением массового недовольства большевистской политикой и представляло реальную угрозу новой власти, победившей в войне, но не сумевшей экономически и политически утвердить свое положение.

Это привело ленинское руководство к необходимости радикального изменения экономического курса в марте 1921 г. и введению НЭПа. Возникшая угроза контрреволюционного мелкобуржуазного «термидора» вызвала новую волну репрессивных мер органов ВЧК по отношению к оставшимся в России небольшевистским партиям, прежде всего – социалистическим (эсерам и меньшевикам). Указывая на опасность новой контрреволюции, уже под социалистическими, эсерово-меньшевистскими лозунгами, В. И. Ленин подчеркивал: «Умнейшие вожди русской крупной буржуазии сказали себе: «Мы не можем победить в России немедленно. Поэтому нашим лозунгом должно стать: «Советы без большевиков»... Лозунг сейчас таков: борьба против большевиков какой угодно ценой, во что бы то ни стало. Вся буржуазия помогает теперь меньшевикам и социалистам-революционерам. Эсеры и меньшевики являются сейчас авангардом всей реакции. Поэтому мы должны продолжать беспощадную борьбу против этих элементов»²¹¹.

Такая оценка деятельности эсерово-меньшевистской оппозиции имела под собой определенные основания. Так, в документах захваченного ВЧК весной 1921 г. архива ЦК партии правых эсеров содержалась директива местным партийным организациям (от 25 февраля), в которой им предписывалось возглавить повстанческое крестьянское движение в регионах России и содействовать созданию на освобожденных от власти большевиков территориях органов «демократической государственности»²¹². Таким образом, речь в документе шла не

²¹¹ Ленин В. И. Поли. собр. соч.: В 55 т. М., 1958–1970. Т. 44. С. 53.

²¹² См.: Голиков Д. Л. Крушение антисоветского подполья в СССР. М., 1980. Кн. 2. С. 72; Обвинительное заключение по делу Центрального комитета и отдельных членов иных организаций партии с.-р. по обвинению их в вооруженной борьбе против Советской власти, организации убийств, вооруженных ограблений и изменнических сношениях с иностранными

только о свержении коммунистической власти, но и о подрыве территориальной целостности РСФСР, о создании независимых от центра «органов государственности». Активную роль в организации рабочих забастовок в Петрограде, Москве, Харькове и других городах России сыграли представители меньшевистской партии. Позднее лидеры меньшевиков (в частности Ф. И. Дан) признавали факт помощи зарубежных издателей в публикации антибольшевистских листовок для рабочих²¹³.

Страна вступила в зону ожесточенного социального и политического размежевания, что какой бы то ни было компромисс становился невозможным, а взаимный террор противоборствующих сил – неизбежным. В условиях острой политической конфронтации коммунистическое руководство и репрессивные органы ликвидировали к 1922–1923 гг. остатки многопартийности и легальной антисоветской оппозиции на своей территории. Был окончательно утвержден курс на построение однопартийной коммунистической системы как надежного стержня для укрепления политической и идеологической централизации.

Сохранялась и опасность внешней агрессии. «Славянские» советские республики – РСФСР, УССР и БССР, а также советские республики Закавказья и Туркестана находились во враждебном окружении капиталистических государств, правительства которых рассматривали факт существования коммунистических режимов как прямую угрозу распространения «революционного пожара» на свою территорию. Значительная часть России (Дальний Восток) еще не была освобождена от вооруженных сил контрреволюции – белогвардейцев и японских интервентов. Активную разведывательную, террористическую и диверсионную деятельность на территории советских республик (прежде всего, РСФСР), проводили белоэмигрантские и антибольшевистские организации, пользовавшиеся поддержкой западных политических кругов и спецслужб. Приграничные области Белоруссии подвергались постоянным нападениям отрядов савинковцев и балаховцев, на ее территорию из Польши перебрасывались боевые группы националистов. На Украине активно действовали вооруженные формирования петлюровцев. Борцы за «национальную независимость» и освобождение от «большевистского рабства» терроризировали местное население и убивали своих единоплеменников, сотрудничавших с новой властью или заподозренных в сочувствии ей. Террор против собственного народа некоторые организаторы кровавых акций позднее стремились оправдать патриотическими мотивами. Так, в своих показаниях советским следственным органам 21 августа 1924 г. бывший лидер «Народного союза защиты родины и свободы» Б. В. Савинков, чьи боевые отряды совершали массовые убийства, грабежи и диверсии на советской территории, заявлял: «Я любил Россию, был глубоко предан трудовому народу и, конечно, мог ошибаться, но действовал всегда по совести и крайнему разумению»²¹⁴. Савинковская «любовь к России» щедро оплачивалась польским Генштабом и контрразведкой «Дефензива», английской и французской спецслужбами, стремившимися создать на территории советских республик очаги нестабильности²¹⁵. Движение басмачей в Средней Азии, опирающееся на поддержку зарубежных исламистских кругов, английских и турецких секретных служб, представляло серьезную угрозу для Советской власти в Туркестане. В Грузии и Армении, где в 1920–1921 гг. установились коммунистические режимы, активную подрывную деятельность осуществляло националистическое подполье.

В сложившихся условиях необходимость объединения советских республик в единое государственное образование становилась для большевиков главной задачей их политического будущего. Центром «кристаллизации» национальных республик могла стать только

государствами. М., 1922. С. 52.

²¹³ Семанов С. Н. Ликвидация антисоветского кронштадтского мятежа 1921 года. М., 1973. С. 41.

²¹⁴ Дело Савинкова // Факел. 1989. Историко-революционный альманах. М., 1989. С. 169.

²¹⁵ Там же. С. 172.

РСФСР, как наиболее значимое в военном и политическом отношении советское государство.

Вопрос о преобразовании военного союза республик в постоянный «революционный союз между центральной Россией и окраинами России», входившими до 1917 г. в состав царской Империи, был со всей определенностью поставлен еще осенью 1920 г. народным комиссаром по делам национальностей И. В. Сталиным. В статье «Политика Советской власти по национальному вопросу в России», опубликованной 10 октября 1920 г. в газете «Правда», он подчеркивал: «Требование отделения окраин от России, как форма отношений между центром и окраинами, должно быть исключено не только потому, что оно противоречит самой постановке вопроса об установлении союза между центром и окраинами, но, прежде всего, потому что оно в корне противоречит интересам народных масс как центра, так и окраин. Не говоря уже о том, что отделение окраин подорвало бы революционную мощь центральной России, стимулирующей освободительное движение Запада и Востока, сами отделившиеся окраины неминуемо попали бы в кабалу международного империализма. Достаточно взглянуть на отделившиеся от России Грузию, Армению, Польшу, Финляндию и т. д., сохранившие лишь видимость независимости, а на деле превратившиеся в безусловных вассалов Антанты, достаточно, наконец, вспомнить недавнюю историю с Украиной и Азербайджаном, когда первая расхищалась немецким капиталом, а второй – Антантой, чтобы понять всю контрреволюционность требования отделения окраин при настоящих международных условиях». Вывод автора статьи был однозначен: «В обстановке разгорающейся смертельной борьбы между пролетарской Россией и империалистической Антантой для окраин возможны лишь два выхода:

либо вместе с Россией, и тогда – освобождение трудовых масс окраин от империалистического гнета;

либо вместе с Антантой, и тогда – неминуемое империалистическое ярмо.

Третьего выхода нет»²¹⁶.

Помимо военной и экономической необходимости объединение с РСФСР советских республик – бывших национальных «окраин» Российской империи определялось также и рядом других факторов. Большинство народов России на протяжении столетий связывала общая историческая судьба. Несмотря на трагические годы войны и гражданского противостояния, приведшие к распаду страны, еще недавно централизованная хозяйственная система, общероссийский рынок, многовековые культурные, межнациональные и языковые связи не были окончательно разрушены. Это служило основой для возрождения единого государства. Экономический и военный потенциал Советской России был несоизмеримо выше, чем у других советских республик. Ведущая роль русского населения, прежде всего русского рабочего класса, в революционных событиях и победе в Гражданской войне также способствовала упрочнению авторитета РСФСР. Существенным фактором был и значительно больший по сравнению с другими национальностями процент русских в РКП(б). В 1922 г. их численность составляла 72 % от всего состава партии, наиболее массовой политической организации пролетариата на всем советском пространстве²¹⁷. Значительной была и общая доля великорусского населения среди граждан РСФСР – 52 % в 1921 г. (по переписи населения Российской империи 1897 г. – 44,3 %). Наряду с русскими (75 млн. человек) своеобразным «ядром централизации» могли быть и родственные им в этнокультурном отношении братские славянские народы – украинцы (30 млн.) и белорусы (4,5 млн.)²¹⁸. Еще

²¹⁶ Сталин И. В. Соч.: В 13 т. М., 1946–1951. Т. 4. С. 352–353. Курсив источника.

²¹⁷ Поляков Ю. А., Киселев И. Н. Численность и национальный состав населения в 1917 г. С. 46.

²¹⁸ Карр Э. История Советской России.: В 4 кн. и 7 т. М., 1990. Кн.1. Большевицкая революция 1917–1923: В 2 т. Т. 1. С. 210.

в июне 1919 г. между РСФСР, Украиной и Белоруссией был заключен военно-политический союз для совместной борьбы с белым движением и интервенцией. Однако, по справедливому замечанию английского советолога Э. Карра, даже такие наиболее крупные и развитые после русских славянские народы, как украинцы и белорусы «...не имели достаточных сил и не были достаточно объединены, чтобы успешно сопротивляться в течение долгого времени. Поэтому первым этапом в процессе воссоединения народов бывшей Российской империи было сплочение трех славянских народов, составлявших около четырех пятых всего населения. Когда они были объединены, сила их воздействия на некоординируемое скопление неславянских народов, гораздо менее развитых, оказалась непреодолимой. Это объединяющее воздействие усилилось и приобрело социальную и экономическую основу благодаря сосредоточению промышленной и торговой мощи в руках великороссов»²¹⁹.

Более сложным было решение задачи интеграции РСФСР с новообразованными республиками Средней Азии и Кавказа, народы которых не только существенно отличались по своей этнокультуре, религии и традициям от славянства, но и находились на разных уровнях экономического и социального развития. Однако и здесь Россия могла стать объединяющим центром, как и в XIX столетии. На эту характерную особенность русской политики в отношении «восточных окраин» ранее указывали и основоположники марксизма. Так, в своем письме к Марксу от 23 мая 1851 г. Фридрих Энгельс отмечал: «...Россия действительно играет прогрессивную роль по отношению к Востоку. Несмотря на всю свою подлость и славянскую грязь, господство России играет цивилизаторскую роль для Черного и Каспийского морей и Центральной Азии, для башкир и татар»²²⁰. Примечательно, что несмотря на хлесткую характеристику русского государства, Энгельс в этом письме признает его геополитическую и культурную роль в отношении других национальностей более прогрессивной, нежели действия «цивилизованных» поляков, которые, по мнению мыслителя, «никогда не совершали в истории иного, кроме смелых драчливых глупостей»²²¹.

К началу 1920-х гг. надежды большевиков на скорую революционную поддержку Советской России пролетарскими массами Запада не оправдались. Буржуазная Европа оставалась оплотом против коммунизма. Поэтому внешнеполитический вектор «революционности» необходимо было направить на «пробуждающийся Восток». События в Монголии и Китае (1921 г.) подтверждали правоту такой позиции. Эта возможная стратегическая линия была обозначена В. И. Лениным еще до революции в его статье «Отсталая Европа и передовая Азия» (1913 г.): «В «передовой» Европе *передовым* классом является *только* пролетариат. А живая буржуазия готова на все дикости, зверства и преступления, чтобы отстоять гибнущее капиталистическое рабство... В Азии везде растет, ширится и крепнет могучее демократическое движение... Просыпаются к жизни, к свету, к свободе *сотни* миллионов людей»²²². Упрочение Советской власти на Кавказе, особенно в Средней Азии, в 1920-е гг. рассматривалось большевиками не только как необходимое условие защиты своих южных и восточных рубежей, но и как возможность оказывать политическое влияние на развивающееся революционное движение в азиатских странах. Партийные и хозяйственные кадры, направляемые из Центральной России, должны были содействовать этим процессам.

Еще одним определяющим фактором, способствовавшим объединению бывших национальных окраин вокруг России, следует считать возрождение патриотической идеологии, служащей задачам интернационального братства, социального и национального развития. Марксистская идея освобождения народов от гнета международного капитала, партийная

²¹⁹ Там же. С. 211.

²²⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: В 50 т. М., 1955-1981. Т. 27. С. 240-241.

²²¹ Там же.

²²² Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 23. С. 166-167. Курсив источника.

пропаганда «революционного оборончества» в годы Гражданской войны и действия РКП(б), направленные на централизацию страны в условиях враждебного окружения, наконец, ведущая роль великорусского пролетариата в защите революционного Отечества и государственном строительстве – все это парадоксальным образом окрашивало подчеркнуто «интернационалистскую» политику большевиков в русские патриотические тона. Показательно, что идеи русского красного патриотизма получили широкое распространение у части партийного аппарата и рядовых членов РКП(б). При этом многие большевики отождествляли себя и свою политическую деятельность не только со своей партией или «всемирным пролетариатом», но, прежде всего, со своим народом. Популярность этих идей была с сожалением констатирована в выступлении одного из партийных лидеров Украины В. П. Затонского на X съезде РКП(б) в марте 1921 г.: «Национальное движение выросло также и в Центральной России, и именно тот факт, что Россия стала первой на пути революции, что Россия из колонии, фактической колонии Западной Европы превратилась в центр мирового движения, этот факт исполнил гордостью сердца всех тех, кто был связан с этой русской революцией, и создался своего рода русский красный патриотизм. И сейчас мы можем наблюдать, как наши товарищи с гордостью, и небезосновательно, считают себя русскими, а иногда даже смотрят на себя прежде всего как на русских»²²³. Это свидетельствовало о том, что процесс национальной самоидентификации, нового понимания своей «русскости», своего Отечества в результате победы в классовом противостоянии с контрреволюцией и внешним врагом, уже затронул значительные слои партии, интернациональной по своей идеологии, но на три четверти состоящей из представителей государствообразующего народа.

Иное отношение к идее национального патриотизма (даже в его революционной интерпретации) было у большинства руководителей партии и ее идеологических работников. Опираясь на собственное понимание марксистского учения, зачастую узкоклассовое и политически ангажированное, они полагали, что дальнейшее и ускоренное развитие мировой революции является необходимым условием для построения планетарного коммунистического общества, в котором все национальные различия, а также национальные культуры должны будут исчезнуть как пережитки «буржуазного прошлого».

Соответственно, русский патриотизм – основополагающая идеологическая компонента духовной и этнокультурной жизни ведущего народа России, – рассматривался ревнителями чистоты марксистского учения как явление «контрреволюционное» и «шовинистическое», препятствующее классовому единству международной армии пролетариата. При этом русский патриотизм зачастую отождествлялся с национализмом. Само понятие «Великая Россия» прочно ассоциировалось с бывшей самодержавной властью, идеологией белогвардейцев и черносотенцев. Русская патриотическая идея, к которой в годы Гражданской войны обратились В. И. Ленин и некоторые представители партийного и военного руководства, в последующее десятилетие будет подвергнута уничтожающей критике со стороны приверженцев пролетарского интернационализма в его радикальной, космополитической форме. Вместе с тем, несмотря на явное расхождение с положениями марксизма в его ортодоксальной интерпретации и господствующей идеологией, патриотическая идея овладевала все более широкими массами русского населения. Это явление было вызвано не только победой в войне, но имело более глубокие исторические корни. По мнению М. С. Агурского, «стечением времени красный патриотизм стихийно подвергается дальнейшему влиянию национальной среды.... незаметно черпая свое вдохновение в тех идеях противопоставления России бездушной западной цивилизации, основанной на капитализме, которые давно возникли в русском обществе»²²⁴.

²²³ Десятый съезд РКП(б). Март 1921 г. Стеногр. отчет. М., 1963. С. 202–203.

²²⁴ Агурский М. С. Идеология национал-большевизма. С. 148.

Все более отчетливо проявлялась и централистская тенденция в советских республиках и среди народов бывшей Российской империи. Большевистский лозунг «самоопределения вплоть до отделения» парадоксальным образом послужил в годы Гражданской войны росту патриотических настроений среди инородцев и стремлению к объединению с РСФСР. Сепаратизм, охвативший в 1917–1918 гг. окраины бывшей Империи и возглавляемый региональными националистами и местной интеллигенцией, в конечном счете показал, что обретение национальной «независимости» возможно лишь при помощи иностранного военного и финансового вмешательства. По мнению исследователей, сторонники отделения от государственного центра, «чья гордость восставала против зависимости от Петрограда или Москвы, оказались сателлитами и наемниками или Германии, или союзников, или соответственно и тех и других»²²⁵.

Декларируемый лидерами белого движения принцип «единой и неделимой России» также не мог привлечь большинства представителей национальных меньшинств (давала о себе знать память о «русификаторской» политике царизма). Победы же Красной Армии, в большинстве состоящей из великороссов, поднимали авторитет Советской России среди трудящихся других национальностей. Координирующая роль РКП(б) по отношению к республиканским компартиям также служила основой политической и территориальной централизации. Таким образом, ленинская стратегия, направленная на постепенное собирание наций России в новое государственное образование через исторически неизбежный этап их «размежевания», полностью себя оправдала. Уже после образования СССР XII съезд РКП(б) (апрель 1923 г.) окончательно утвердит курс на политическую централизацию в своем тезисе о диктатуре партии. Следствием этого стало создание общесоюзной сверхцентрализованной Коммунистической партии, действовавшей вне рамок закрепленной Конституцией федеративной государственной структуры и игнорировавшей любую автономию²²⁶.

Единое многонациональное государство, но уже в своем новом, советском варианте, скрепленное и контролируемое жесткой партийной структурой, было восстановлено большевиками – за четырехлетний срок после распада Российской империи, в условиях войны, экономической разрухи, классовой и национальной междоусобицы. Нельзя не согласиться с оценкой результатов большевистской политики по сплочению воедино бывших территорий России, данной историком Э. Карром: «К концу 1918 г. Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика располагалась примерно в тех же границах, что и средневековая Московия до завоеваний Ивана Грозного, и немногие – пожалуй, даже среди самих большевиков немногие – верили, что режим уцелеет. Тем не менее всего четыре года спустя разные части бывшей царской империи, за небольшим исключением, были снова объединены в Союз Советских Социалистических Республик, и оказалось, что по силе сплоченности новый союз по крайней мере не уступает исчезнувшей царской империи. Это свершение, которого никто не мог предвидеть в мрачные дни 1918 или 1919 г., представляет собой выдающийся результат созидательной государственной деятельности Ленина»²²⁷. Однако созданное государство качественно отличалось от своих исторических предшественников – по социальному строю, административно-территориальному устройству, идеологии и политическому предназначению. Русскому народу в этом государстве в 1920-е гг. отводилась объединяющая культурно-политическая и экономическая роль по отношению к бывшим «угнетенным» национальностям. При этом государствообразующий народ не имел статуса ведущего этноса в СССР.

²²⁵ Мاستюгина Т. М., Перепелкин Л. С. Этнология. Народы России: история и современное положение. М., 1997. С. 215.

²²⁶ Там же. С. 218; КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 8-е изд. М., 1970–1972. Т. 2. С. 409.

²²⁷ Карр Э. История Советской России. Кн.1. Т. 1. С. 209.

В процессе политического и экономического объединения республик вокруг российского центра постепенно отпадал и принцип «самоопределения наций», необходимый в период революционного завоевания власти и ее удержания, но утративший свою силу с началом создания единого многонационального государства – федеративного по юридическому статусу, но централистского по своей политической сути. Декларируемый лозунг сохранялся, но не мог быть реализован в условиях единого союзного государства с однопартийной политической системой. При этом ленинская позиция по данному вопросу претерпела за несколько лет существенное изменение. Так, на апрельской партийной конференции 1917 г. лидер РСДРП(б) прямо заявлял о терпимом отношении большевиков к нарастающим сепаратистским тенденциям в стране: «Мы к сепаратистскому движению равнодушны, нейтральны. Если Финляндия, если Польша, Украина отделятся от России, в этом ничего худого нет. Что тут худого? Кто это скажет, тот шовинист»²²⁸. Осуществление революционного переворота в стране предполагало признание неизбежности и даже прогрессивности усиливающихся центробежных явлений и местного национализма. В сложившихся политических условиях Россия уже не могла существовать как единое государство, его распад начался еще до прихода большевиков к власти. Этим и объяснялись подобные высказывания Ленина.

Однако, с созданием Советского государства, по мере укрепления политических и экономических связей РСФСР с другими советскими республиками вождь большевистской партии пересматривает свою прежнюю позицию по вопросу о национальном самоопределении. Возможность отказа от программного положения о праве наций на самоопределение была обозначена еще в марте 1919 г на VIII съезде РКП(б). Полемизируя с Н. И. Бухариным, предлагавшим изъять это положение из программы партии, В. И. Ленин заметил: «Тов. Бухарин говорит: «Зачем нам право наций на самоопределение!». Я должен повторить то, что возражал ему, когда он в 1917 году летом предлагал откинуть программу-минимум и оставить только программу-максимум. Я тогда ответил: «Не хвались, едучи на рать, а хвались, едучи с рати». Когда мы завоюем власть, да немного подождем, тогда мы это сделаем. Мы власть завоевали, немножечко подождали, теперь я согласен это сделать»²²⁹ (т. е. отказаться от политической линии на «самоопределение наций» – *А. КТ*). Характеризуя наметившийся поворот в национальной и геополитической стратегии большевиков, Э. Карр подчеркивал: ««Право на отделение» – фраза, однажды сказанная Лениным, – постепенно заменялась «правом на объединение». Было в принципе немыслимо, чтобы какая-либо социалистическая нация пожелала отделиться от социалистического содружества наций; было практически немыслимо к концу 1920 г., чтобы кто-либо, не будучи непримиримым врагом советского строя, захотел порвать с таким единством, которое было уже достигнуто»²³⁰. Однако сторонники создания социалистического интернационального государства обозначали и реальную «угрозу» единству советских наций. Она, по их мнению, прежде всего исходила от «великорусских шовинистов».

В том же выступлении на VIII съезде В. И. Ленин указывал и на опасность «великорусского шовинизма» в разных его проявлениях, который, по мнению вождя пролетарской партии, препятствовал многонациональному классовому сплочению трудовых масс новой России: «Осторожность особенно нужна со стороны такой нации, как великорусская, которая вызвала к себе во всех других нациях бешеную ненависть, и только теперь мы научились это исправлять, да и то плохо. У нас есть, например, в Комиссариате просвещения или около него коммунисты, которые говорят: единая школа, поэтому не смейте учить на другом языке, кроме русского! По-моему, такой коммунист, это – великорусский шовинист. Он сидит

²²⁸ Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 31. С. 435.

²²⁹ Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 38. С. 157.

²³⁰ Карр Э. История Советской России. Кн.1. Т. 1. С. 288.

во многих из нас и с ним надо бороться. Вот почему мы должны сказать другим нациям, что мы до конца интернационалисты и стремимся к добровольному союзу рабочих и крестьян всех наций»²³¹. Озабоченность Ленина проявлениями «великорусского шовинизма» едва ли можно считать доказательством «русофобии» лидера партии. Как было показано выше, в годы Гражданской войны «великорусскому фактору», политике воспитания в массах нового социалистического патриотизма – одной из идеологических компонент революционного оборончества, – Ленин придавал особое значение. Однако, если какое-либо проявление излишней «русскости» мешало, по мнению лидера большевиков, классовому интернациональному сплочению народов в деле социалистического строительства и напоминало о прежней «великодержавной» политике царской власти, оно жестко пресекалось. Ленинская стратегия построения многонационального государства, которое по мере развития мировой революции должно было принимать в «братскую семью народов» все новые этносы и территории, исключала какие-либо проявления национализма, в особенности «великорусского». Таким образом, русский народ как ведущая сила революционных преобразований и строительства нового социалистического общества ставился в неравное и даже подчиненное положение по отношению к другим национальностям.

На опасность т. н. «великорусского шовинизма» неоднократно указывали решения партийных съездов начала 1920-х гг. При этом проявления русского национализма, особенно в среде партийного и государственного аппарата представляли, по мнению руководства РКП(б), большую угрозу для формирования коммунистического интернационального единства народов, чем местный национализм²³². Любое, даже невольное нарушение местных обычаев, допущенное русскими партийными и советскими работниками в национальных районах, квалифицировалось как «шовинистический уклон»²³³. Так, в резолюции X съезда партии, в частности, отмечалось: «Работающие на окраинах великорусские коммунисты, выросшие в условиях существования «державной» нации и не знавшие национального гнета, нередко преуменьшают значение национальных особенностей в партийной и советской работе, либо вовсе не считаются с ними, не учитывают в своей работе особенностей классового строения, культуры, быта, исторического прошлого данной народности, вульгаризируя, таким образом, и искажая политику партии в национальном вопросе. Это обстоятельство ведет к уклону от коммунизма в сторону великодержавности, колонизаторства, великорусского шовинизма»²³⁴. Установка на то, что русский народ якобы являлся «угнетающей нацией» до революции и вследствие этого должен был постоянно «завоевывать доверие» угнетаемых национальностей бывшей Российской империи, стала в 1920-е гг. одной из главных идеологических составляющих партийной политики по национальному вопросу. Если великорусский пролетариат, как указывалось в партийных решениях тех лет, все же смог завоевать доверие «своих инонациональных братьев», то большинство населения – русское крестьянство, «полное националистических предрассудков», в союзе с буржуазной

²³¹ Там же. С. 183.

²³² В связи с этим показательное выступление на заседании комфракции X Всероссийского съезда Советов (26 декабря 1922 г.) делегата Бейдильдина: «В отдельных республиках мы скрутили шею сепаратистскому национализму. И, объединяя наши республики, мы с этим сепаратистским шовинизмом мелкой буржуазии и маленьких народностей кончаем. С этого дня мы приступаем ко второй задаче, и об этой задаче никто из товарищей не говорил. Мы начинаем крутить шею русскому великодержавному шовинизму» (Несостоявшийся юбилей: Почему СССР не отпраздновал своего 70-летия? / Сост.: Неназов А. П., Горный В. А., Доброхотов Л. Н. и др. М., 1992. С. 161).

²³³ Американский ученый Питер Э. Блитстейн в своей статье о проблемах изучения русского языка в республиках СССР приводит характерное высказывание узбекского советского чиновника 1930-х гг., утверждавшего, что со времени провозглашения Советского Узбекистана (1924 г.) не было подготовлено «ни одного учителя русского языка для нерусских школ». Любого, кто поднимал этот вопрос, сказал он, называли «великорусским шовинистом» (Питер Э. Блитстейн. Национальное строительство или русификация? Обязательное изучение русского языка в советских нерусских школах, 1938–1953 гг. // Государство наций: Империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина. М., 2011. С. 313).

²³⁴ КПСС в резолюциях. Т. 2. С. 255.

интеллигенцией объявлялись главной социальной базой «шовинизма» бывшей «державной нации»²³⁵.

Особенно острой и уничтожающей критике «великорусский шовинизм», как едва ли не главное политическое препятствие интернациональному сплочению народов, был подвергнут в дни образования Союза ССР. В конце декабря 1922 г., находясь в Горках во время нового обострения болезни, В. И. Ленин продиктовал тексты писем к руководству РКП(б) по важнейшим вопросам государственного строительства и партийной жизни (впоследствии весь комплекс этих документов будет известен как «Политическое завещание» Ленина). Тема «шовинизма» была затронута в одном из материалов «Завещания» – письме «К вопросу о национальностях или об «автономизации», предназначавшемся для оглашения на предстоящем в апреле 1923 г. XII съезде партии. Угрожающие признаки русского национализма тяжелообольной и теряющий политическое влияние Председатель Совнаркома и глава РКП(б) разглядел в действиях представителей руководящего партийно-советского аппарата и даже среди своего ближайшего окружения. Как известно, появлению этой статьи предшествовали два события, непосредственно связанные со сложным процессом объединения республик в союзное государство.

Еще в августе 1922 г. Политбюро и Оргбюро ЦК РКП(б) был рассмотрен вопрос «О взаимоотношениях РСФСР и независимых республик». Для выработки решения по данному вопросу к предстоящему в октябре партийному Пленуму была создана комиссия Оргбюро ЦК под председательством В. В. Куйбышева. По заданию комиссии И. В. Сталиным был подготовлен проект «автономизации», предусматривавший вхождение Украины, Белоруссии и республик ЗСФСР (Грузии, Армении и Азербайджана) в РСФСР на правах автономий. В своем письме к В. И. Ленину от 22 сентября 1922 г. Сталин приводил аргументацию своего проекта: «За четыре года гражданской войны, когда мы ввиду интервенции вынуждены были демонстрировать либерализм Москвы в национальном вопросе, мы успели воспитать среди коммунистов, помимо своей воли, настоящих и последовательных социал-независимцев, требующих настоящей независимости во всех смыслах и расценивающих вмешательство Цека РКП, как обман и лицемерие со стороны Москвы... Если мы теперь же не заменим формальную (фиктивную) независимость формальной же (и вместе с тем реальной) автономией, то через год будет несравненно труднее отстоять фактическое единство советских республик»²³⁶. Хотя предложенный Сталиным проект был в основном поддержан представителями республик (за исключением Грузии, Украина заняла выжидательную позицию), он вызвал негативную реакцию Ленина. В централистской по своей сути «автономизации» он усмотрел грубое нарушение государственного суверенитета республик и отход от принципов интернационализма. В сентябре 1922 г. Ленин предлагает свой проект «федерализации», предусматривающий создание союзного государства – «Союза Советских Республик Европы и Азии», – на основе добровольного и равного объединения юридически самостоятельных республик (при наличии общесоюзных органов власти). Свою оценку столь резкому изменению позиции лидера большевистской партии по вопросу об «автономизации» (ранее В. И. Лениным одобренной) дает российский историк Ю. Н. Жуков: «Получив все материалы комиссии Оргбюро, Ленин, наконец, весьма неожиданно отреагировал на них. Категорически отверг подготовленный проект решения предстоящего пленума. Так и не сумел понять, что Сталин заботился только о воссоединении страны ради ее успешного экономического развития. Более близкими главе партии и государства – интернационалисту – оказались взгляды явных националистов и сепаратистов, «воспитанных», по выражению Сталина, «среди коммунистов», «настоящих социал-независимцев» – Мдивани и

²³⁵ Там же. С. 249.

²³⁶ Известия ЦК КПСС. 1989. № 9. С. 198–200.

Раковского²³⁷... Ленин, несомненно, лукавил. Не мог он, как юрист, не знать по прежним партийным дискуссиям, в которых участвовал и сам, что навязываемый им «союз» отнюдь не равнозначен «Федерации». Он – нечто иное – конфедерация... Ленин как бы забыл или просто отверг все, о чем не раз говорили на съездах, о чем сам неоднократно писал. Забыл о «Программе» РКП, подготовленной при его прямом участии и принятой три года назад, на VIII съезде – «как одну из переходных форм на пути к полному единству партия представляет федеративное объединение государств, организованных по советскому типу»... Что же это было? Следствие перенесенного тяжелого заболевания (инсульта)? А может, нечто иное, кем-то (нельзя исключить Троцкого) навязанная воля? Ответа пока мы не имеем»²³⁸. Сталин расценил ленинскую позицию «вместе и наравне» как проявление «национального либерализма», однако впоследствии вынужден был согласиться с мнением лидера партии.

В октябре 1922 г. план «федерализации» был утвержден на Пленуме ЦК РКП(б) в качестве отправного варианта создания будущего государства. Ленинский проект и само первоначальное название союзного государства носили на себе явный отпечаток глобальной политической стратегии по созданию «Всемирной федеративной республики Советов», о которой вождь пролетарской партии заявил еще в марте 1919 года²³⁹. Разворачивающиеся революционные события на Востоке и остававшиеся у значительной части большевистского руководства надежды на европейский (прежде всего немецкий) пролетариат лишь подкрепляли утопическую мечту о дальнейшем победоносном шествии мировой революции, по мере которого количество новых республик, вливающих в единый союз, будет постоянно расти. Ленинский федеративный проект ввиду его усложненности и заидеологизированности едва ли мог стать надежной основой для эффективного и длительного существования нового государства без жесткой партийно-административной структуры (что и показала судьба СССР спустя 69 лет). «Русский фактор», ведущая роль государствообразующего народа в упрочении политического и экономического единства советских республик автором проекта игнорировались, а любые проявления т. н. «русского шовинизма» решительно осуждались. Все это доказывало, что используемые в период Гражданской войны идеи русского патриотизма, тактически необходимые в условиях враждебного окружения РСФСР в 1918–1920 гг., с наступлением «нового этапа» мировой революции и созданием для нее государственного плацдарма – СССР становились для вождя большевизма неприемлемыми. Очевидно, что новообразованное государство рассматривалось В. И. Лениным как временная форма сосуществования союзных республик, которая будет видоизменяться по мере развития мирового революционного процесса. При этом набравший в республиках силу партийный национал-сепаратизм рассматривался Лениным как неизбежное и меньшее зло по сравнению с «великодержавным уклоном», который, по мнению вождя, лишь один мог воспрепятствовать добровольному объединению народов в Союз. Свое наиболее яркое выражение эта позиция Ленина получила в связи с т. н. «грузинским инцидентом».

19 октября 1922 г. руководство ЦК компартии Грузии потребовало ликвидации Закавказской Федерации (ЗСФСР) и вхождения своей республики в состав будущего государства на правах самостоятельного политического образования. Выяснения отношений между представителями Москвы на Кавказе и грузинской стороной дошли до рукоприкладства: во время одного из конфликтов руководитель Закавказского крайкома Г. К. Орджоникидзе ударил одного из членов ЦК республики. Посланная для выяснения причин инцидента комиссия из Москвы под председательством Ф. Э. Дзержинского оправдала действия Орджони-

²³⁷ Мдивани П. Г. – член Президиума ЦК Компартии Грузии; Раковский Х. Г. – председатель СНК Украины. В 1922 г. оба занимали подчеркнуто сепаратистскую позицию, выступали против объединения своих республик с РСФСР.

²³⁸ Жуков Ю. Н. Первое поражение Сталина 1917–1922 годы от Российской Империи – к СССР. М., 2011. С. 585–587.

²³⁹ Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 37. С. 520.

кидзе. Такое решение вызвало сильное возмущение В. И. Ленина, усмотревшего в подобном повороте событий доказательство существования «великодержавной» оппозиции своему курсу²⁴⁰. Однако из-за плохого состояния здоровья он не мог сразу дать необходимой для членов партии теоретической оценки произошедшему. Лишь 30 декабря 1922 г. он диктует свое письмо «К вопросу о национальностях или об «автономизации»», в котором обрушивается со всей присущей ему в таких случаях нетерпимостью на проводников «великорусско-националистической кампании» в республиках.

Прежде всего, необходимо было еще раз предать анафеме ранее отвергнутый курс на «автономизацию», являвшийся, по мнению Ленина, главной причиной проявившегося в Грузии русского «великодержавничества». «Я, кажется, сильно виноват перед рабочими России за то, что не вмешался достаточно энергично и достаточно резко в пресловутый вопрос об автономизации... Видимо, вся эта затея «автономизации» в корне была неверна и несвоевременна.» – таким признанием начинается это письмо²⁴¹. Далее его автор называет главную политическую силу, препятствующую «правильному решению» национального вопроса. Речь идет о работниках советского аппарата, не изживших прежней имперской психологии: «Говорят, что требовалось единство аппарата... Мы называем своим аппарат, который на самом деле насквозь еще чужд нам и представляет из себя буржуазную и царскую мешанину... При таких условиях очень естественно, что «свобода выхода из союза», которой мы оправдываем себя, окажется пустою бумажкой, неспособной защитить российских инородцев от нашествия того истинно русского человека, великоросса-шовиниста, в сущности, подлеца и насильника, каким является типичный русский бюрократ. Нет сомнения, что ничтожный процент советских и советизированных рабочих будет тонуть в этом море шовинистической великорусской швали»²⁴².

Кроме работников аппарата в разряд проводников «великорусской националистической кампании» Ленин зачисляет и своих соратников, убежденных интернационалистов – Сталина и Дзержинского, повинных в «неправильном» разрешении «грузинского инцидента». При этом подчеркивалось, что «тов. Дзержинский, который ездил на Кавказ расследовать дело о «преступлениях этих «социал-националов»»²⁴³, отличился тут же только своим истинно русским настроением (известно, что обрусевшие инородцы всегда пересаливают по части истинно русского настроения)»²⁴⁴. В своей следующей диктовке, 31 декабря

²⁴⁰ По воспоминаниям секретаря Ленина Л. А. Фотиевой, «Владимир Ильич был хорошо и всесторонне осведомлен о положении в Грузии... Не мог не знать, например, о таких вредных мероприятиях, проводившихся в Грузии с санкции старого ЦК КП(б)Г, как учреждение кордонов на границах Грузии, взимание платы за разрешение, выдаваемые НКВД на право въезда и пребывания в Грузии, которые Владимир Ильич безусловно не одобрял» (Фотиева Л. А. Из воспоминаний о В. И. Ленине (Декабрь 1922 г. – март 1923 г.) // Воспоминания о В. И. Ленине: В 10 тт. М., 1991. Т. 8. С. 196–197). О произволе, допущенном коммунистическими властями Грузии в отношении голодающих русских беженцев (Г. К. Орджоникидзе осудил такую политику), свидетельствует следующий документ, направленный в октябре 1921 г. Уполномоченному Центроэваку РСФСР (Центральной эвакуационной комиссии): «Отношением своим за № 4769/1653 Политический отдел наркомзема уведомляет, что русские беженцы Карской области как не грузинско-поданные согласно первой статьи переселенческого устава в Грузии не могут быть расселены, что доводится до Вашего сведения. Зам. нач. Грузцентроэваку Какабадзе. 12 октября 1921 г.» (Цит. по: Константинов С. В., Ушаков А. И. История после истории. Образы России на постсоветском пространстве. М., 2001. С. 16).

²⁴¹ Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 45. С. 356.

²⁴² Там же. С. 357–358.

²⁴³ Речь идет о сепаратистски настроенных членах ЦК КП(б)Г.

²⁴⁴ Там же. С. 358. Ф. Э. Дзержинский, убежденный критик любых проявлений национал-сепаратизма, и ранее выступал против декларируемого партийным руководством «права наций на самоопределение», рассматривая его как покушение на принципы пролетарского интернационализма и потворствование местному (в частности, польскому) национализму. На VII Всероссийской конференции РСДРП(б) в апреле 1917 г., в ответ на обвинения в поддержке «великорусского шовинизма» Дзержинский возразил: «... Я могу его (В. И. Ленина – А. К.) упрекнуть в том, что он стоит на точке зрения польских, украинских и других шовинистов» (См.: Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(большевики). Протоколы. М., 1958. С. 90, 219).

В. И. Ленин решил конкретизировать свое отношение к двум основополагающим, на его взгляд, вопросам, от правильного понимания которых зависела судьба союзного пролетарского государства – к вопросам национализма и интернационализма. Автор «диктовки» подчеркивал, что абстрактная постановка вопроса о национализме в корне неправильна: «Необходимо отличать национализм нации угнетающей и национализм нации угнетенной, национализм большой нации и национализм нации маленькой... По отношению ко второму национализму почти всегда в исторической практике мы, националы большой нации, оказываемся виноватыми в бесконечном количестве насилия»²⁴⁵.

Какое же «правильное» поведение в новых социальных условиях предписывалось «большой нации», в чем должен был выразиться ее интернационализм в отношении нерусских народов? Ответ автора был однозначным: «Интернационализм со стороны угнетающей или так называемой «великой» нации (хотя великой только своими насилиями, великой только так, как велик держиморда) должен состоять не только в соблюдении формального равенства наций, но и в таком неравенстве, которое возмещало бы со стороны нации угнетающей, нации большой, то неравенство, которое складывается в жизни фактически»²⁴⁶.

Автор, по сути, ревизует интернациональную доктрину, предполагавшую национальное и социальное равноправие народов (вне зависимости от их численности, культурного и экономического уровня развития) и предлагает свое понимание интернационализма, согласно которому большая нация должна быть поставлена в неравное и даже подчиненное положение к малым нациям. По мнению автора «Письма», русский народ, создавший великую культуру и сыгравший ведущую роль в революции, разгроме интервентов и белогвардейцев, социальном освобождении других народов и собирании их в новое государство, должен был нести ответственность за прежнюю политику самодержавной власти. Из этого следовало, что под понятие «угнетающая нация» подпадал и великорусский пролетариат – главный творец революции, о котором В. И. Ленин всегда отзывался с восхищением и считал ведущей силой социального освобождения трудящихся России.

В советской и российской историографии сложилось устойчивое мнение о подлинности авторства этого документа. Однако вышедшее в 2003 г. исследование историка В. А. Сахарова, посвященное «Политическому завещанию» Ленина, ставит под сомнение общепринятую версию. Опираясь на широкий круг источников и проведя научную экспертизу «Письма», автор делает предположение, что этот документ – продукт политической игры и авторство Ленина, стилистическое и даже теоретическое – сомнительно²⁴⁷.

Отношение В. И. Ленина к русскому народу, его истории, культуре, его роли в революционном движении крайне противоречиво. Не подлежит сомнению, что Ленин был убежденным и последовательным интернационалистом. Национальный вопрос рассматривался им с позиций решения конкретных задач классовой и национально-освободительной борьбы. Построение бесклассового и безнационального коммунистического общества являлось для него главной целью всей политической деятельности. Любые проявления русского национализма и консерватизма (в литературе, публицистике, искусстве) рассматривались им как выражение идеологии эксплуататорских классов и решительно осуждались, как идейно враждебные «демократическому направлению» в политической теории и культуре. Однако в повседневной жизни В. И. Ленин не был человеком, лишенным национальных пристрастий, вкусов и патриотических чувств. Об этом, к примеру, свидетельствует близко знавший Ленина писатель М. Горький: «Я нередко подмечал в нем черту гордости Россией, русскими,

²⁴⁵ Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 45. С. 358.

²⁴⁶ Там же.

²⁴⁷ См. Сахаров В. А. «Политическое завещание» Ленина: реальность истории и мифы политики. М., 2003. С. 306–311, 321–328.

русским искусством. Иногда эта черта казалась мне странно чуждой Ленину и даже наивной, но потом я научился слышать в ней отзвук глубоко скрытой, радостной любви к своему народу»²⁴⁸. О Ленине как о национальном политическом лидере писал Л. Д. Троцкий: «Ленин глубоко национален. Он корнями уходит в новую русскую историю, собирает ее в себе, дает ей высшее выражение... Через Ленина социалистическая революция, давно имеющая свое интернациональное теоретическое выражение, нашла впервые свое национальное воплощение»²⁴⁹. Показательно, что подобные характеристики «вождю мирового пролетариата» давались людьми, несколько не идеализировавшими русский народ. Русские поэты А. А. Блок, С. А. Есенин, Н. А. Клюев, С. Д. Дрожжин, В. Я. Брюсов писали о Ленине как о народном вожде²⁵⁰. Один из ведущих публицистов эмигрантского движения сменовеховцев Н. В. Устрялов в статье «Памяти Ленина» отмечал: «Пройдут годы, сменится нынешнее поколение, и затихнут горькие обиды, страшные личные удары, которые наносил этот фатальный, в ореоле крови над Россией взошедший человек, миллионам страдающих и чувствующих русских людей. И умрет личная злоба, и «наступит история». И тогда уже все навсегда и окончательно поймут, что **Ленин – наш**, что **Ленин – подлинный сын России**, ее национальный герой – рядом с Дмитрием Донским, Петром Великим, Пушкиным и Толстым»²⁵¹.

Идейные оппоненты Ленина – Н. А. Бердяев и В. В. Шульгин позднее признавали в нем выдающегося государственного деятеля, создателя новой России²⁵². Парадоксальным является и тот факт, что признания масштабности личности вождя русских коммунистов были характерны даже для их непримиримых идеологических противников – представителей зарождавшегося немецкого национал-социализма. В своей книге «Die Zweite revolution» («Вторая революция», 1926 г.) один из тогдашних лидеров «левого» крыла национал-социалистической партии Йозеф Геббельс утверждал: «Ни один царь так не постиг русский народ в его глубине, в его страстях, в его национальных инстинктах, как Ленин»²⁵³. Впрочем, можно привести немало высказываний известных ученых, мыслителей, писателей XX столетия о Ленине как о русском человеке и выдающемся национальном политическом деятеле. Поэтому проблема «Ленин и русский вопрос» еще ждет своего всестороннего и объективного исследования.

В апреле 1923 г. письмо В. И. Ленина «К вопросу о национальностях или об «автономизации» было зачитано руководителям делегаций на XII съезде РКП(б)²⁵⁴. Указания главы партии по вопросу «великорусского шовинизма» были учтены и нашли свое отражение в резолюции съезда: «Партия обязана вести решительную борьбу прежде всего с остатками великорусского шовинизма. Только решительной борьбой с великорусским шовинизмом можно обеспечить прочность союза²⁵⁵ и обеспечить влияние партии среди трудящихся масс других стран»²⁵⁶. Идею о необходимости поставить русский народ в «неравное» положение

²⁴⁸ Горький М. Поли. собр. соч.: В 25 тт. М., 1968–1976. Т. 20. С. 42.

²⁴⁹ Троцкий Л. Д.. К истории русской революции. М., 1990. С. 234, 237.

²⁵⁰ См.: Блок А. А. Собр. соч.: В 6 тт. М., 1971. Т. 6. С. 317–318; Есенин С. А. Собр. соч.: В 3 тт. М., 1969. Т. 2. С. 126–131; Клюев Н. А. Сердце единорога. Стихотворения и поэмы. СПб., 1999. С. 377–378; И. 3. Суриков и поэты-суриковцы. М.; Л., 1966. С. 447; Брюсов В. Я. Собр. соч.: В 7 тт. М., 1973–1975. Т. 3. С. 162–163.

²⁵¹ Устрялов Н. В. Национал-большевизм. М., 2003. С. 373 (выделено автором статьи).

²⁵² См.: Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 114–116; Шульгин В. В. Опыт Ленина // Наш современник, 1997. № 11. С. 145, 171; Репников А. В., Христофоров В. С. Шульгин В. В. // Общественная мысль Русского зарубежья: Энциклопедия. М., 2009. С. 727.

²⁵³ Цит. по: Агурский М. С. Идеология национал-большевизма. С. 256.

²⁵⁴ Текст письма был опубликован после XX съезда КПСС («Коммунист», 1956, № 9).

²⁵⁵ Имеется в виду СССР.

²⁵⁶ КПСС в резолюциях. Т. 2. С. 407.

по отношению к другим советским нациям, изложенную в ленинском «письме», развивал Н. И. Бухарин: «Мы в качестве бывшей великодержавной нации должны идти наперерез националистическим стремлениям и поставить себя в неравное положение в смысле еще больших уступок национальным течениям. Только при такой политике, когда мы себя искусственно поставим в положение, более низкое по сравнению с другими, только этой ценой мы сможем купить себе настоящее доверие прежде угнетенных наций»²⁵⁷. Обращаясь к Сталину, Бухарин заметил, что генсек партии, выступая на съезде, уделил недостаточное внимание опасности «русского шовинизма», сделав главный упор на борьбу с местным национализмом: «Я понимаю, когда наш дорогой друг, т. Коба, Сталин, не так остро выступает против русского шовинизма, и что он как грузин выступает против грузинского шовинизма»²⁵⁸. В своем заключительном слове по национальному вопросу Сталин отвел выдвинутые против него обвинения в игнорировании «русской шовинистической опасности», указав при этом на недопустимость искусственного принижения национальнополитического статуса великорусского пролетариата: «Говорят нам, что нельзя обижать националов. Это совершенно правильно, я согласен с этим, — не надо их обижать. Но создавать из этого новую теорию о том, что надо поставить великорусский пролетариат в положение неравноправного в отношении бывших угнетенных наций, — это значит сказать несообразность. То, что у т. Ленина является оборотом речи в его известной статье, Бухарин превратил в целый лозунг»²⁵⁹. Вместе с этим И. В. Сталин разглядел новую «шовинистическую» опасность, возникшую в условиях НЭПа: «В связи с нэпом во внутренней нашей жизни зарождается новая сила — великорусский шовинизм, гнездящийся в наших учреждениях, проникающий не только в советские, но и в партийные учреждения... Если мы ее не подсечем в корне, — а нэповские условия ее взращивают, — мы рискуем оказаться перед картиной разрыва между пролетариатом бывшей державной нации и крестьянами ранее угнетенных наций, что будет означать подрыв диктатуры пролетариата»²⁶⁰. Примерно за месяц до этого выступления Сталин на страницах «Правды» указал и на новый источник, идейно подпитывающий русские националистические настроения: по мнению автора статьи, «они получают подкрепление в виде «новых» сменовеховских великорусско-шовинистических веяний, все более усиливающихся в связи с нэпом»²⁶¹.

Сменовеховство — идейное движение, зародившееся в среде русской эмиграции в начале 1920-х гг., явилось своеобразной реакцией части либеральной интеллигенции на процессы, происходящие в Советской России. Новый курс коммунистического руководства в экономике (НЭП), образование Советского Союза, который представлялся как модернизированная форма Русского государства, пробуждали у сменовеховцев уверенность в «национальной» трансформации большевистского режима. Публицисты (Ю. В. Ключников, Н. В. Устрялов, С. С. Лукьянов и др.), группировавшиеся вокруг издававшегося в Париже журнала «Смена вех» и берлинской газеты «Накануне», в своих статьях призывали русскую эмиграцию к отказу от борьбы с Советской властью, признавали необходимость сотрудничества с нею во имя национального согласия и возрождения России. По мнению сменовеховцев, Октябрьская революция явилась закономерным событием русской истории, а Советская власть с ее интернациональной идеологией могла бы стать надежной основой

²⁵⁷ Двенадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет. М., 1968. С. 613.

²⁵⁸ Там же. С. 614.

²⁵⁹ *Сталин И. В.* Соч. 5. С. 264–265.

²⁶⁰ Там же. С. 249. В своей записке, переданной на съезде Бухарину, Сталин уточнил свою позицию относительно первоочередности борьбы именно с «русским национализмом»: «Я никогда не говорил, что борьба с антирусским национализмом является такой важной; наоборот, я говорил, что куда более важной является борьба с русским национализмом» (Цит. по: *Мартин Т.* Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР. 1923–1939. М., 2011. С. 31).

²⁶¹ Правда. 1923. 24 марта.

для объединения народов России вокруг государствообразующего этноса²⁶². В наиболее яркой форме идеология сменовеховства нашла свое выражение в публицистике Н. В. Устрялова, охарактеризовавшего собственные взгляды как «национал-большевистские»²⁶³. Отвергая «белую» альтернативу развития России как «отрыжку прошлого», Устрялов предлагал свой путь, предопределенный условиями НЭПа. Отмечая, что «только в изживании, преодолении коммунизма – залог хозяйственного возрождения государства»²⁶⁴, идеолог сменовеховства утверждал, что новые силы, вызванные революцией к активной политической деятельности, способны возродить страну: «Старая мощь России» может быть восстановлена лишь новыми силами, вышедшими из революции и поныне пребывающими в ней. Это нужно признать раз навсегда. Ориентироваться можно только на эти новые силы, на их активный авангард, разбуженный взрывом и прошедший столь изумительную школу за страдные годы революционной борьбы»²⁶⁵. В отличие от идеологов белой эмиграции, Устрялов воспринимал Октябрьскую революцию и предпринятые большевиками меры по упрочению новой государственности, как начало возрождения Великой России. В статье, приуроченной к 5-й годовщине Великого Октября, он писал:

«Не знаю, с какими чувствами (в глубине души) справляют сегодняшний праздник настоящие, правоверные коммунисты, строители интернационала и коммунизма в России и во всем мире, – но русские патриоты имеют все основания справлять его с радостной душой и бодрой верой в будущее родной страны.

Затрудняюсь сказать, в какой мере протекшие пять лет оправдали мечты о «немедленном коммунизме» и мировой революции – но воочию вижу и всем своим существом ощущаю, что они не развенчали идеи **Великой России**»²⁶⁶.

Русское национальное возрождение представлялось Устрялову как грядущий «термидор» (по аналогии с французской революцией) и неизбежное наступление «русской реакции», «здоровой и плодотворной»²⁶⁷. Позднее, в своих заметках, опубликованных в 1926 г., после поездки в советскую Москву, он конкретизировал свое понимание «национального перерождения» большевизма: «Одно ясно: из интернационалистской революции Россия выйдет национально выросшей, страной крепчайшего национального самосознания. Октябрь с каждым годом национализируется; нужно будет публицистически выразить это формулой «национализация Октября»»²⁶⁸.

Несмотря на явную утопичность предлагаемых Устряловым и сменовеховцами мер по «возрождению России» и невозможность в тех условиях осуществления их проекта экономического и политического переустройства страны на «национальной основе», некоторые большевистские лидеры проявили интерес к новому идейному течению, ставшему популярным и в России. Как отмечает исследователь Е. Л. Петренко, «В. И. Ленин, Л. Д. Троцкий, И. В. Сталин и другие члены Политбюро в разное время поддерживали чем могли это не совсем типичное явление... Финансовая поддержка Кремлем различных сменовеховских начинаний даже не была особенно засекречена. Примерами могут служить контроль Сталиным и Н. Н. Крестинским берлинско-московской газеты «Накануне» или предотвращение Лениным закрытия московско-петроградского журнала «Россия». Характерно также и принятие

²⁶² Петренко Е. Л. Сменовеховство // *Общественная мысль Русского зарубежья: Энциклопедия*. М., 2009. С. 150.

²⁶³ Устрялов Н. В. Национал-большевизм. С. 123.

²⁶⁴ Там же. С. 147.

²⁶⁵ Там же. С. 149.

²⁶⁶ Там же. С. 249 (выделено автором статьи).

²⁶⁷ Там же. С. 150, 169.

²⁶⁸ Там же. С. 593. См. также: Кожевников А. Ю. Великий Октябрь в оценках русских национал-патриотических публицистов конца 1960-х – первой половины 1980-х гг. // *Ключевские чтения-2008*. М., 2008. С. 104.

лидером европейских сменовеховцев Ключниковым предложения Ленина консультировать советскую делегацию на Генуэзской конференции 1922 года»²⁶⁹.

Поддержка большевистскими руководителями патриотической идеологии сменовеховцев определялась как внешнеполитической конъюнктурой (необходимостью укрепления авторитета Советской России за рубежом и стратегией дальнейшего раскола в лагере эмиграции), так и особенностями внутрипартийной борьбы. Соответственно, если Л. Д. Троцкий и А. В. Луначарский на определенном этапе относились к новому движению заинтересованно²⁷⁰, то И. В. Сталин в 1923 г. предпочел осудить сменовеховство, исходя из политических соображений: после отвергнутого плана «автономизации» и «грузинского инцидента» ему было необходимо утвердить себя в глазах партийных масс как твердого сторонника «ленинской линии» в национальном вопросе, осуждавшего любые проявления «великорусского шовинизма» как внутри страны, так и за ее пределами. В противоположность меняющейся позиции Сталина, Троцкий изначально указывал на желательность пропаганды идей сменовеховства. Так, еще в октябре 1921 г., в газете «Правда» он писал: «Сменовеховцы, исходя из соображений патриотизма, пришли к выводам, что спасение России в советской власти, что никто не может охранить единство русского народа и его независимость от внешнего насилия в данных исторических условиях, кроме советской власти, и что нужно ей помочь... Они подошли не к коммунизму, а к советской власти через ворота патриотизма»²⁷¹.

О широком распространении идей сменовеховства в среде русской эмиграции свидетельствовало «Открытое письмо Н. В. Чайковскому» известного писателя А. Н. Толстого, опубликованное в апреле 1922 года. Предыстория его появления была следующей. В начале апреля 1922 г. председатель Трудовой народно-социалистической партии Н. В. Чайковский в письме из Парижа, по поручению эмигрантского «Исполнительного бюро комитета помощи писателям-эмигрантам», потребовал у А. Н. Толстого объяснений по поводу его сотрудничества в берлинском печатном органе «сменовеховцев», газете «Накануне». В своем письме Чайковский спрашивал А. Н. Толстого, следует ли понимать его участие в «Накануне» как открытый переход под флаг «самозванной» большевистской власти в России. Почти одновременно с Чайковским к Толстому обратился и П. Н. Милюков, прямо заявив в своем письме о несовместимости сотрудничества литератора со «сменовеховцами» и его пребыванием в «Союзе русских писателей». В ответ на эти обвинения А. Н. Толстой пишет свое знаменитое «письмо Н. В. Чайковскому», в котором излагает свою точку зрения на положение русских эмигрантов за границей и свое отношение к новой России. Прежде всего, Толстой опровергал выдвинутые против него и газеты, в которой он печатался, обвинения в пособничестве большевикам и стремлении к расколу эмигрантской среды: «Задача газеты «Накануне» не есть, – как вы пишете, – борьба с русской эмиграцией, но есть борьба за русскую государственность... В существующем ныне большевистском правительстве газета «Накануне» видит ту реальную – единственную в реальном плане – власть, которая одна сейчас защищает русские границы от покушения на них соседей, поддерживает единство русского государства и на Генуэзской конференции одна выступает в защиту России от возможного порабощения и разграбления ее иными странами»²⁷². Мотивы, определившие идейную эволюцию писателя, – от резкого неприятия большевизма до признания Советской власти как единственной реальной государственной власти в России, он сам обозначил так: «Я представляю из себя натуральный тип русского эмигранта, то есть человека, проделавшего весь

²⁶⁹ Петренко Е. Л. Сменовеховство. С. 150.

²⁷⁰ См. Агурский М. С. Идеология национал-большевизма. С. 148–151.

²⁷¹ Правда. 1921. 27 октября.

²⁷² Толстой А. Н. Собр. соч.: В 10 т. М., 1958–1960. Т. 10. С. 33–34.

скорбный путь хождения по мукам. В эпоху великой борьбы белых и красных я был на стороне белых. Я ненавидел большевиков физически. Я считал их разорителями русского государства, причиной всех бед. В эти годы погибли два моих родных брата, один зарублен, другой умер от ран, расстреляны двое моих дядей, восемь человек моих родных умерло от голода и болезней. Я сам с семьей страдал ужасно. Мне было за что ненавидеть.

Красные одолели, междоусобная война кончилась»²⁷³.

По признанию А. Н. Толстого, два события – советско-польская война 1920 г. и начавшийся год спустя страшный голод в России изменили отношение писателя к происходящему на его Родине. Касаясь первого события, он отмечал: «Я в числе многих, многих других, не мог сочувствовать полякам, завоевавшим русскую землю, не мог пожелать установления границ 72 года или отдачи полякам Смоленска, который 400 лет тому назад, в точно такой же обстановке, защищал воевода Шеин от польских войск, явившихся также по русскому зову под стены русского города»²⁷⁴. Всей своей кровью я желал победы красным войскам»²⁷⁵. Реакция части эмиграции на наступивший после Гражданской войны голод в ряде регионов России возмутила писателя: «Они (т. е. антисоветски настроенные эмигранты – А. КТ) сказали, – голод ужасен, но – с разбойниками, захватившими в России Власть, мы не примиримся, – ни вагона хлеба в Россию, где этот вагон лишний день продлит власть большевиков! К счастью, таких было немного. В Россию все же повезли хлеб, и голодные его ели»²⁷⁶. Третьим, «чрезвычайным событием», заставившим писателя пересмотреть свое прежнее отношение к Советской России, уже преобразованной политикой НЭПа, «была перемена внутреннего, затем и внешнего курса русского, большевистского правительства, каковой курс утверждается бытом и законом». По мнению А. Н. Толстого, «каждому русскому, приезжающему с запада на восток, – в Берлин, – становится ясно еще и нижеследующее:

Представление о России, как о какой-то опустевшей, покрытой могилами, вымершей равнине, где сидят гнездами разбойники-большевики, фантастическое это представление сменяется понемногу более близким к действительности. Россия не вся вымерла и не пропала, 150 миллионов живет на ее равнинах, живет, конечно, плохо, голодно, вшиво, но несмотря на тяжелую жизнь и голод, – не желает все же ни нашествия иностранцев, ни отдачи Смоленска, ни собственной смерти и гибели»²⁷⁷.

Отвергая предлагаемые идеологами эмиграции пути к «сохранению и утверждению русской государственности» – военную интервенцию и экономическую блокаду Советской России, А. Н. Толстой призывает к «третьему пути». По его мнению, необходимо «признать реальность существования в России правительства, называемого большевистским, признать, что никакого другого правительства ни в России, ни вне России – нет...

Признав, делать все, чтобы помочь последнему фазису русской революции пойти в сторону обогащения русской жизни, в сторону извлечения из революции всего доброго, в сторону уничтожения всего злого и несправедливого, принесенного той же революцией, и, наконец, в сторону укрепления нашей великодержавности»²⁷⁸. «Открытое письмо Н. В. Чайковскому» было опубликовано 14 апреля 1922 г. в газете «Накануне». 25 апреля газета «Известия» перепечатала письма Чайковского и Толстого и дала высокую оценку патриотической

²⁷³ Там же. С. 34.

²⁷⁴ Автор неверно указывает дату обороны Смоленска от польских интервентов, которую возглавил воевода Б. И. Шеин. Она длилась с 1609 по 1611 гг., т. е. за 311 лет до 1922 г.

²⁷⁵ Толстой А. Н. Собр. соч.: В 10 тт. Т. 10. С. 35.

²⁷⁶ Там же. С. 36.

²⁷⁷ Там же.

²⁷⁸ Там же. С. 37.

позиции писателя, подчеркнув большое политическое значение его выступления²⁷⁹. В августе 1923 г. А. Н. Толстой возвращается на Родину.

Постепенная стабилизация жизни в России, начавшийся экономический рост вследствие проведения НЭПа, а также объявленная декретом ВЦИК от 3 ноября 1921 г. амнистия для значительной части рядовых военнослужащих – участников белого движения – стали поводом к возвращению на Родину тысяч эмигрантов. Характерным явлением для Русского Зарубежья тех лет стало возникновение общественных организаций – «Союзов возвращения на Родину» (т. н. «Совнарод»). В своих изданиях представители этих союзов проводили идею примирения с коммунистической властью (как «государственнической» и отвечающей чаяниям русских патриотов) и призывали к возвращению в Советскую Россию. Так, 24 мая 1922 г. в печатном органе одного из союзов – софийской газете «На Родину» было опубликовано обращение к проживающим в Болгарии белоэмигрантам: «Мы зовем всех честных людей русской эмиграции, которым чужды авантюристские похождения и дороги интересы родной страны, сомкнуть свои ряды под флагом нашей организации и газеты и вместе с нами начать дело исправления наших ошибок, сознательно или бессознательно нами совершенных, дело искупления наших грехов»²⁸⁰. При активном содействии Болгарской коммунистической партии проводилась агитация среди врангелевских солдат по их вовлечению в «Союз возвращения на Родину». К 1923 г. на территории этого государства существовало 65 групп «Совнарода» численностью около 8500 человек. При помощи этой организации, через которую миссия советского Красного Креста организовывала работу по репатриации бывших российских граждан, в 1922–1923 гг. из Болгарии вернулись на Родину, по разным данным, от 12 до 14 тыс. человек, из которых 70 % составляли казаки²⁸¹.

Очевидная бесперспективность продолжения борьбы с большевизмом в рядах белоэмигрантских и антисоветских организаций, а также патриотические мотивы служения новому «Русскому государству» побуждали к возвращению на Родину и представителей белого генералитета. В ноябре 1921 г., после переговоров с представителями ВЧК и с разрешения Советского правительства в Россию с группой офицеров вернулся генерал-лейтенант врангелевской армии Я. А. Слащов. Перед отъездом он направил в зарубежные газеты письмо, в котором обосновал свое решение: «Внутри России революция окончена... Если меня спросят, как я, защитник Крыма от красных, перешел теперь к ним, я отвечу: я защищал не Крым, а честь России. Ныне меня зовут защищать честь России, и я еду выполнять свой долг, считая, что все русские, военные в особенности, должны быть в настоящий момент в России»²⁸². Сразу после возвращения в Россию Слащов вместе с прибывшими с ним генерал-майором А. С. Мильковским и полковником Э. П. Гильбихом написали обращение к офицерам и солдатам врангелевской армии. По версии российского историка Ю. Цурганова, идея создания этого документа принадлежала Л. Д. Троцкому и заместителю председателя ВЧК И. С. Ун шлихту. Вопрос о необходимости подобного обращения к белоэмигрантам обсуждался на одном из заседаний Политбюро ЦК РКП(б)²⁸³. Взывая к патриотическим чувствам русских военных, оставшихся за пределами страны и продолжавших возлагать надежды на свержение коммунистического режима путем интервенции, Слащов

²⁷⁹ См.: Петелин В. В. Алексей Толстой. М., 1978. С. 177.

²⁸⁰ Цит по: Шкаренков Л. К. Агония белой эмиграции. С. 75.

²⁸¹ Там же. С. 75, 77.

²⁸² Это письмо Я. А. Слащова было также опубликовано в газете «Известия» (24 ноября 1921 г.), передовая статья которой была озаглавлена «Прозрение». После признания своей вины за тяжкие преступления, совершенные им в годы гражданской войны, Слащов был амнистирован Советским правительством. В июне 1922 г. он получил должность преподавателя тактики в школе комсостава «Выстрел» (См.: Кавтарадзе А. Г. Предисловие // Слащов-Крымский Я. А. Белый Крым. 1920 г.: Мемуары и документы. М., 1990. С. 21–22).

²⁸³ Цурганов Ю. Белоэмигранты и Вторая мировая война. Попытка реванша. 1939–1945. М., 2010. С. 45.

писал: «С 1918 года льется русская кровь в междоусобной войне. Все называли себя борцами за народ. Правительство белых оказалось несостоятельным и не поддержанным народом – белые были побеждены и бежали в Константинополь. Советская власть есть единственная власть, представляющая Россию и ее народ. Я, Слащов-Крымский²⁸⁴, зову вас, офицеры и солдаты, подчиниться Советской власти и вернуться на Родину»²⁸⁵. Это обращение генерала к бывшим однополчанам, а также его выступления по радио, в которых звучали призывы к признанию новой власти и возвращению в Россию вызвали большой резонанс в среде эмиграции. Другой акцией, способствовавшей дальнейшему идейному расколу в стане белоэмигрантов, стало обращение «К войскам белых армий» генералов А. Секретова, Ю. Гравицкого, И. Клочкова, Е. Зеленина, полковников Д. Житкевича, В. Оржаневского, Н. Климовича, М. Лялина (октябрь 1922 г.). Признавая правительство РСФСР как единственно законную власть русского народа на территории бывшей Империи и отвергая путь «белой» реставрации прежних порядков, авторы обращения подчеркивали: «Наша Родина вышла из полосы первоначального революционного хаоса и вступила на путь творческой, созидательной работы. На международной политической арене Советское правительство является единственным защитником интересов России и ее государственного суверенитета». В обращении осуждались любые действия, направленные против Советской России, и в которые стремились вовлечь военнослужащих-эмигрантов. Авторы документа обращались к эмиграции с призывом: «Ни одного солдата и офицера на новую авантюру!». Те же мотивы были характерны и для других подобных обращений и воззваний представителей русского военного Зарубежья 1922–1923 годов²⁸⁶.

Декрет ЦИК и СНК от 9 июня 1924 г. распространил амнистию также и на всех рядовых белых армий, находящихся на территории Дальнего Востока, Монголии и Западного Китая. Это решение советских властей вызвало новую волну «возвращенцев». Всего за период 1921–1931 гг. в Россию (СССР) вернулись 181432 эмигранта (из них 121843 – в 1921 г.)²⁸⁷. Впоследствии многие из вернувшихся будут подвергнуты репрессиям²⁸⁸.

Примечательным является и тот факт, что даже убежденные противники Советской власти вынуждены были признать ее как реальную политическую и идейную основу для возрождения России. Так, в покаянной статье Б. В. Савинкова «Почему я признал Советскую власть» (редакция газеты «Правда» опубликовала ее в сентябре 1924 г. под заголовком «Сменовеховец с неразорвавшейся бомбой»), бывший эсер-террорист и один из ведущих лидеров антисоветской эмиграции заявлял: «Я – не коммунист, но и не защитник имущих классов. Я думаю о России, и только о ней. При царе Россия была сильна и стала жандармом Европы. Советская власть, укрепившись, объединила в равноправный союз народы бывшей Российской империи. Она стремится к усилению и процветанию СССР. Пусть во имя Коммунистического Интернационала. Значит ли это, что Россия приносится ему в жертву? Нет, это значит, что в глазах миллионов русских людей вчерашний жандарм, Россия, станет завтра освободительницей народов. Для меня достаточно восстановления ее»²⁸⁹. Поворот к НЭПу, предпринятый большевистским руководством, пробуждал у некоторых предста-

²⁸⁴ В специальном приказе от 19 августа 1920 г. главнокомандующего ВСЮР П. Н. Врангеля Я. А. Слащов за особые заслуги в проведении военных операций против Красной Армии в Северной Таврии получил почетную «приставку» к своей фамилии, по примеру великих русских полководцев (См.: *Кавтарадзе А. Г. Предисловие // Слащов-Крымский Я. А. Белый Крым. 1920 г. С. 16*).

²⁸⁵ Известия. 1921. 20 ноября.

²⁸⁶ Шкаренков Л. К. Агония белой эмиграции. С. 76–77.

²⁸⁷ Барсенков А. С., Вдовин А. И. История России. С. 178.

²⁸⁸ См.: Политическая история русской эмиграции. 1920–1940 гг.: Документы и материалы. М., 1999. С. 233; Цурганов Ю. Белоэмигранты и Вторая мировая война. С. 46–47.

²⁸⁹ Савинков Б. В. Воспоминания. С. 396.

вителей белой эмиграции иллюзии в «национально-имперском» перерождении советского режима. В своей книге «Три столицы», изданной в 1926 г. в Берлине после «нелегальной» поездки в Советскую Россию (организованной ОГПУ), ее автор В. В. Шульгин сделал парадоксальный вывод о трансформации ленинизма в новую форму «белой» русской государственности: «Когда Ленин голосом Чингисхана, стегаящего нагайкой племена и расы, крикнул шестой части суши апокалипсическое слово «НЭП» и в развитие сего прибавил издевательское, гениальное: «Учитесь торговать», – он сжег все то, чему он поклонялся, и поклонялся тому, что сжигал...

Так поступают или великие преступники, или герои. Пусть Ленин герой! Так повернуть руль корабля мог только человек, к-рый властвует над стихией... Это значит, что Ленин, сознательно или нет, стал орудием, инструментом Белой Мысли»²⁹⁰. В. В. Шульгин не относился к сменовеховцам и был убежденным монархистом, но некоторые суждения о Советской России тех лет, приведенные в его книге «Три столицы», явно перекликались с идеологическими установками этого движения.

Упрочение советского режима, прекращение международной изоляции СССР, усиливающийся раскол в стане эмиграции – все эти причины обусловили постепенное «сворачивание» коммунистическими властями сменовеховского движения и его изданий (в том числе и зарубежных). Во второй половине 1920-х гг. прекращается регулярный выход на европейскую аудиторию журнала «Смена вех» и газеты «Накануне». В 1926 г. был закрыт выходивший в СССР печатный орган сменовеховцев – журнал «Россия» (называвшийся до августа 1922 г. «Новая Россия»). Некоторые сменовеховцы, проживавшие за рубежом, возвратились на Родину и стали советскими госслужащими. Ведущий идеолог сменовеховства Н. В. Устрялов, преподававший в 1935–1937 гг. в Московском институте инженеров транспорта и активно печатавшийся в «Правде» и «Известиях», был арестован по подложному обвинению и расстрелян в сентябре 1937 года²⁹¹.

История первых пятнадцати лет Советской власти показывает, что обращение большевистского руководства к идеям русского патриотизма имело сугубо «выборочный» характер и определялось политической конъюнктурой того времени. Все «полезное» и политически необходимое в конкретных условиях госстроительства, содержащееся в идеях русского патриотизма и призывах к возрождению России, должно было служить исключительно задачам укрепления первого социалистического интернационального государства – кристаллизующего центра будущей мировой Республики Советов. Любые «автономные» и политически опасные для большевиков проявления русского патриотизма и «великодержавничества» жестко пресекались. Таким образом, русский народ – титульная нация новообразованного Советского государства становился заложником глобальной геополитической игры большевистского руководства, раздираемого в 1920-е гг. внутрипартийной борьбой. При этом русское население СССР, несмотря на декларируемое национальное равноправие, становилось в неравное и даже в подчиненное положение по отношению к другим советским народам. Характеризуя такую «интернациональную» политику, проводившуюся большевиками в те годы, российский историк В. Д. Соловей подчеркивает: «Если Старый порядок был нерусским, то новый – последовательно, целеустремленно и открыто антирусским. По крайней мере, первые пятнадцать лет существования Советской власти»²⁹².

Американский историк Терри Мартин, рассматривая в своей работе историю становления ленинско-сталинской «империи положительной деятельности» – СССР (основой

²⁹⁰ Шульгин В. В. Три столицы. М., 1991. С. 364–365. См. также: Репников А. В., Христофоров В. С. Неизвестный Шульгин // Консерватизм в России и мире: в 3 ч. Воронеж, 2004. 4.2. С. 228–229.

²⁹¹ См.: Сергеев С. М. Страстотерпец великодержавия // Устрялов Н. В. Национал-большевизм. М., 2003. С. 15–16.

²⁹² Соловей Т. Д., Соловей В. Д. Несостоявшаяся революция: Исторические смыслы русского национализма. М., 2009. С. 174. Пропись источника.

которой автор считает государственную политику предоставления льгот ранее подвергавшимся дискриминации этническим группам) изложил свою точку зрения на положение русских в Советском Союзе 1920-х гг. – начала 1930-х годов. По его мнению, «конструктивные действия в интересах одной национальности... предполагают разрушительные действия по отношению к другим. В случае Советского Союза... основную тяжесть дискриминации несли на себе одни только русские... Советская политика и впрямь требовала от русских жертв в области национальной политики: нерусским республикам были переданы территории, населенные русским большинством; русские были вынуждены согласиться на амбициозные программы положительной деятельности, которые проводились в интересах нерусских народов; русских призывали учить языки национальных меньшинств и наконец, традиционная русская культура была осуждена как культура угнетателей»²⁹³.

Следует отметить, что последний вывод, который делает Терри Мартин, не бесспорен. Русская культура и общественная мысль предыдущих столетий, рассматривавшиеся идеологами большевизма как формы проявления классового мировоззрения, не были отвергнуты в первые годы Советской власти. Утвердившийся в России большевистский режим нуждался в годы Гражданской войны и иностранной агрессии в определенном пропагандистском «наполнении» политики «революционного оборончества». Защита революционного Отечества могла основываться в тех условиях как на доктрине «мировой революции», так и на идеях патриотизма и исторической преемственности. Исходя из этого, коммунистическое руководство использовало в качестве «символов» новой России не только героические образы деятелей международного и российского революционного движения, вошедшие в многовековую летопись освободительной борьбы разных стран и народов, но и имена наиболее выдающихся представителей русской дореволюционной культуры.

Показательно, что даже некоторые деятели искусства, писатели и философы, которых сторонники «революционно-демократического» направления обычно относили к «консерваторам» и проводникам «религиозно-охранительной» традиции, также были внесены большевистскими лидерами в общий список исторических имен, призванных наполнить формирующуюся пролетарскую культуру реальным политическим и эстетическим содержанием. Так, 18 июля 1918 г. отдел изобразительных искусств Наркомпроса направил в Совет Народных Комиссаров декларативную записку: «По инициативе Председателя Совнаркома т. В. И. Ленина Комиссар народного просвещения сделал в заседании 1918 года предложение художественной коллегии поставить памятники лицам, выдающимся в области революционной и общественной деятельности, в области философии, литературы, науки и искусства»²⁹⁴.

30 июля 1918 г. Совет Народных Комиссаров утвердил «Список лиц, коим предложено поставить монументы в г. Москве и др. городах РСФСР». В него были внесены имена как представителей революционно-демократического движения, так и наиболее «приемлемых» для формировавшейся пролетарской культуры русских писателей, художников, ученых, актеров. В начале августа газета «Известия» сообщила о намерении советского правительства воздвигнуть памятники выдающимся революционерам и деятелям мировой культуры и науки, а также А. С. Пушкину, М. Ю. Лермонтову, Н. В. Гоголю, Ф. И. Тютчеву, А. В. Кольцову, И. С. Никитину, Л. Н. Толстому, Ф. М. Достоевскому, Н. А. Некрасову, М. Е. Салтыкову-Щедрину, В. Г. Белинскому, Г. И. Успенскому, М. В. Ломоносову, Д. И. Менделееву, Андрею Рублеву, О. А. Кипренскому, А. А. Иванову, В. И. Сурикову, М. А. Врубелю, М. И. Козловскому, Ф. И. Шубину, М. Ф. Казакову, М. П. Мусоргскому, Н. А. Римскому-Корсакову, А. Н. Скрябину, В. Ф. Комиссаржевской, П. С. Мочалову и др.²⁹⁵

²⁹³ Мартин Т. Империя «положительной деятельности». С. 31.

²⁹⁴ См.: В. И. Ленин о литературе и искусстве. М., 1969. С. 566.

²⁹⁵ Известия ВЦИК. 1918. 2 августа. См. также: Коненков С. Т. Ленин: «Я назвал бы это монументальной пропагандой» //

В создании памятников принимали участие известные скульпторы С. Т. Коненков, Л. В. Шервуд, Н. А. Андреев, В. И. Мухина, С. Д. Меркуров и др. Характерным примером отхода от жесткой идеологической заданности в культурной политике тех лет стало открытие памятника писателю и представителю русского консервативного лагеря Ф. М. Достоевскому. Памятник ему был установлен в Москве на Цветном бульваре 7 ноября 1918 г. – в первую годовщину Октябрьской революции²⁹⁶. Ровно через десять лет после этого события принял первых посетителей музей писателя в Москве. В августе 1920 г. в Муранове, по решению советских властей (и при непосредственной поддержке В. И. Ленина), был открыт музей Ф. И. Тютчева, великого русского поэта, близкого к славянофильскому направлению²⁹⁷. Декретом от 12 сентября 1921 г. «Об охране садов и парков» имение И. С. Тургенева Спасское-Лутовиново получило статус государственного заповедника, а в Орле был открыт музей писателя. В ноябре 1921 г. в Москве открылся музей-усадьба Л. Н. Толстого.

Большое внимание уделялось и охране памятников русской старины. Свидетельства об этом содержатся в воспоминаниях о Ленине В. Д. Бонч-Бруевича (в 1917–1920 гг. – управляющего делами Совета Народных Комиссаров): «Несмотря на всю свою занятость, Владимир Ильич обращал большое внимание на архитектурные древности Москвы и других городов. Так, когда белогвардейцы артиллерийским огнем разрушили Ярославль, он принимал самое горячее участие в восстановлении этого старинного русского города. Была организована специальная комиссия, которая приводила Владимира Ильича в отчаяние своей медлительностью. Он хотел, чтобы во что бы то ни стало были восстановлены ярославские древние церкви, которые представляли собой памятники нашего старинного зодчества. Когда ему приходилось слышать, что в Галиче, Угличе и других старинных русских городах пытались разрушить церкви, он немедленно рассылал телеграммы и строгие приказы этого не делать, вызывал представителей местных властей, разъясняя им значение исторических памятников»²⁹⁸.

В тех же воспоминаниях приводятся факты бережного отношения В. И. Ленина к архитектурным памятникам Москвы, о его деятельности по восстановлению Московского Кремля, Сухаревой башни и других русских культурно-исторических памятников²⁹⁹. В апреле 1920 г. по декрету Совета Народных Комиссаров за подписью В. И. Ленина все находящиеся в пределах Троице-Сергиевой лавры сооружения и историко-художественные ценности вошли в собрание организованного там музея. Когда Ленину представили на подпись текст декрета о национализации Троице-Сергиевой лавры, он внес в него «особенно много исправлений», направленных на усиление ответственности за сохранность произведений искусства³⁰⁰. Глава советского правительства призывал к бережному отношению к памятникам древнерусского искусства как неотъемлемой части национального культурного достояния. Об этом свидетельствуют воспоминания выдающегося архитектора И. В. Жолтовского: «Ленин часто говорил о необходимости при реконструкции столицы сохранить памятники древнего зодчества, все ценное, что создано художественным гением русского народа»³⁰¹. Уже в первые дни Советской власти, в ноябре 1917 г., по распоряжению Ленина была начата проверка и эвакуация в Москву исторических и культурных ценностей из музеев Петрограда и пригородных дворцов. Такая мера была обусловлена близостью военной зоны и опасностью захвата этих ценностей в случае оккупации Петрограда. На учрежденный по указанию

Воспоминания о В. И. Ленине: В 5 т. М., 1979. Т. 5. С. 287–288.

²⁹⁶ История русского и советского искусства. М., 1989. С. 332.

²⁹⁷ См.: Кожинов В. В. Тютчев. М., 1988. С. 8.

²⁹⁸ Бонч-Бруевич В. Д. Воспоминания о Ленине. М., 1969. С. 404.

²⁹⁹ Там же. С. 402–405.

³⁰⁰ См.: Грабарь И. Э. Моя жизнь. Автобиография. М.-Л., 1937. С. 272.

³⁰¹ Жолтовский И. В. В 1918-м // Воспоминания о В. И. Ленине: В 5 т. М., 1979. Т. 1. С. 211.

Ленина Народный комиссариат художественно-исторических имуществ возлагались обязанности по охране памятников русской культуры. Как вспоминал впоследствии заместитель наркома художественно-исторических имуществ И. А. Вайман, кроме организации охраны памятников Кремля, в 1918 г. началась работа по учету художественных ценностей на территории РСФСР, не захваченной иностранными интервентами и белогвардейцами: «Во дворцах Московской области – Архангельском, в Кускове, Покровско-Стрешневе и других – была организована охрана памятников искусства и старины... Для выездов вне пределов Москвы тов. Ленин давал нам свою автомашину. Таким образом нам удалось объехать и организовать охрану Архангельского дворца, замечательного памятника культуры XVIII–XIX веков, панорамы Бородинского боя 1812 года и т. д.»³⁰²

Несмотря на тяжелые условия Гражданской войны, советскими издательствами выпускалась русская классическая литература (уже без купюр царской цензуры). Особое значение имело издание отечественной классики в 1920-е гг. – в период разворачивавшейся политики по ликвидации неграмотности среди населения и его привлечению к наследию мировой и русской культуры. 29 декабря 1917 г. ВЦИК принимает «Декрет о Государственном издательстве», в котором, в частности, указывалось: «В первую очередь, должно... быть поставлено дешевое народное издание русских классиков. Сочинения тех из них, срок авторского права которых истек, должны быть переизданы... Народные издания классиков должны поступать в продажу по себестоимости. Если же средства позволят, то и распространяться по льготной цене, или даже бесплатно через библиотеки, обслуживающие трудовую демократию»³⁰³. В трудное для молодой Советской республики военное время Совнарком изыскивает полтора миллиона рублей для налаживания издательской деятельности в стране и предпринимает меры для широкого издания произведений русской и зарубежной классической литературы и выпуска новых школьных учебников³⁰⁴. По-своему объяснял необходимость привлечения русского литературного наследия для правильного идейно-политического «воспитания» пролетариата Л. Д. Троцкий в своей статье «Пролетарская культура и пролетарское искусство»: «Рабочему классу не нужно и невозможно порывать с литературной традицией, ибо он вовсе не в тисках ее. Он не знает старой литературы, ему нужно только приобщиться к ней, ему нужно только овладеть еще Пушкиным, впить его в себя – и уже тем самым преодолеть его... Когда футуристы предлагают выкинуть за борт старую индивидуалистическую литературу... они обнаруживают весьма-таки недостаточное понимание диалектической природы и противоречия индивидуализма и коллективизма»³⁰⁵. Приведенная цитата наглядно характеризует стремление Троцкого использовать такой существенный фактор общественной жизни, каким традиционно являлась русская литература, – в целях политической конъюнктуры. Творчество русских писателей, призванное сыграть свою роль в повышении культурного уровня пролетариата, должно будет со временем «преодолено» и отброшено. Следует отметить, что в культурных мероприятиях, проводимых большевиками, далеко не всегда присутствовал подобный политический практицизм. Установка памятников русским писателям, деятелям отечественной науки и искусства, предпринимаемые меры по сохранению памятников древнерусского зодчества, открытие музеев – все эти мероприятия новой власти свидетельствовали о том, что русское национальное наследие (по крайней мере, все лучшее и «прогрессивное» на ее взгляд) рассматривалось как неотъемлемая компонента формирующейся интернациональной пролетарской культуры.

³⁰² Вайман И. А. С товарищем Лениным. Охрана памятников старины и искусства // Воспоминания о В. И. Ленине: В 5 т. Т. 3. С. 250–252.

³⁰³ Декреты Советской власти: В 2 т. М., 1957. Т. 1. С. 296–297.

³⁰⁴ Паль Р. В. Человек придумал книгу. М., 1983. С. 254.

³⁰⁵ Правда. 1923. 14 сентября.

Даже в суровые годы войны и хозяйственной разрухи проводились мероприятия, посвященные деятелям русского искусства, устраивались художественные выставки, концерты произведений композиторов-классиков. Так, 10 апреля 1919 г. в Колонном зале Дома Союзов состоялся концерт в честь 80-летия со дня рождения М. П. Мусоргского. 19 апреля 1920 г. в Большом театре прошло торжественное заседание, посвященное пятилетней годовщине со дня кончины А. Н. Скрябина.

23 апреля там же состоялась премьера новой постановки оперы А. П. Бородина «Князь Игорь» (режиссер А. А. Санин, дирижер Н. С. Голованов, художник К. А. Коровин, балет-мейстер А. А. Горский)³⁰⁶. Для прославленного русского художника Б. М. Кустодиева первое десятилетие Советской власти явилось не только временем тяжелых личных испытаний, связанных с Гражданской войной и лишениями тех лет, но и новым периодом в творческой судьбе. Живописец, картины которого передавали красоту русской природы и колорит городского и купеческого быта, принял Октябрьскую революцию как начало положительных перемен в жизни России. Он создавал полотна, прославляющие революцию, советские праздники, рисовал плакаты. Новая действительность нашла свое отражение в картинах художника «Праздник в честь открытия второго конгресса Коминтерна 19 июля 1920 года. Демонстрация на площади Урицкого» (1921 г.), «Ночной праздник на Неве» (1923 г.), «Октябрь в Петрограде» (1927 г.). Наибольшую известность в те годы получила картина Кустодиева «Большевик» (1920 г.). На ней художник изобразил русского рабочего-исполина, возвышающегося над уличной толпой и держащего в руках красное знамя освобождения. Фанатичный взгляд большевика устремлен на церковь, стоящую на его пути. Что хотел выразить этим художник – торжество новой «веры», призванной уничтожить религию прошлого, или единство коммунистических и христианских идеалов – является до сих пор дискуссионным вопросом для историков и искусствоведов. Официальными кругами и партийными критиками картина была принята доброжелательно и признана ярким явлением формирующегося советского искусства. Неоднократно организовывались выставки живописных работ Б. М. Кустодиева – как новых, так и дореволюционных.

Однако, несмотря на принимаемые представителями большевистской власти меры по сохранению русского культурного наследия, их поддержку просоветски ориентированного патриотического направления в среде эмиграции (сменовеховства), – в целом, официальная идеологическая и культурная политика имела совершенно противоположный патриотической идее и русским национальным ценностям характер. С особой силой это проявилось после окончания Гражданской войны и стало одной из главных составляющих советской пропаганды и культурной политики в 1920–начале 1930-х годов. Линия на искоренение «великодержавного шовинизма» и «русского национализма» – в культуре, гуманитарных науках, языкознании – принимала зачастую форму откровенного глумления над историей и национальными традициями ведущего народа СССР. Все, что было связано с дореволюционной Россией, по мнению левацки настроенных «ниспровергателей прошлого», подлежало решительному осуждению и уничтожению, как контрреволюционное и националистическое по своему содержанию, как олицетворение идеологии и культуры господствующих классов.

Даже краткий перечень актов вандализма, совершенных в 1920–1930-е гг. в отношении памятников и захоронений деятелей русской истории, красноречиво свидетельствовал о целенаправленной политике, проводившейся определенными кругами в большевистском руководстве и местными властями по искоренению всего, что олицетворяло дореволюционное прошлое страны. Об этом пишут современные российские исследователи: «В фундамент для компрессоров превращены могилы героев Куликовской битвы Александра Пересвета и Родиона Осляби. Останки организатора и героя национально-освободительной борьбы

³⁰⁶ Вострышев М. И. Москва сталинская. Большая иллюстрированная летопись. М., 2008. С. 82, 102.

русского народа Кузьмы Минина взорваны вместе с храмом в нижегородском кремле, а на том месте сооружено здание обкома партии. Мрамор надгробия с места захоронения другого народного героя, князя Дмитрия Пожарского в Спасо-Ефимиевом монастыре в Суздале пошел на фонтан одной из дач... В 1936 г. была разобрана Триумфальная арка на площади Тверской заставы в Москве, сооруженная в честь победы в Отечественной войне 1812 г. 25 апреля 1932 г. в Наркомпросе постановили передать «Металлому» памятник Раевского на Бородинском поле ввиду того, что он «не имеет историко-художественного значения». Под такие же формулировки были взорваны Храм Христа Спасителя, 12 из 14 памятников, установленных на местах боев 1812 г., разрушены тысячи других исторических памятников»³⁰⁷.

Пафос отрицания культурного прошлого России был присущ и части советских творческих работников – сторонников создания «новой пролетарской культуры», чуждой классическим традициям. Так, в резолюции Первой Всесоюзной конференции пролетарских писателей, проходившей в январе 1925 г., «контрреволюционным» объявлялось не только все прошлое русской литературы, но и лояльное к Советской власти течение писателей-«попутчиков», поклонявшееся «гранитному монументу буржуазно-дворянской литературы» и проникнутое «духом национализма, великодержавности, мистицизма»³⁰⁸. В выступлении молодого писателя В. В. Вишневского на одной из армейских партконференций в июле 1921 г. провозглашалось, что «старая культура была фактически пропитана буржуазным духом». Соответственно, большинству наиболее известных русских литераторов и деятелей искусства были присвоены классовые «ярлыки», которые обозначали «непригодность» их творчества для будущей социалистической культуры: А. С. Пушкин был назван дворянином, придворным камер-юнкером, не признававшим никаких революций, и, следовательно, являлся «контрреволюционером», М. Ю. Лермонтов – аристократом, Н. А. Некрасов – помещиком, Л. Н. Толстой – графом и писателем, в произведениях которого народ был лишь фоном для основного действия, которое разыгрывалось в аристократической среде. А. П. Чехов был объявлен мещанином и представителем «упаднического» направления в литературе, А. В. Кольцов – типичным представителем кулачества, М. И. Глинка – помещиком, Н. А. Римский-Корсаков – придворным капельмейстером, автором лженародных опер, непонятных крестьянину. Творчество П. И. Чайковского рассматривалось В. В. Вишневским как образец упадничества и пессимизма, чуждого рабочему классу³⁰⁹. В статье о Л. Н. Толстом, опубликованной в Малой советской энциклопедии в 1930 г., утверждалось, что роман писателя «Война и мир» является не более чем попыткой «реабилитировать дворянство»; в публикациях 1920-х гг. П. И. Чайковский объявлялся «квасным патриотом», а А. М. Горький – «псаломщиком русской культуры»³¹⁰. Литературовед В. Б. Шкловский, затрагивая на страницах журнала «Искусство кино» вопрос о постановке классических произведений русской литературы, заявлял, что «Капитанская дочка», «Герой нашего времени», «Бесы» являются «запасом неправильных фактов». Поэтому «с Толстым, Пушкиным, Лермонтовым и Достоевским нужно бороться по линии изменения сведений, которые они сообщают»³¹¹. Нигилистическое отношение к культурному наследию было характерно и для раннего В. В. Маяковского. Так, в своем стихотворении «Радоваться рано» (1918 г.) поэт призывал к тотальному разрушению старой культуры: «Выстроили пушки на опушке, / Глухи к белогвардейской ласке. / А почему не атакован Пушкин? / А прочие генералы классики?»³¹². Впоследствии

³⁰⁷ Вдовин А. И., Зорин В. Ю., Никонов А. В. Русский народ в национальной политике. XX век. М., 1998. С. 110–111.

³⁰⁸ Там же. С. 142–143.

³⁰⁹ Там же. С. 140–141.

³¹⁰ Там же. С. 141; Нусинов И. Толстой Л. Н. // МСЭ. М., 1931. Т. 8. Стб. 845.

³¹¹ Шкловский В. Как ставить классиков // Советский экран. 1927. 16 августа. С. 10.

³¹² Маяковский В. В. Собр. соч.: В 12 тт. М., 1978. Т. 1. С. 178.

Маяковский изменит свое отношение ко многим писателям-классикам, в том числе и к А. С. Пушкину (в 1924 г. поэтом будет написано знаменитое стихотворение «Юбилейное», посвященное 125-летию со дня рождения Пушкина, которое отмечалось в стране)³¹³. К новому «пониманию» дореволюционной литературы призывал и нарком просвещения А. В. Луначарский. В 1924 г. он утверждал, что Пушкин, Гоголь, Достоевский, Толстой если и были великими писателями, то «вопреки этой проклятой старой России, и все, что в них есть пошлого, ложного, недоделанного, слабого, все это дала им она»³¹⁴.

Ярлык «националиста» был приклеен автору «Конька-горбунка» П. П. Ершову. В отзыве на замечательную стихотворную сказку, написанную редактором Главлита Львом Жмудским в начале декабря 1922 г., отмечалось: «Фабула – православный (это всюду автором выделяется) Иван-дурак, наперекор своим умным собратьям становится царем – как нельзя лучше сатиры на дореволюционную Россию – но беды в том, что услужливый автор как истый националист ненавидит басурман и мечтает о «святом кресте» даже на луне (конечно в образе сказочных достижений), глубоко верует в звезду Ивана-дурака. Не в пример сказкам Пушкина сказка Ершова лишь лубочная карикатура на них – по части воспитательной для детей в ней все от реакционного и антипедагогического – здесь все лучшее по царю мерится (стр. 10 – 1-я половина) и по боярам. Конечно ничего не делается, чтобы не перекреститься (стр. 10-я, 2-я половина). Ну а истинно русскому обязательно противопоставляется, «не пойдет ли царь Салтан басурманить христиан» (там же)... На стр. 16 восхваляется «царь надежа», которого, конечно, народ встречает восторженным «ура»... На основании всего приведенного считаю «Конек-горбунок» к выпуску в свет весьма нежелательным, если ни недопустимым»³¹⁵. Академическое издание «Конька-горбунка» будет осуществлено лишь в 1934 г.³¹⁶

Органами цензуры запрещались и некоторые спектакли, поставленные по произведениям русской классической литературы. Их идейное и эстетическое содержание, «не соответствовавшее» новым культурно-политическим установкам, зачастую и определяло решение цензурных чиновников. Неудивительно, что творчество выдающегося поэта, прозаика и драматурга, певца русской «былинной старины» – графа А. К. Толстого едва ли могло быть приемлемым для людей, стремящихся навсегда с этой «стариной» покончить. В мае 1924 г. Циркуляром Главлита была запрещена постановка оперы «Князь Серебряный» по одноименному роману писателя. Свое решение цензоры мотивировали тем, что содержание оперы «является яркой агитацией в духе православия, самодержавия и народности». По мнению Главлита, образы царя Ивана Грозного, князей и бояр авторами либретто идеализировались, а «народ» был представлен безропотной массой, послушной воле благодетеля-монарха³¹⁷. Драма «Царь Федор Иоаннович» А. К. Толстого была охарактеризована Главреперткомом как сочинение «с оттенком либерального монархизма» и не рекомендовалась к постановке в деревне (как и другая пьеса писателя из его знаменитой «драматической трилогии» – «Смерть Иоанна Грозного»). «Царя Федора» в виде исключения было позволено ставить раз в месяц в одном из театров Москвы³¹⁸.

³¹³ Маяковский В. В. Собр. соч.: В 12 тт. М., 1978. Т. 3. С. 38–46, 382.

³¹⁴ Цит. по: Вдовин А. И., Зорин В. Ю., Никонов А. В. Русский народ в национальной политике. XX век. С. 141.

³¹⁵ Цит. по: Горяева Т. М. Политическая цензура в СССР. 1917–1991 гг. М., 2009. С. 87.

³¹⁶ Ершов П. Конек-горбунок (Общая и художественная редакция А. Н. Тихонова. Подготовка текста, предисловие и примечания М. К. Азадовского). М., 1934.

³¹⁷ Зеленое М. В. Аппарат ЦК РКП(б) – ВКП(б), цензура и историческая наука в 1920-е годы. Монография. Нижний Новгород, 2000. С. 354.

³¹⁸ Там же. Примечательно, что у советских лидеров было иное отношение к творчеству писателя. Так, А. В. Луначарский в статье «О будущем Малого театра» (1924 г.), говоря о воспитательном и культурном значении отечественного театра, назвал в числе «перлов русской драматургии» и пьесы А. К. Толстого (Луначарский А. В. О театре и драматургии: В 2 т. М., 1958. Т. 1. С. 334). Часто цитировал писателя (в том числе и как одного из создателей Козьмы Пруtkова) в своих статьях

Национальная патриотическая идея, противоположная по своей сути идее всемирного «наднационального» братства трудящихся, рассматривалась ревнителями «мировой революции» как контрреволюционная и едва ли не как главная идеологическая угроза осуществлению глобального коммунистического проекта. В своей статье о патриотизме, опубликованной в «Энциклопедии государства и права» (1927 г.), один из ведущих разработчиков советского законодательства, председатель Верховного суда РСФСР П. И. Стучка подчеркивал: «В наше время П (патриотизм – А. К.) играет роль наиболее реакционной идеологии, которая призвана обосновывать империалистическое хищничество и заглушать классовое сознание пролетариата, ставя непереходимые границы его освободительной борьбе»³¹⁹.

В своем выступлении на I Всесоюзном учительском съезде в январе 1925 г. А. В. Луначарский утверждал, что «идея патриотизма – идея насквозь лживая». По его мнению, в патриотической пропаганде были заинтересованы только представители низвергнутых имущих классов, для которых «задача патриотизма заключалась в том, чтобы внушить крестьянскому парнишке или молодому рабочему любовь к «родине», заставить любить своих хищников»³²⁰. Обращаясь к учителям, нарком просвещения задавался вопросом: «Что такое в самом деле родина при капиталистическом строе, что такое каждая отдельная страна, держава?». И отвечал на него, убеждая делегатов съезда в условности существования национальных государств и национального гражданства: «Очень редко вы найдете такую страну, в которой случайно граница ее совпадает с границами расселения данного народа. В огромном большинстве случаев вы имеете державы, подданные которых в демократической стране прикрыты лживым термином «граждане» – люди различных национальностей»³²¹. Поскольку такое «гражданство» и такой буржуазный «патриотизм», по мнению Луначарского, стремительно «разлагаются» под воздействием мировых революционных процессов, докладчик призвал советское учительство воспитывать детей в сугубо интернациональном, «общечеловеческом» духе: «Воспитывать нужно человека, которому ничто человеческое не было бы чуждо, для которого каждый человек, к какой бы нации он ни принадлежал, есть брат, который абсолютно одинаково любит каждую сажень нашего общего земного шара, и который, когда у него есть пристрастие к русскому лицу, к русской речи, к русской природе, понимает, что это – иррациональное пристрастие»³²². По сути, в этих словах звучал призыв к индифферентному и даже космополитическому отношению к родной земле и культуре своего народа. Своему негативному восприятию патриотической идеи А. В. Луначарский оставался верен и в последующие годы. Так, в лекции, прочитанной им перед ленинградской аудиторией 23 мая 1928 г., нарком прямо заявлял: «Мы не нуждаемся ни в каком патриотизме». Только всемирное государство трудящихся сможет обеспечить достойную жизнь многонациональному пролетариату, поскольку он, по мнению Луначарского, «не чувствует себя гражданином определенной страны..., является интернационалистом»³²³.

Еще более непримиримую позицию по отношению к идее патриотизма занимал заместитель Луначарского по Наркомпросу – известный историк-марксист М. Н. Покровский, возглавлявший в 1920-е-начале 1930-х гг. советскую историческую науку. По его мнению, патриотическим чувствам подвержены, главным образом, мещане и представители мелкой буржуазии, капиталистам и тем более интернациональным пролетарским массам патри-

и выступлениях В. И. Ленин (См.: Жуков Д. А. Алексей Константинович Толстой. М., 1982. С. 378).

³¹⁹ Цит. по: Бранденбергер Д. Л. Национал-большевизм. Сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931–1956 гг.). М., 2009. С. 26.

³²⁰ Луначарский А. В. Задачи просвещения в системе советского строительства: Доклад на I Всесоюзном учительском съезде. М., 1925. С. 93–94.

³²¹ Там же. С. 10.

³²² Там же. С. 6–7.

³²³ Цит. по: Вдовин А. И., Зорин В. Ю., Никонов А. В. Русский народ в национальной политике. XX век. С. 113.

отизм чужд. Если первые рассматривали территорию своей экономической деятельности лишь как место для извлечения прибыли, то вторые, подвергавшиеся эксплуатации и насилию, относились к своему государству как к «отечеству-тюрьме». Как отмечал Покровский в статье, посвященной десятилетию Октября, в Советском Союзе «болезнью» патриотизма «вместо миллионов, как это было в Западной Европе, вместо сотен тысяч, как это было у нас в начале 1917 года, хворают только единицы»³²⁴. Само название «Россия», по мнению историка, нужно писать в кавычках, поскольку ««Российская империя» вовсе не была национальным русским государством. Это было собрание нескольких десятков народов..., объединенных только общей эксплуатацией со стороны помещичьей верхушки, и объединенных притом при помощи грубейшего насилия»³²⁵.

В соответствии с такой интерпретацией понятий «Россия», «отечество», «патриотизм» необходимо было предложить советскому обществу новую, основанную на «классовой теории» трактовку событий дореволюционного прошлого, диаметрально противоположную прежнему официальному истолкованию русской истории. При этом само понятие «русская история» подлежало осуждению как «контрреволюционное» и исключению из научного лексикона. В своем выступлении на конференции историков-марксистов (1930 г.) М. Н. Покровский подчеркивал: «Мы поняли, – чуть-чуть поздно – что термин «русская история» есть контрреволюционный термин, одного издания с трехцветным флагом и «единой и неделимой»»³²⁶. Историческая роль русского народа на протяжении столетий сводилась к «угнетению» «порабощенных» им национальностей и слепому следованию «шовинистической» политике правящей власти. На той же конференции Покровский без обиняков заявлял: «В прошлом мы русские были величайшие из грабителей, каких можно себе представить»³²⁷. Такая интерпретация российской истории получила свое законченное выражение еще за десятилетие до этого выступления Покровского – в его известной работе «Русская история в самом сжатом очерке» (М., 1920–1923). Изданная при непосредственной поддержке В. И. Ленина книга должна была стать не только обобщающим «марксистским» исследованием по русской истории, но и идеологическим пособием для широких масс населения. Книга выдержала 10 изданий при жизни М. Н. Покровского (он умер в 1932 г.) и переиздавалась в послесталинские советские десятилетия.

Рассматривая события российской истории сквозь призму вульгарного социологизма и до крайности упрощенного «классового подхода», М. Н. Покровский стремился представить читателю тысячелетнее прошлое русского народа в негативных тонах (определенное исключение было сделано лишь для представителей освободительного и революционного движения). Так, полемизируя с дореволюционными историками-противниками т. н. «норманской теории», он подчеркивал, что эти ученые оспаривали главенствующую роль иноземцев-варягов в образовании Древнерусского государства «из соображений патриотических, т. е. националистических: им казалось обидно для народного самолюбия русских славян, что их первыми государями были иноземцы»³²⁸. Ставленник шляхетской Польши, авантюрист Лжедмитрий I назывался в книге Покровского «царем, который шел против интересов богатых помещиков и капиталистов»³²⁹. Зато организаторы борьбы против польских интервентов, национальные герои Козьма Минин и Дмитрий Пожарский объявлялись предводителями «купеческо-помещичьего ополчения». По мнению историка, «защита

³²⁴ Покровский М. Н. Избранные произведения: В 4 кн. М., 1967. Кн. 4. С. 102.

³²⁵ Там же. С. 129–130.

³²⁶ Труды Первой Всесоюзной конференции историков-марксистов. М., 1930. С. 495.

³²⁷ Там же. С. 494.

³²⁸ Покровский М. Н. Избранные произведения. Кн. 3. С. 28.

³²⁹ Там же. С. 65.

родины и защита своей мощи у этих людей, как у буржуазии всех времен, сливались, таким образом, в одно... Такой патриотизм не только не мешал зоркому ограждению своих интересов, но, напротив, помогал ему»³³⁰. Из книги Покровского советский читатель мог, например, узнать, что Петр I скончался «от последствий сифилиса, заразив предварительно и свою вторую жену»³³¹, приводились и другие «доказательства», свидетельствующие о ничтожестве и политической несостоятельности императоров романовской династии. Войны, которые на протяжении столетий вела Россия, объявлялись захватническими, а ее внешняя политика – агрессивной. При этом, враждебная России сторона зачастую оправдывалась (так, нападение без объявления войны японцев в феврале 1904 г. на русскую эскадру, стоявшую на внешнем рейде Порт-Артура, расценивалось Покровским как «поступок, допускавшийся международным правом»³³²).

В книге фактически ничего не говорилось о развитии культуры русского народа и других народов страны. Впрочем, художественной и исторической литературе, как неотъемлемой составляющей русской культурной жизни последних двух столетий, ведущий советский историк-марксист удел ил внимание в других публикациях. Русская литературная классика и историческая наука (прежде всего, представители «государственной школы» С. М. Соловьев, Б. Н. Чичерин и В. О. Ключевский) были представлены как выражение буржуазной «великодержавности» и национализма. В своем предисловии к сборнику «Русская историческая литература в классовом освещении» (1927 г.) М. Н. Покровский утверждал, что «русская литература (имеется в виду историческая – А. К.), как и вся русская классическая литература, насквозь великодержавна. И великодержавие ее чрезвычайно характерно для националистической политики»³³³. Все это, по мнению ученого, было обусловлено тем, что «русский промышленный капитализм складывался около Москвы – великорусского центра, и московский отпечаток чрезвычайно резко лежит на всей его политике. Отсюда прежде всего великодержавность этой литературы»³³⁴. Как можно понять из этих строк, Покровский определял все многообразие русской национальной культуры и отечественной исторической науки особенностями развития торгово-промышленного капитализма в России XVII–XIX вв.

Возвращаясь к главному популярному сочинению ученого – «Русской истории в самом сжатом очерке», стоит отметить, что оно не было учебником и не предназначалось для преподавания в школах и университетах (хотя и являлось своеобразным идеологическим «ответом» на учебники Д. И. Иловайского – наиболее популярным пособием по отечественной истории в дореволюционных гимназиях), а скорее представляло собой пропагандистский документ. Более того, во многом благодаря усилиям М. Н. Покровского и его сторонников в 1922–1923 гг. преподавание курса истории в государственной общеобразовательной школе было прекращено³³⁵.

Пример борьбы с «великорусским шовинизмом» и ревизии дореволюционного прошлого, поданный московскими историками-марксистами, оказался заразительным и для их коллег в национальных республиках. В обстоятельном исследовании российского историка А. Л. Юрганова, посвященном генезису понятия «русское национальное государство» в советской историографии 1920–1950-х гг., приводится примечательный документ. 6–7

³³⁰ Там же. С. 73.

³³¹ Там же. С. 113.

³³² Там же. С. 339.

³³³ Цит. по: Юрганов А. Л. Русское национальное государство: Жизненный мир историков эпохи сталинизма. М., 2011. С. 33–34.

³³⁴ Там же. С. 34.

³³⁵ См.: Фохт А. В. Ошибки М. Н. Покровского в вопросах преподавания истории // Против антимарксистской концепции М. Н. Покровского. Сборник статей. М.; Л., 1940. 4.2. С. 487.

ноября 1930 г. фракция Всеукра и некого пленума Совета украинского Общества историков-марксистов приняла резолюцию, в которой содержалась резкая критика московского Общества историков, возглавляемого М. Н. Покровским. Наряду с «напоминанием» о том, что сочинения дореволюционных русских историков-классиков (Н. М. Карамзина, С. М. Соловьева, В. О. Ключевского, С. Ф. Платонова) были «насыщены великодержавной идеологией «единой неделимой России»», в документе подчеркивалось, что унаследованные от прошлого идеи великодержавия по отношению к украинской истории «нашли свое отражение... также в работах отдельных историков-марксистов». Не называя имен и работ этих «отдельных историков», авторы резолюции с возмущением констатировали, что «русская марксистская историография еще до сих пор не дала развернутой критики буржуазных великодержавных схем в отношении к истории Украины и тем самым не дала ответа на целый ряд важнейших вопросов взаимоотношений истории России и Украины». В заключении украинские историки конкретизировали свои требования к московским коллегам: «Фракция считает необходимым, чтобы руководящие представители русской марксистской историографии изложили свое понимание вопроса о самостоятельности истории Украины на всем протяжении исторического развития украинского народа»³³⁶. На очередном заседании московского Общества историков Покровский, слегка покритиковав своих украинских коллег за то, что они сами «не переварили многих не националистических, а великодержавных установок», в целом согласился с положением резолюции, в котором говорилось об отсутствии у русских историков-марксистов развернутой критики «националистически-великодержавных теорий», однако подчеркнул, что подобная критика должна проводиться в жестких рамках «классового подхода»³³⁷.

Ученики «школы Покровского» также внесли посильную лепту в развенчание дореволюционного прошлого России и героических страниц ее военной истории. М. В. Нечкина в своей статье, посвященной Отечественной войне 1812 г., утверждала, что нашествия Наполеона на Россию не было, а сама война с Францией была «затеяна русскими помещиками». Представляя французскую армию как прогрессивную политическую силу, Нечкина с сожалением отмечала, что «случайное» поражение французов в России было обусловлено тем, что «грандиозность задуманного Наполеоном плана превосходила возможности того времени». Всеобщий патриотический подъем в русском обществе отрицался. Партизанская борьба с захватчиками сводилась лишь к тому, что «вооруженные чем попало крестьяне» защищали от французских солдат свое имущество. Сам термин «Отечественная война», по мнению Нечкиной, нельзя считать правильным, поскольку он являлся официальным «русским националистическим названием войны, произошедшей в 1812 г.». Победа русского оружия над Наполеоном имела сугубо отрицательное значение, поскольку «явилась началом жесточайшей европейской реакции»³³⁸. Статья, опубликованная в Малой советской энциклопедии (издание 1928–1931 гг.), наглядно отражала господствующую в исторической и популярной литературе тенденцию к принижению и выставлению в сугубо негативном свете всего, что до недавнего времени являлось символами национальной гордости русского народа. В том же идеологическом ключе были написаны и другие статьи энциклопедии, посвященные деятелям русской истории³³⁹.

В развенчании всего относившегося к «проклятому прошлому» царской России от исторической «школы Покровского» не отставало и советское литературоведение. Так, во

³³⁶ Юрганов А. Л. Русское национальное государство. С.34-35.

³³⁷ Там же. С. 40, 43.

³³⁸ Нечкина М. «Отечественная» война // МСЭ. М., 1931. Т. 6. Стб. 186-187.

³³⁹ См., например, статьи об Александре Невском (МСЭ. Т. 1. Стб. 216), Козьме Минине (Т. 5. Стб. 229), князе Дмитрие Пожарском (Т. 6. Стб. 651), Петре I (Т. 6. Стб. 447).

вступительных статьях В. М. Саянова и В. Н. Орлова к изданию собрания стихотворений героя войны 1812 г., поэта-партизана Д. В. Давыдова (1933 г.), он был представлен как заурядный карьерист, крепостник и алкоголик³⁴⁰. В примечаниях к этому изданию, в частности, указывалось, что А. В. Суворов был «полководец, особенно прославившийся разгромом восставшей Польши (1794 г.) и победами над революционной французской армией (1799 г.)»³⁴¹. Других сведений о знаменитом русском военачальнике не приводилось. О самих событиях 1812 г., прославивших имя Давыдова, говорилось следующее: «Легенда об отечественной войне, как войне национально-освободительной, давно уже разоблачена марксистско-ленинской исторической наукой. Давно потускнел романтический ореол, прикрывающий «полководцев», занесенных в «анналы» русских военных «побед» 1812 г.»³⁴².

Советская печать тех лет пестрела откровенно русофобскими высказываниями, стремлением перечеркнуть все культурные и военные достижения русского народа на протяжении его истории. В частности, отмечалось, что «Россия всегда была страной классического идиотизма» (такую характеристику ей дал Г. Зелинский). Говоря о присоединении к Российской империи Средней Азии, Г. Сафаров подчеркивал, что это осуществлялось с «истинно русской подлостью». Севастополь назывался одним из публицистов «русским разбойничьим гнездом на Черном море»³⁴³. Навсегда ушедшую в прошлое тысячелетнюю Русь «хоронил» на страницах «Правды» поэт В. Александровский: «Русь! Сгнила? Умерла? Подохла? / Что же! Вечная память тебе. / Не жила ты, а только охала / В полутемной и тесной избе»³⁴⁴. Соответственно, с гибелью старой России подлежали разрушению и памятники ее историческим героям, образы которых были чужды новым советским поколениям – строителям коммунистического будущего. Поэт Джек Алтаузен обращался к ним с призывом: «Я предлагаю / Минина расплавить, / Пожарского. / Зачем им пьедестал? Довольно нам / Двух лавочников славить – / Их за прилавками / Октябрь застал. / Случайно им / Мы не свернули шею./ Я знаю, это было бы под стать. / Подумаешь, / Они спасли Россию! А может, лучше было б не спасать?»³⁴⁵ К полному разрыву с национальным культурным наследием и осуждению «буржуазного искусства» прошлого призывали в своих манифестах и сочинениях представители возникших в середине 1920-х гг. художественных группировок – «ЛЕФа» («Левого фронта искусств») и РАППа (Российская ассоциация пролетарских писателей, 1925-1932 гг.).

Вместе с этим, беспощадная идеологическая борьба велась не только с «чуждой» пролетарским массам русской «великодержавной» культурой прошлого, но и с проявлениями «национал-шовинизма» в условиях новой действительности. В роли их главного обличителя выступил член Политбюро ЦК РКП(б), главный редактор газеты «Правда» Н. И. Бухарин. В своих «Злых замечках», опубликованных на страницах главного партийного органа в январе 1927 г., Бухарин подверг резкой критике «патриархальные» мотивы, содержащиеся в творчестве крестьянских поэтов П. Д. Дружинина и С. А. Есенина. Избрание в качестве главного объекта для пропагандистской атаки представителей крестьянской культуры (в большинстве своем лояльно относившихся к Советской власти) не было случайным. Во-первых, русское крестьянство, по мнению Бухарина и других большевистских идеологов, еще не изжило своей «мелкобуржуазной» и «патриархальной» психологии, в корне противоположной задачам «перестраивающего мир» пролетариата. Во-вторых, «доказательством» враж-

³⁴⁰ Саянов В. Денис Давыдов // Давыдов Д. В. Полное собрание стихотворений. М., 1933. С. 9–10, 13; Орлов В. Краткая биография Дениса Васильевича Давыдова // Там же. С. 56.

³⁴¹ Орлов В. Автобиография Дениса Давыдова // Там же. С. 224.

³⁴² Там же. С. 11.

³⁴³ Цит. по: Вдовин А. И., Зорин В. Ю., Никонов А. В. Русский народ в национальной политике: XX век. С. 111. См. также: Каграманов Ю. Империя и ойкумена // Новый мир. 1995. № 1. С. 156.

³⁴⁴ Александровский В. Русь и СССР // Правда. 1925. 13 августа.

³⁴⁵ Алтаузен Д. Вступление к поэме // 30 дней. 1930. № 8. С. 66.

дебного отношения к существующему строю среди литераторов – выходцев из крестьянской среды могли стать определенные высказывания и публикации Есенина с критическим подтекстом по политическому и национальному вопросам, а также раскрытие органами ОГПУ в 1924 г. т. н. «ордена русских фашистов» (его лидер – поэт А. А. Ганин и шесть членов организации – литераторов крестьянского происхождения были расстреляны в марте 1925 г.³⁴⁶). Свое отношение к русскому крестьянству Н. И. Бухарин отчетливо выразил еще в мае 1924 г., в выступлении на совещании в ЦК РКП(б), посвященном вопросам партийной политики в области литературы: «Мы должны вести такую политику, чтобы, постепенно, с такой постепенностью, с какой мы ведем крестьянство, учитывая весь его вес и его особенности, вести его по линии раскрестьянивания, точно так же и в области художественной литературы, как и во всех других идеологических областях»³⁴⁷.

В случае с С. А. Есениным и П. Д. Дружининым Бухарин стремился представить их творчество как наиболее показательный пример «упадничества», «шовинизма» и пережитков «патриархальной» психологии, якобы свойственных большинству крестьянских писателей-«попутчиков». В качестве «отправной точки» для последующей идеологической атаки Бухарин выбрал политически нейтральное стихотворение Дружинина «Российское», опубликованное в журнале «Красная новь». В своем сочинении поэт воспевал родную землю, народные обычаи, сохранившиеся, по его мнению, и в новых советских условиях: «О, Русь чудесная! Жива ты, / Как живы русские блины. / Твои соломенные хаты / Овсяной тайною полны!.. / Своя земля, как кладень древний, / Над ней ночует свет и мрак. / И в каждой хате есть царевна, / И в каждой улице дурак... / На них цветные сарафаны / И заливчатские штаны... / На кой же черт иные страны, / Кромя советской стороны!» Отметив с иронией, что «никому, конечно, невозбранно и в стихах возвеличивать в патриотическом азарте «русские блины», согласившись с автором «насчет изобилия дураков» в русской деревне, «но отнюдь не насчет царевен, которые в свое время были немного перестреляны», Бухарин подверг резкой критике последние строки стихотворения: «Это уж не только «национальная ограниченность». Это просто-напросто шовинистическое *свинство*³⁴⁸. В «старое, доброе время» выдающуюся роль в деле кристаллизации российской националистической идеологии играл, как известно, *квас*. Отсюда – «квасной патриотизм», выражение, которое считалось бранным в устах всякого мало-мальски прогрессивного человека». Предпочтение, которое Дружинин отдавал России «блинов, штанов, царевен и дураков», отвергая тем самым прогрессивную идею мировой революции, Бухарин заклеил как «идеологию юродствующих»: «Это юродство входит как составная часть в совокупную идеологию новейшего национализма «*a la moujik russe*»: «мы-ста по мужицки, по-дурацки» и т. д., и т. п. Эта «древняя» юродствующая идеология для конспирации напяливает на себя «советский кафтан»³⁴⁹. Свое окончательное выражение «патриархально-националистическая» идеология писателей-«попутчиков», по мнению главного редактора «Правды», находит в творчестве С. А. Есенина: «Есенинщина – это самое вредное, заслуживающее настоящего бичевания, явление нашего литературного дня... Это отвратительная напудренная и нагло раскрашенная российская матерщина, обильно смоченная пьяными слезами и оттого еще более гнусная. Причудливая смесь из «кобелей», икон, «сисястых баб», «жарких свечей», березок, луны, сук, господ бога, некрофилии..., религии и хулиганства, «любви» к животным и варварского отношения к человеку... все это под колпаком юродствующего quasi-народного национализма – вот

³⁴⁶ См.: Ганин А. Мир и свободный труд – народам: Тезисы // Наш современник. 1992. № 1. С. 168–171; Куняев С. Растерзанные тени // Там же. С. 166–168.

³⁴⁷ К вопросу о политике РКП(б) в художественной литературе. М., 1924. С. 36.

³⁴⁸ Здесь и далее – курсив автора статьи.

³⁴⁹ Бухарин Н. И. Революция и культура: Статьи и выступления. 1923–1936 гг. М., 1993. С. 104–105.

что такое есенинщина». Цинично намекая на трагическую смерть поэта, Бухарин замечает, что герой Есенина «даже может повеситься на чердаке от внутренней душевной пустоты. «Милая», «знакомая», «истинно русская» картина!». С неудовольствием отмечая популярность творчества Есенина среди молодежи, и даже в комсомольской среде, партийный публицист выносит свой «приговор» поэту и направлению, которое он представлял: «Идейно Есенин представляет самые отрицательные черты русской деревни и так называемого «национального характера»... По есенинщине нужно дать *хорошенький залп*»³⁵⁰. Таким образом, творчество С. А. Есенина и близких ему по духу крестьянских литераторов являлось, по мнению Н. И. Бухарина, ярким выражением идей «квазинародного национализма», с которыми следовало вести самую беспощадную борьбу.

Справедливости ради следует отметить, что несмотря на бухаринские призывы покончить с «есенинщиной», посмертные собрания сочинений поэта дважды издавались во второй половине 1920-х годов. В дальнейшем, уже в период абсолютного господства сталинской идеологической политики в пропаганде и культурной сфере, произведения С. А. Есенина неоднократно переиздавались (в 1940, 1946, 1952 и 1953 гг.), но малыми тиражами. Примечательным является и тот факт, что на смерть Есенина откликнулся сочувственным некрологом Л. Д. Троцкий, к которому у поэта вначале было сугубо негативное отношение³⁵¹, сменившееся впоследствии на благожелательное, едва ли не восторженное. Более того, Есенин воспринимал Троцкого как русского националиста. Характерное свидетельство содержится в дневнике друга Есенина, поэта и литературного критика И. А. Оксенова. Описывая встречу Есенина с Троцким в Кремле (в августе 1923 г.), он отмечает: «Троцкого... Сергей любит, потому что Троцкий «националист», и когда Троцкий сказал Есенину: «Жалкий вы человек, националист», Есенин якобы ответил ему: «И вы такой же!»»³⁵². В письме к Айседоре Дункан от 20 августа 1923 г. Есенин писал: «Был у Троцкого. Он отнесся ко мне изумительно. Благодаря его помощи мне дают сейчас большие средства на издательство»³⁵³. У Троцкого, в свою очередь, был определенный политический интерес к имени одного из наиболее ярких крестьянских поэтов-«попутчиков». Этим, очевидно, и объясняются сочувственные слова из заметки Троцкого на страницах бухаринской «Правды» в январе 1926 г., посвященной памяти Есенина: «В нашем сознании скорбь острая и совсем еще свежая умеряется мыслью, что этот прекрасный и неподдельный поэт по-своему отразил эпоху и обогатил ее песнями, по-новому сказав о любви, о синем небе, упавшем в реку, о месяце, который ягненком пасется в небесах, и цветке неповторимом – о себе самом. Пусть же в чествовании памяти поэта не будет ничего упадочного и расслабляющего... Умер поэт. Да здравствует поэзия! Сорвалось в обрыв незащищенное человеческое дитя! Да здравствует творческая жизнь, в которую до последней минуты вплетал драгоценные нити поэзии Сергей Есенин...»³⁵⁴. Такое отношение влиятельного партийного функционера к знаменитому русскому поэту было, прежде всего, продиктовано политическим расчетом. Не имевший надежной опоры в широких партийных кругах (преимущественно русских по своему национальному составу) убежденный интернационалист Л. Д. Троцкий стремился заручиться поддержкой со стороны патриотически ориентированной и просоветски настроенной мелкой буржуазии и представителей интеллигенции (писателей-«попутчиков», сменовеховцев и др.). По справедливому замечанию М. С. Агурского, Троцкий и некоторые другие большевистские лидеры, «кото-

³⁵⁰ Там же. С. 106–107.

³⁵¹ См.: Гусляров Е. Н., Карпущин О. И. Есенин в жизни: Систематизированный свод воспоминаний современников. М., 2000. Т. 1. С. 328.

³⁵² Там же. Т. 2. С. 13.

³⁵³ Там же. С. 12.

³⁵⁴ Правда, 1926, 19 января.

рые пришли в партию лишь накануне революции и, не будучи укоренены в партии, вынуждены были искать опоры вне ее. Это заставило их поглядывать и на русский национализм»³⁵⁵. Исходя из этого, нетрудно понять, почему имена и творчество Есенина и других русских писателей и общественных деятелей стали «разменной картой» в политической игре партийных лидеров.

Начало антиесенинской кампании тот же Агурский связывает с выводом «покровителя» поэта – Л. Д. Троцкого из Политбюро в октябре 1926 г. (не случайно, что бухаринская статья появилась спустя три месяца после его изгнания с партийного «Олимпа»). Однако идеологическая атака на «есенинщину» была не только очередной «дискредитацией» Троцкого, но и заключала в себе более глубокий политический смысл. Представляет интерес объяснение Агурским отношения Сталина к антиесенинской кампании. Как и в случае со сменовеховством (которое поддержал Троцкий) Сталин полагал, что наследие Есенина едва ли могло быть идеологически пригодным для пропаганды нового политического курса: «Сталин не был заинтересован в его защите. Во-первых, его не привлекало то, что Есенина защищал Троцкий, главное, его не привлекали никакие формы левого национал-большевизма. В этом он был весьма последователен. Он готов был поддержать Толстого, Булгакова, но отнюдь не Есенина... Левое народничество, скифство уходило в прошлое»³⁵⁶. Более поздняя поддержка Сталиным А. Н. Толстого, М. А. Булгакова, М. А. Шолохова (конец 1920-х – начало 1930-х гг.) свидетельствовала уже о начале выстраивания совершенно иной «государственнической» и идеологической официальной линии, в которую вписывались и должны были служить пропагандистской «поддержкой» конкретные произведения этих писателей («Дни Турбинных», «Тихий Дон», «Петр Первый», «Хождение по мукам» и др.). Творчество же литераторов «патриархально-народнического» направления продолжало подвергаться абстракции и в последующие годы.

Разгромная критика крестьянских писателей-«попутчиков» продолжалась и в начале 1930-х гг., когда, несмотря на уже обозначившуюся тенденцию к «патриотическому повороту» в официальной пропаганде и пересмотру сугубо негативного отношения к прошлому России, инерция национального нигилизма еще давала о себе знать. Так, в сборнике статей литературоведа Осипа Бескина с характерным названием «Кулацкая художественная литература и оппортунистическая критика», изданном в 1930 г., его автор выявляет рудименты националистического «росеянства» и «славянофильства» в творчестве друзей и последователей Есенина – поэтов Н. А. Клюева, П. В. Орешина и С. А. Клычкова. Фактически воспроизводя известные пассажи из бухаринской статьи, Бескин с негодованием отмечает: «Она еще доживает свой век – старая, кондовая Русь с ларцами, сундуками, иконами, лампадным маслом, с ватрушками, шаньгами по «престольным» праздникам, с обязательными тараками, с запечным медлительным, распаренным развратом, с изуверской верой, прежде всего апеллирующей к богу на предмет изничтожения большевиков, с махровым антисемитизмом, с акафистом, поминками и всем прочим антуражем. Еще живет «росеянство», своеобразно дожившее до нашего времени славянофильство, даже этакое боевое противозападничество с верой по-прежнему, по-старинке, в «особый» путь развития, в народ-«богоносец», с погружением в «философические» глубины мистического «народного духа» и красоты «национального» фольклора. В современной поэзии наиболее сильными представителями такого «росеянства» являются: Клычков, Клюев и Орешин (Есенин – в прошлом)». Особое возмущение у литературоведа вызвало то, что Клычков назвал интернациональный СССР «Советской Русью» и даже призывал к сохранению русской национальной культуры после победы

³⁵⁵ Агурский М. С. Идеология национал-большевизма. С. 201.

³⁵⁶ Там же. С. 227–228. Под «скифством» Агурский имеет в виду литературное направление 1917–1918 гг. национал-большевистской и левонароднической идейной ориентации, сформировавшееся после выхода сборника «Скифы». Вокруг него группировались поэты и писатели А. А. Блок, С. А. Есенин, Н. А. Клюев, Е. И. Замятин и др.

мировой революции. Вот как об этом писал сам поэт: «Завтра произойдет мировая революция, капиталистический мир и национальные перегородки рухнут, но... русское искусство останется, ибо не может исчезнуть то, чем мы по справедливости перед миром гордились и будем, любя революции... гордиться!». Бескин осудил такую «великодержавную» позицию: «Конечно, великодержавнику Клычкову никогда не понять, не дойти до того, что Октябрьская революция – не русская революция. Ему ведь полагается забыть о ста с лишним народах, населяющих бывшую Российскую империю»³⁵⁷. Не случайно, что сборник статей О. Бескина вышел в «год великого перелома», связанного с форсированной политикой всеобщей коллективизации и ликвидации кулачества как класса. Сборник был переиздан в 1931 году. В марте того же года поэт А. И. Безыменский в своем выступлении на VI съезде Советов СССР также подверг резкой критике последователей Есенина – крестьянских писателей, как проводников кулацкой и националистической идеологии: «В настоящее время традицию воспевания всего того отвратительного, что создавало нищету и забитость крестьянства, продолжают кулацкие поэты типа Клюева и Клычкова». Безыменский призвал объявить «жесточайшую войну кулацким идеологам «Рассеюшки-Руси»». Для ее успешного завершения, по мнению поэта, необходимо было уничтожение «образа того врага, который заключает в себе понятие «Рассеюшка-Русь»»³⁵⁸. Судьба поэтов – последователей Есенина сложилась трагически. В 1937 г. по обвинению в «контрреволюционной деятельности» будут расстреляны Н. А. Клюев, С. А. Клычков, П. Н. Васильев, в 1938 г. – П. В. Орешин. В том же году погибнет в заключении поэт Б. П. Корнилов. Творчество С. А. Есенина и ряда других писателей «есенинского направления» как значимый факт русской литературы «вернется» к советскому читателю лишь в 1960-е годы³⁵⁹.

Русская Православная церковь (РПЦ) как государственный и духовный институт царской империи изначально являлась для большевиков одним из главных политических противников, идеологической основой самодержавия и «великодержавной националистической политики» эксплуататорских классов. После прихода к власти коммунисты, следуя собственной установке на построение светского атеистического общества, начали планомерное наступление на религиозные институты, прежде всего, на Православную церковь. Декрет от 4 декабря 1917 г. провозгласил изъятие церковных и монастырских земель в пользу государства. В ведение последнего также передавались церковно-приходские школы (составлявшие около 35 % начальных школ), семинарии и духовные академии (Постановление Наркомпроса от 11 декабря 1917 г.). Особое значение имела публикация декрета «О свободе совести» (31 декабря 1917 г.), в котором, помимо провозглашения отделения церкви от государства, содержалось положение о том, что церковные общества лишались права владения собственностью и утрачивали свой юридический статус. В своем окончательном варианте декрет был утвержден 23 января 1918 г., но уже под другим названием: «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». Начавшиеся реквизиции церковного имущества, закрытие храмов, оскорбительная для верующих антирелигиозная пропаганда, преследование духовенства и многие другие меры, предпринятые большевиками, вызвали возмущение у прихожан и православного священства. Непримиримую позицию по отношению к новой власти занял патриарх Тихон. В январе 1918 г. он направил советскому правительству послание, в котором предал большевистских руководителей анафеме, а их действия расценил как проявление «самого разнузданного своеволия и сплошного насилия над святой Церковью». В октябре 1918 г., в своем послании Совету народных комиссаров, написанном к пер-

³⁵⁷ Цит. по: Вдовин А. И., Зорин В. Ю., Никонов А. В. Русский народ в национальной политике: XX век. С. 129–130.

³⁵⁸ Там же. С. 130.

³⁵⁹ См.: Русские писатели, XX век. Библиографический словарь: В 2 ч. М., 1998. 4.1. С. 264, 628, 633, 665; Там же. 4.2. С. 145.

вой годовщине Октябрьской революции, патриарх, обращаясь к коммунистическим вождям, обвинял их в отступничестве от декларируемых ими же лозунгов. Он заявлял: «Вы обещали свободу... Особенно больно и жестоко нарушение свободы в делах веры. Не проходит дня, чтобы в органах вашей печати не помещались самые чудовищные клеветы на Церковь Христову и ее служителей, злобные богохульства и кощунства. Вы глумитесь над служителями алтаря, заставляете епископов рыть окопы... и посылаете священников на грязные работы. Вы наложили свою руку на церковное достояние, собранное поколениями верующих людей, и не задумались нарушить их последнюю волю. Вы закрыли ряд монастырей и домовых церквей, без всякого к тому повода и причины. Вы заградили доступ в Московский Кремль – это священное достояние всего верующего народа». Особое неприятие у патриарха вызывала «антипатриотическая» политика большевиков, нашедшая свое выражение в лозунге «революционного пораженчества» (до 1918 г.), в заключении «позорного» Брестского мира, в провозглашении курса на мировую революцию и в «разжигании» гражданской междоусобицы: «Вы отняли у воинов все, за что они прежде доблестно сражались. Вы научили их, недавно еще храбрых и непобедимых, оставив защиту Родины, бежать с полей сражений... Отечество вы подменили бездушным интернационалом, хотя сами отлично знаете, что, когда дело касается защиты отечества, пролетарии всех стран являются верными его сынами, а не предателями.

Отказавшись защищать родину от внешних врагов, вы, однако, беспрерывно набираете войска. Против кого вы их ведете?

Вы разделили весь народ на враждующие между собой станы и ввергли их в небывалое по жестокости братоубийство... Не предвидится конца порожденной вами войне, так как вы стремитесь руками русских рабочих и крестьян доставит торжество призраку мировой революции»³⁶⁰.

Столь резкая оценка большевизма, содержащаяся в послании, была обусловлена радикальной антирелигиозной политикой новой власти, впервые за всю тысячелетнюю российскую историю начертавшей на своих знаменах призывы к воинствующему безбожию и отрицанию прошлого. Патриарх Тихон изобличал большевизм как силу антинациональную и чуждую русскому народу, его вере, культуре и традициям.

Вместе с тем, необходимо учесть, что в условиях гражданского противостояния значительная часть православного духовенства предпочла позиции нейтралитета и примирения враждующих сторон прямую поддержку белого движения. Историк А. С. Барсенков приводит следующие данные: «Духовенство приняло активное участие в организации сопротивления большевизму. В белогвардейских армиях действовали кадры военного духовенства. В армии Деникина было около 1000 священников, у Врангеля – более 500, у Колчака – несколько тысяч. В Сибири под общим руководством омского епископа Сильвестра (Ольшанский) созданы «полки Иисуса», «полки Богородицы», возглавлявшиеся священниками. Подобные части действовали и на Юге»³⁶¹. Все это не могло не способствовать дальнейшему расколу в российском обществе и эскалации гражданской войны. Борьба в рядах белых армий, получавших финансовую и военную поддержку стран Запада, едва ли могла служить доказательством «патриотизма» священства, избравшего такой путь противостояния большевизму. Участие представителей духовенства в контрреволюционных заговорах и антисоветской агитации заставляло коммунистическое руководство и органы ВЧК усилить репрессивные меры в отношении Церкви. Однако, зачастую преследованиям подвергались ни в чем не повинные лица духовного звания. Массовый характер носили убийства священни-

³⁶⁰ Родина. 1990. № 6. С. 72.

³⁶¹ Барсенков А. С., Вдовин А. И. История России. 1917–2007. С. 116. См. также: Гражданская война и военная интервенция в СССР. С. 655.

ков, реквизиция церковного имущества была возведена в ранг государственной политики. К 1922 г. было закрыто более двух третей из 1200 православных монастырей. В том же году, под предлогом получения средств для помощи голодающим, еще более широкий размах получила кампания по изъятию церковных ценностей. В мае 1922 г. Патриарх Тихон был заключен под арест. При поддержке советских властей широкое распространение получило движение «обновленцев», представленное священниками, выступавшими за радикальную реформу РПЦ, изменение в церковных обрядах и упразднение патриаршества. К 1923 г. «обновленцы» захватили многие православные приходы, 37 из 73 епархиальных архиереев подчинились обновленческому Высшему церковному управлению³⁶².

Стремясь избежать нового раскола Церкви и защитить ее от дальнейших гонений, патриарх Тихон в июне 1923 г. обратился в Верховный Суд РСФСР с письмом, в котором признал ошибочность своей прежней позиции по отношению к Советской власти. После этого письма Патриарх был освобожден из-под стражи. В апреле 1925 г., незадолго до своей кончины, им было составлено послание, известное как «предсмертное завещание Тихона». Призывая верующих признать новую власть как единственно законную на территории России, Патриарх обратился к пастве со словами: «В годы великой гражданской разрухи по воле Божией, без которой в мире ничто не совершается, во главе Русского государства стала советская власть, принявшая на себя тяжелую обязанность – устранение жутких последствий кровопролитной войны и страшного голода. Вступая в управление Русским государством, представители советской власти еще в январе 1918 г. издали декрет о полной свободе граждан веровать во что угодно и по этой вере жить... Мы в свое время в посланиях к архипастырям, к пастырям и пасомым всенародно признали новый порядок вещей и рабоче-крестьянскую власть народов, правительство коей искренне приветствовали.

Пора понять верующим христианскую точку зрения, что *судьбы народов от Господа устраняются*, и принять все происшедшее как выражение воли Божией... Призываем и церковноприходские общины, и особенно их исполнительные органы, не допускать никаких поползновений неблагонамеренных людей в сторону антиправительственной деятельности, не питать надежд на возвращение монархического строя и убедиться в том, что советская власть – действительно народная рабоче-крестьянская власть, а потому прочная и непоколебимая... Во избежание тяжелых кар мы призываем находящихся за границей архипастырей и пастырей прекратить свою политическую с врагами нашего народа деятельность и иметь мужество вернуться на Родину и сказать правду о себе и Церкви Божией...».

Обращенный к духовенству и православным мирянам призыв «подчиниться» новой власти завершал текст «Завещания»: «Призывая на архипастырей, пастырей и верных нам чад благословение Божие, молим вас со спокойной совестью, без боязни погрешить против святой веры подчиниться советской власти не за страх, а за совесть, памятуя слова апостола: *Всякого душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога, существующие же власти от Бога установлены*... Вместе с этим мы выражаем твердую уверенность, что установка чистых, искренних отношений побудит нашу власть относиться к нам с полным доверием, даст нам возможность преподавать детям нашим пасомым закон Божий, иметь богословские школы для подготовки пастырей, издавать в защиту православной веры книги и журналы»³⁶³.

Обращение патриарха, опубликованное на страницах «Известий» 15 апреля 1925 г., вызвало неоднозначную реакцию в обществе³⁶⁴, но стало еще одним важным заявлением из противоположного большевикам лагеря, которое подтверждало «легитимность» новой

³⁶² Там же. С. 181.

³⁶³ Известия. 1925. 15 апреля. Курсив источника.

³⁶⁴ См.: Цытин В. А. История русской церкви. 1917–1997. М., 1997. С. 123.

власти и обозначало ее как реальную политическую силу, скрепляющую государственное единство России. Несмотря на это обращение главы РПЦ к советским властям, гонения на Церковь усилились. Всего за период 1918–1931 гг. на территории РСФСР было закрыто 10056 молитвенных зданий РПЦ³⁶⁵. Своего пика антирелигиозная кампания достигла в мае-июне 1929 г., когда на местах началось массовое закрытие церквей. Эти действия получили свое идеологическое «обоснование» в решениях XIV Всероссийского съезда Советов (май 1929 г.) и II съезда Союза безбожников (июнь 1929 г.). По мнению наиболее ярых сторонников дальнейшего усиления антирелигиозной политики, борьба с церковью являлась «борьбой за социализм». Несмотря на содержащиеся в специальном июньском циркуляре ЦК ВКП(б) призывы «повести решительную борьбу с... извращениями в практике закрытия церквей и других молитвенных домов», должного воздействия они не возымели³⁶⁶. В 1931–1933 гг. было закрыто еще 539 православных молитвенных зданий, продолжалось преследование духовенства³⁶⁷. Массовыми тиражами издавались в 1920-х – начале 1930-х гг. антирелигиозная литература и периодика (газета «Атеист», журнал «Безбожник» и др.), пропагандировавшие не столько идеи научного атеизма, сколько оскорблявшие чувства верующих и подвергавшие нигилистической критике духовные традиции русского народа. Наиболее негативно оценивалась роль Церкви в дореволюционном образовании, благодаря которой в школе «создавалась грандиозная система религиозного фарисейства, патриотического лицемерия и начальственного холопства»³⁶⁸.

Таким образом, православное духовенство и зажиточное крестьянство (в том числе представители т. н. «кулацкой литературы») рассматривались сторонниками ультраинтернационализма в 1920-х – начале 1930-х гг. как главные носители патриархально-националистической идеологии и традиций, глубоко чуждых социализму и «пролетарской культуре». Более того, «пережитки» русской «великодержавной» психологии, идеи русского патриотизма расценивались как контрреволюционные, как проявление «национальной ограниченности» и как главное препятствие, мешавшее процессу коммунистического слияния наций и сплочению пролетарских масс России и других стран для решения задач мировой революции.

По мнению адептов мировой революции, «националистическое» мировоззрение было характерно не только для представителей мелкобуржуазных и клерикальных кругов. Национализм проник также и в партийно-советскую среду и даже получил свое выражение в политике ряда зарубежных компартий. В своих тезисах ко II конгрессу Коммунистического Интернационала, написанных в июне 1920 г., В. И. Ленин призвал к решительной борьбе с «мелкобуржуазным национализмом» в ком-движении: «Признание интернационализма на словах и подмена его на деле... мещанским национализмом... составляет самое обычное явление не только среди партий II Интернационала, но и тех, кои вышли из этого Интернационала, и даже нередко среди тех, кои называют себя теперь коммунистическими. Борьба с этим злом, с наиболее закоренелыми мелкобуржуазными-национальными предрассудками, тем более выдвигается на первый план, чем злободневнее становится задача превращения диктатуры пролетариата из национальной (т. е. существующей в одной стране и неспособной определять всемирную политику) в интернациональную (т. е. диктатуру пролетариата по крайней мере нескольких передовых стран, способную иметь решающее влияние на всю мировую политику). Мелкобуржуазный национализм объявляет интернационализмом признание равноправия наций и только, сохраняя... неприкосновенным национальный эгоизм,

³⁶⁵ Одинцов М. И. Государство и церковь в России: XX век. М., 1994. С. 88.

³⁶⁶ Там же. С. 79–80.

³⁶⁷ Там же. С. 88.

³⁶⁸ Бендриков К. К десятилетию светской школы в СССР // Народное просвещение. 1928. № 7. С. 98.

между тем как пролетарский интернационализм требует... подчинения интересов пролетарской борьбы в одной стране интересам этой борьбы во всемирном масштабе»³⁶⁹. Таким образом, сама идея «консервации» революции в своих национальных рамках трактовалась как абсолютное отступление от канонов марксизма, предусматривавших скорейшую революционную экспансию на другие страны.

Однако сам ход послевоенной европейской истории, изменение экономической и политической конъюнктуры в тех странах, на которые возлагали особые надежды большевики, заставляли их корректировать свои прежние планы. Поражение в советско-польской войне, экономическая стабилизация в Европе и необходимость налаживания торговых отношений с ведущими капиталистическими государствами объективно вели к пересмотру сроков начала нового революционного наступления сил международного пролетариата. О невозможности в сложившихся условиях форсированного развития мировой революции заявил в июле 1921 г.

В. И. Ленин: «Развитие международной революции, которую мы предсказывали, идет вперед. Но это поступательное движение не такое прямолинейное, как мы ожидали. С первого взгляда ясно, что в других капиталистических странах после заключения мира, как бы плох он ни был, вызвать революцию не удалось»³⁷⁰. Тем не менее, надежда на скорый мировой революционный реванш не оставляла наиболее радикально настроенных лидеров РКП(б). Так, в своем выступлении на IV конгрессе Коминтерна (18 ноября 1922 г.) Н. И. Бухарин предложил ввести в программу этой организации следующий пункт: «Мы должны установить в программе, что каждое пролетарское государство имеет право на красную интервенцию».

В «Коммунистическом Манифесте» сказано, что пролетариат должен завоевать мир, но ведь этого не сделать же движением пальца. Тут необходимы штыки и винтовки. Да, распространение Красной Армии является распространением социализма, пролетарской власти, революции»³⁷¹.

События лета-осени 1923 г. в Германии были восприняты советским руководством как начало нового этапа в развитии мировой революции (как и в годы Гражданской войны, именно на эту страну большевики возлагали особые надежды – как на исторически сложившийся европейский центр пролетарской борьбы, «родину революционной социал-демократии»). Тяжелый экономический кризис, галопирующая инфляция, массовая безработица (охватившая до 60 % рабочего класса) и угроза социального хаоса привели в августе 1923 г. к созданию коалиционного правительства с участием социал-демократов, которое возглавил лидер Народной партии Густав Штресеман. Однако новому правящему кабинету не удалось стабилизировать положение в стране. Следствием все более возрастающей радикализации масс стало повсеместное возникновение фабрично-заводских советов, в которых стремительно росло влияние коммунистов³⁷². Общая экономическая и политическая обстановка в Германии также усугублялась продолжавшейся оккупацией франко-бельгийскими войсками Рурского угольного бассейна и Рейнской области. Унизительные условия Версальского договора оскорбляли патриотические чувства немцев и способствовали усилению националистических настроений.

³⁶⁹ Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 41. С. 165–166.

³⁷⁰ Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 44. С. 37.

³⁷¹ IV Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала: Избр. доклады, речи и резолюции. М.; Пг., 1923. С. 195–196.

³⁷² См.: Пантелеев М. Агенты Коминтерна. М., 2005. С. 24.

Сложившиеся условия, по мнению лидеров РКП(б) и ИККИ³⁷³, позволял и рассчитывать на скорое революционное выступление немецкого пролетариата. Примечательно, что большевики, рассматривавшие Коммунистическую партию Германии в качестве ведущей организационной силы предстоящего восстания, предполагали найти поддержку и в среде набиравших популярность «левых» национал-социалистов. 20 июня 1923 г. член Президиума ИККИ К. Б. Радек выступил на расширенном заседании пленума комитета с речью, посвященной убитому французскими оккупантами в Рейнской области немецкому националисту Лео Шлагеттеру. Отдавая должное «мужественному солдату контрреволюции», коммунист Радек апеллировал к патриотическим чувствам немцев: «Против кого хотят бороться германские националисты? Против капитала Антанты или против русского народа? С кем они хотят объединиться? С русскими рабочими и крестьянами для совместного свержения ига антантовского капитала или с капиталом Антанты для порабощения немецкого и русского народов?... Если патриотические круги Германии не решаются сделать дело большинства народа своим делом и создать таким образом фронт против антантовского и германского капитала, тогда путь Шлагеттера был дорогой в ничто»³⁷⁴. Если выступление К. Радека вызвало сенсацию в немецких националистических кругах³⁷⁵, то у его непосредственного руководителя, председателя Исполкома Коминтерна Г. Е. Зиновьева, реакция на подобные призывы была сугубо отрицательной. В письме Л. Б. Каменеву (30 июля 1923 г.) он осудил как Радека, так и поддержавшего его Сталина: «Поговорив с интриганом Радеком, Сталин сразу решил, что германский ЦК ничего не понимает, и что надо поддержать болтуна Радека, к[ото]рый чуть-чуть не «уговорил» фацистов³⁷⁶ своей речью о Шлагеттере»³⁷⁷. Свои разногласия с Зиновьевым по данному вопросу Сталин попытался «сгладить» в письме к нему от 7 августа 1923 г., в котором генсек призвал руководствоваться соображениями политической целесообразности: «Конечно, фашисты не дремлют, но нам выгоднее, чтобы фашисты первые напали: это сплотит весь рабочий класс вокруг коммунистов»³⁷⁸. Однако надежды Сталина и Радека на то, что немецкие националисты «спровоцируют» серьезные беспорядки, не оправдались. Выжидательную позицию заняло и руководство германской компартии, не решившееся в последний момент призвать рабочие массы к революционному выступлению. Только в Гамбурге коммунисты подняли восстание (23 октября), подавленное властями в течение двух дней.

Поражение в Германии было по-разному воспринято в московских партийных кругах. Если Г. Е. Зиновьев расценил произошедшее как ошибку «в оценках темпа» мировой революции, который следует измерять годами, а не месяцами³⁷⁹ (об этом он заявил в июне 1924 г.), то для более «прагматично» настроенной части руководства РКП(б) во главе с И. В. Сталиным это событие явилось предлогом для пересмотра прежней партийной установки, предполагавшей скорейшее распространение революции на другие страны и являвшейся основой внешнеполитической стратегии большевизма на протяжении последних семи лет. Осознание невозможности в сложившихся условиях немедленной революционной экспансии и насущная необходимость укрепления советской государственности и экономического развития территории, «отвоеванной» у международного империализма привели к возникновению концепции «строительства социализма в одной, отдельно взятой стране». Свое окон-

³⁷³ ИККИ (Исполнительный комитет Коммунистического Интернационала) – высший действующий орган Коминтерна в период между проведением его конгрессов.

³⁷⁴ Цит. по: *Агурский М. С.* Идеология национал-большевизма. С. 196.

³⁷⁵ Там же. С. 196–197.

³⁷⁶ Имеются в виду немецкие национал-социалисты.

³⁷⁷ РКП(б): Внутрипартийная борьба в двадцатые годы: Документы и материалы. 1923. М., 2004. С. 129.

³⁷⁸ Там же. С. 139.

³⁷⁹ V Всемирный конгресс Коминтерна. Стеногр. отчет. М.; Л., 1925. 4.1. С. 9.

чательное оформление она получила в декабре 1924 г., в предисловии «Октябрьская революция и тактика русских коммунистов», написанном И. В. Сталиным к своей книге «На путях к Октябрю»³⁸⁰ и явившимся теоретическим «ответом» на работу Л. Д. Троцкого «Программа мира» (опубликованную в 1917 г. и переизданную в 1924 г.). Полемизируя с Л. Д. Троцким, отрицавшим саму идею построения социализма в одной стране в условиях враждебного капиталистического окружения и отсутствия поддержки извне, И. В. Сталин, опираясь на ленинское наследие, опровергал теоретические установки сторонников «перманентной революции»: «Несомненно, что универсальная теория одновременной победы революции в основных странах Европы, теория невозможности победы социализма в одной стране, — оказалась искусственной, нежизнеспособной теорией. Семилетняя история пролетарской революции в России говорит не за, а против этой теории... Ленин совершенно прав, говоря, что победа пролетариата в одной стране является «типичным случаем», что «одновременная революция в ряде стран» может быть лишь «редким исключением»». Вместе с этим, Сталин подчеркивал, что «победа социализма в одной стране не есть самодовлеющая задача», ее необходимо рассматривать «как подспорье, как средство для ускорения победы пролетариата во всех странах»³⁸¹. Перспективы мировой революции Сталин непосредственно связывал с успехами строительства социализма в СССР: «Само развитие мировой революции, самый процесс отпадения от империализма ряда новых стран будет происходить тем скорее и основательнее, чем основательнее будет укрепляться социализм в первой победившей стране»³⁸². При этом конкретные сроки нового этапа революции, целью которого было бы «преодоление буржуазии в мировом масштабе» Сталиным не указывались и, по сути, отодвигались на неопределенное время. В своем выступлении перед московским партактивом в мае 1925 г. он отметил, что наступивший новый этап революции представляет собой «целый стратегический период, охватывающий целый ряд лет, а пожалуй, и ряд десятилетий»³⁸³. Последующие события в Китае (1927 г.), поражение коммунистов в борьбе с националистической партией Гоминьдан также подтвердили всю иллюзорность надежд коминтерновцев и определенной части руководителей ВКП(б) на скорое «продвижение» революции и на Востоке. Пересмотр прежнего курса на революционную экспансию приведет к тому, что социалистическое строительство в СССР со временем действительно станет главной «самодовлеющей задачей» для дальнейшего развития советского государства, а идея мировой революции («мирового революционного процесса») получит качественно иное содержание и будет служить пропагандистским «прикрытием» внешнеполитической стратегии лидеров коммунистической державы.

³⁸⁰ Книга выйдет двумя изданиями — в январе и в мае 1925 г.

³⁸¹ Сталин И. В. Соч. Т. 6. С. 395–396.

³⁸² Там же. С. 399.

³⁸³ Сталин И. В. Соч. Т. 7. С. 92.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.